

DOI: 10.15507/2413-1407

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

РЕГИОНОЛОГИЯ **REGIONOLOGY**

Том 26, № 2, 2018 (апрель – июнь)
Сквозной номер выпуска – 103

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68/1

Телефон, факс: +7 (834-2) 48-14-24, +7 (834-2) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

Vol. 26, No. 2, 2018 (April – June)
Continuous issue 103

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”
68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia
Tel/Fax: +7 (834 2) 48 14 24, +7 (834 2) 32 86 14

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly.

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2018

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников на основании Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки по следующим отраслям науки и группам специальностей:

Социально-экономические и общественные науки

08.00.00 Экономика
22.00.00 Социология
23.00.00 Политология

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань», базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

The main content of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The Journal is included in the **List of the peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for obtaining the scientific degree of Candidate of Sciences or Doctor of Sciences should be published.**

The names and content of the Journal’s sections correspond to the fields of science and groups of specialties of scientific workers in accordance with the Nomenclature of Scientific Specialties in which academic degrees are awarded.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the editorial office for the purpose of their expert evaluation in the following fields of science and groups of specialties:

Socio-Economic and Social Sciences

08.00.00 Economics
22.00.00 Sociology
23.00.00 Political Science

Editorial staff’s policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legitimacy, plagiarism, ethical principles, kept in community of leading scientific issues publishers. Journal’s editorial policy is based upon traditional ethical principles of Russian academic periodicals; it supports Academic Periodicals Ethical Codex, stated by Committee on Publication Ethics (Russia, Moscow) and it is formed in account of standards of ethics of editors’ and publishers’ work confirmed by Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors and Code of Conduct for Journal Publishers, developed by Committee on Publication Ethics (COPE).

The Journal is indexed and archived in Russian Science Citation Index (RSCI), scientific electronic library of CyberLeninka, in the electronic library system of Lan, in the database of Ulrichsweb Global Serials Directory, German National Library of Economics (ZBW).

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor); the Certificate of registration of a mass media unit: PI No. FS77-65932 of 6 June 2016.

All the materials of the “Integration of Education” journal are available under Creative Commons “Attribution” 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор, ректор ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, директор НИИ регионологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Россия)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, кандидат педагогических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Саранск, Россия)

Бахлов Игорь Владимирович – заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор политических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Россия)

Барыгин Игорь Николаевич – профессор кафедры европейских исследований ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор политических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (Санкт-Петербург, Россия)

Большаков Андрей Георгиевич – заведующий кафедрой конфликтологии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доктор политических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Казань, Россия)

Гришин Виктор Иванович – ректор ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», доктор экономических наук, профессор, rector@tea.ru (Москва, Россия)

Дахин Андрей Васильевич – заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор философских наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@gambler.ru (Нижний Новгород, Россия)

Дружинин Павел Васильевич – заведующий отделом моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики ФГБУН «Карельский научный центр Российской академии наук», доктор экономических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Россия)

Дулина Надежда Васильевна – профессор кафедры социологии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Россия)

Кизима Сергей Анатольевич – заведующий кафедрой международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор политических наук, профессор, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Ковалев Виктор Антонович – профессор кафедры политологии и международных отношений ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», доктор политических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Сыктывкар, Россия)

Лалин Анатолий Евгеньевич – заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Россия)

Макарова Марина Николаевна – профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», доктор социологических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Ижевск, Россия)

Немировский Валентин Геннадьевич – старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории кафедры общей и экономической социологии ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Тюмень, Россия)

Патрушев Владимир Иванович – профессор кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор социологических наук, профессор, vipatrushev@yandex.ru (Москва, Россия)

Резник Галина Александровна – заведующий кафедрой маркетинга и экономической теории ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Пенза, Россия)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – руководитель Центра по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в Центрально-Азиатском регионе Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Симанавичене Жанета – заведующий лабораторией инноваций в предпринимательстве Университета Миколаша Ромериса, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zaneta.simanaviciene@ktu.lt (Вильнюс, Литва)

Спринчан Сергей Леонидович – ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы, доктор политологии, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Туровский Ростислав Феликсович – вице-президент Центра политических технологий, доктор политических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Москва, Россия)

Шалаев Владимир Павлович – декан факультета социальных технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет», доктор философских наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvp@volgatech.net (Йошкар-Ола, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sergey M. Vdovin – Editor-in-Chief, Rector of National Research Ogarev Mordovia State University, Ph. D. (Economics), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Director of Research Institute of Regionology, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russia)

Svetlana V. Gordina – Executive Editor, Ph. D. (Pedagogy), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Saransk, Russia)

Igor V. Bakhlov – Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Saransk, Russia)

Igor N. Barygin – Professor, Department of European Studies, St. Petersburg State University, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (St. Petersburg, Russia)

Andrey G. Bolshakov – Head of Department, Department of Conflict Resolution, Kazan (Volga) Federal University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Kazan, Russia)

Andrey V. Dakhin – Head of Department, Department of Philosophy and Political Science, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russia)

Pavel V. Druzhinin – Head of Department, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russia)

Nadezhda V. Dulina – Professor, Department of Sociology, Volgograd State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russia)

Viktor I. Grishin – Rector of Plekhanov Russian University of Economics, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, rector@rea.ru (Moscow, Russia)

Sergey A. Kizima – Head of Department, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Viktor A. Kovalev – Professor, Department of Political Science and International Relations, Piterim Sorokin Syktyvkar State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Syktyvkar, Russia)

Anatoly E. Lapin – Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russia)

Marina N. Makarova – Professor, Department of Sociology, Udmurt State University, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Izhevsk, Russia)

Valentin G. Nemirovskiy – Senior Researcher at the Training and Research Laboratory, Department of General and Economic Sociology, Tyumen State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Tyumen, Russia)

Vladimir I. Patrushev – Professor, Department of Public and Municipal Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, vipatrushev@yandex.ru (Moscow, Russia)

Galina A. Reznik – Head of Department, Department of Marketing and Economic Theory, Penza State University of Architecture and Construction, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Penza, Russia)

Aigul K. Sadvokassova – Director of the Center for the Study of Interethnic and Interfaith Relations in the Central Asian Region, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Vladimir P. Shalaev – Dean, Faculty of Social Technologies, Volga State University of Technology, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvp@volgatech.net (Yoshkar-Ola, Russia)

Žaneta Simanavičienė – Head of Business Innovation Laboratory, Mikolas Romeris University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zaneta.simanaviciene@ktu.lt (Vilnius, Lithuania)

Sergei L. Sprincean – Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Rostislav F. Turovsky – Vice-President, Center for Political Technologies, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Мировая экономика

- Х. Г. Варгас-Эрнандес, А. Г. М. Гутьеррес.** Интеграция Мексики и Японии в рамках Соглашения об экономической ассоциации: влияние на торговый баланс Мексики в период 2005–2017 гг. 202

Экономика и управление народным хозяйством

- И. Е. Ильина, Е. Н. Жарова, Е. В. Агамирова, А. С. Каменский.** Инновационное развитие регионов России 230

- Н. А. Филиппова, О. Ю. Шелудякова.** Оценка современного состояния налогообложения субъектов малого и среднего бизнеса Республики Мордовия: на примере упрощенной системы налогообложения 256

- Н. В. Рычкова, Г. Р. Столярова, С. Ю. Рычков, Ж. Б. Шакнис.** Халяльный маркетинг в поликультурном регионе 278

Политические институты, процессы и технологии

- М. И. Колыханов.** Распределение властных полномочий между центром и регионами в Российской Федерации и Швейцарской Конфедерации 296

Социальная структура, социальные институты и процессы

- Ю. Ю. Белова.** Модели социальной превенции алкоголизации населения в регионах России с различными климатическими условиями 314

- Г. И. Макарова.** Образ Татарстана и стратегии его брендинга в представлениях и оценках населения региона 338

Экономическая социология и демография

- М. А. Зырянова (Шишкина).** Детерминанты рождаемости в северных регионах России: результаты Всероссийских переписей населения 358

- А. А. Глухова, А. А. Иудин, Д. А. Шпилев.** Отношение к полиции представителей разных социально-демографических групп населения (по материалам Нижегородского региона) 384

- Информация для авторов и читателей** 408

- Информация для авторов и читателей (на англ. яз.)** 410

CONTENTS

World Economy

- J. G. Vargas-Hernández, A. G. M. Gutiérrez.** Integration of Mexico–Japan in the Economic Association Agreement: Its effects on the Mexican trade balance, 2005–2017 period 202

Economics and Management of National Economy

- I. E. Iilina, E. N. Zharova, E. V. Agamirova, A. S. Kamenskiy.** Innovative Development of the Regions of Russia 230

- N. A. Filippova, O. Yu. Sheludyakova.** Assessment of the Current State of Taxation of Small and Medium-Sized Businesses in the Republic of Mordovia: the Case Study of the Simplified Taxation System 256

- N. V. Rychkova, G. R. Stolyarova, S. Yu. Rychkov, Ž. B. Šaknys.** Halal Marketing in a Multicultural Region 278

Political Institutions, Processes and Technologies

- M. I. Kolykhalov.** Distribution of Powers between the Center and Regions in the Russian Federation and the Swiss Confederation 296

Social Structure, Social Institutions and Processes

- Yu. Yu. Belova.** Models of Social Prevention of Alcohol Abuse in Russia's Regions with Different Climatic Conditions 314

- G. I. Makarova.** The Image of Tatarstan and the Strategy of its Branding in the Views and Judgments of the People of the Region 338

Economic Sociology and Demography

- M. A. Zyryanova (Shishkina).** Determinants of Birth Rate in the Northern Regions of Russia: Results of the All-Russian Population Censuses 358

- A. A. Glukhova, A. A. Iudin, D. A. Shpilev.** Attitudes of Representatives of Different Socio-Demographic Population Groups towards the Police (Based on the Materials of the Survey Conducted in the Nizhny Novgorod Region) 384

- Information for Authors and Reader of the Journal** 408

- Information for Authors and Reader of the Journal (in English)** 410

Integration of Mexico–Japan in the Economic Association Agreement: Its Effects on the Mexican Trade Balance, 2005–2017 period

J. G. Vargas-Hernández* A. G. M. Gutiérrez^b

^a University of Guadalajara (Guadalajara, Mexico),

^{*}jvargas2006@gmail.com

^b Autónoma University of Sinaloa (Los Mochis, Mexico)

Introduction. This research seeks to analyze the effects of the Mexican trade balance on the basis of the Mexico–Japan Economic Partnership Agreement period 2005–2017. The research question is: what are the effects of the Mexican trade balance during the period 2005–2017 in terms of Economic Association Agreement Mexico–Japan?

Materials and Methods. The research method used is empirical-analytical and documentary. The current investigation consists of the antecedents of the problem which are first given to delimit it, then a justification is made, the variables and hypotheses are raised, to later establish the objectives of the investigation.

Results. A conceptual and empirical theoretical revision of the literature is made; the context is established with the unit of analysis and the method is developed. It is obtained, that the Economic Association Agreement Mexico–Japan has strengthened the economic relationship between both countries. However, Mexican exports need support and development programs.

Discussion and Conclusion. Mexico is very important to be a self-sufficient country in the production of goods and services to establish stable economic indicators that do not affect the country's trade balance. The practical importance of the study assumes the use of the results obtained in future projects of economists or researchers of the world economy.

Keywords: Economic Association Agreement Mexico–Japan, Mexican trade balance, foreign direct investment

© Vargas-Hernández J. G., Gutiérrez A. G. M., 2018

Интеграция Мексики и Японии в рамках Соглашения об экономической ассоциации: влияние на торговый баланс Мексики в период 2005–2017 гг.

Х. Г. Варгас-Эрнандес^{1*}, А. Г. М. Гутьеррес²

¹ Университет Гвадалахары (г. Гвадалахара, Мексика),

^{*}jvargas2006@gmail.com

² Автономный университет шт. Синалоа (г. Лос-Мочис, Мексика)

Введение. Цель статьи – изучить влияние Соглашения об экономическом партнерстве между Мексикой и Японией на торговый баланс Мексики в 2005–2017 гг. Актуальным представляется вопрос об изменении сальдо торгового баланса Мексики в 2005–2017 гг. в контексте Соглашения об экономической ассоциации между Мексикой и Японией. **Материалы и методы.** В исследовании используются эмпирико-аналитический и документальный методы, анализируются различные переменные показатели и гипотезы, необходимые для определения цели и задач исследования.

Результаты исследования. Проведен концептуальный и эмпирический теоретический обзор литературы; определен контекст исследуемой проблемы; разработана методология исследования. Доказано, что Соглашение об экономической ассоциации между Мексикой и Японией укрепило экономические отношения между двумя странами, однако мексиканский экспорт нуждается в поддержке и программах развития.

Обсуждение и заключение. Мексике очень важно быть самодостаточной в производстве товаров и услуг для достижения стабильных экономических показателей, не влияющих на торговый баланс страны. Практическая значимость заключается в возможности использовать полученные результаты в будущих проектах и разработках учеными-экономистами и специалистами, занимающимися исследованием экономики зарубежных стран.

Ключевые слова: Соглашение об экономической ассоциации между Мексикой и Японией, торговый баланс Мексики, прямые иностранные инвестиции, экономические отношения

Introduction. April 1, 2017 marked the 12th anniversary of the entry into force of the Economic Association Agreement (EPA) Mexico–Japan. During this period, bilateral trade increased to almost 7 million dollars until 2016, compared to the 2005 figure; however, Mexico maintains a trade deficit of almost 13 million dollars with Japan until 2016. The importance of the AAEMJ is to create a strategic partnership that strengthens bilateral activities such as trade and investment, through the improvement of business, education, job training, support for small and medium enterprises (SMEs); which includes rules of origin and customs procedures, sanitary and phytosanitary regulations, investment, services, competition and bilateral cooperation.

For Mexico, the AAEMJ represents an important opportunity to boost exports to the Japanese market and attract investment to increase produc-

tion, employment, and competitiveness. In addition to encouragement by Japan to SMEs through cooperative support. For Japan, the condition of the agreement is to take advantage of the country as a platform to export to the United States, Europe and South America.

The current investigation consists of the antecedents of the problem which are first given to delimit it, then a justification is made, the variables and hypotheses are raised, to later establish the objectives of the investigation; later, a conceptual and empirical theoretical revision of the literature is made; the context is established with the unit of analysis and the method is developed. Finally, the results are presented with their conclusions.

The Mexico–Japan Economic Association Agreement (AAEMJ) was signed on September 17, 2004 and entered into force as of April 1, 2005. This Agreement links us to the second largest economy in the world, and contributes to increase the production, employment and competitiveness¹. From the external debt of 1982, the economic policy of Mexico adopted an export-oriented industrialization model, seeking the development of its economy through the capture of foreign direct investment (FDI) from multinational companies and the export of industrial products. “Mexico is open to receiving FDI through the elimination of trade barriers, the establishment of a maquiladora regime, etc.” [1, p. 49]. As effects of Japanese Foreign Direct Investment (FDI) placed in Mexico has achieved high percentages, becoming Japan as the second destination for Mexico of exports and the first investment partner in Mexico.

Pro Mexico mentions that as a result of the signing of the AAEMJ, a considerable amount of trade has been obtained between both countries, having grown by 73,4 %, from 12,758 million dollars in 2004, to the aforementioned 22,129 million dollars in 2015. In recent years, Japan has become the second destination for Mexico of agricultural and food exports. Japanese foreign direct investment has had a great impact in Mexican territory, mainly for Japanese companies with an investment of 20,000 million dollars. In 2015, foreign direct investment in Mexico was \$ 1,329 million, which made Japan the first Asian investment partner and third worldwide with 4,7 % of the total².

Japanese companies promote the creation of employment sources in Mexico, in addition to the technological transfer that contributes to im-

¹ CONAPO. Acuerdo de Asociación Económica México Japón. 2004. Available at: www.sice.oas.org/TPD/MEX_JPN/Studies/puntos_s.pdf (accessed 22.06.2017).

² Pro México. Diez años del Acuerdo de Asociación Económica México–Japón logros, retos y oportunidades. (s.v.). 2015. P. 12. Available at: www.promexico.mx/documentos/biblioteca/10-anos-acuerdo-mexico-japon-esp.pdf (accessed 20.02.2017).

prove the quality of life of the communities where they are established. However, the result of the trade balance is deficit within the Mexican economy, due to the growth of imports that come from Japan, for the establishment of industrial plants subsidiary of Japanese companies. Ya. Tokoro points out that however, for ten years the deficit of the bilateral trade balance is four times more favorable to Japan. Exports to Japan have not grown in recent years, which shows that there has only been one import opening that only benefits Japanese trade [1, p. 54].

The strategic sectors in Mexico show a great disparity to Japan, since they show the great Japanese development and the weak Mexican economy. Mexico is in charge of providing raw materials for Japan, mainly food and agriculture; Japanese electrical / electronic products participate in an important way in the Mexican market.

Delimitation of the problem. The present investigation delimits for its application of study the international context Mexico–Japan in the international relation that occurs through the Agreement of Economic Association with the objective of analyzing and identifying its effects in the Mexican trade balance. The country of Mexico, as a result of the elimination of trade barriers to the Japanese country, has resulted in an increase in Japanese FDI, causing an increase in imports in Mexico, maintaining rates with ups and downs and a decreasing trend in international trade.

According to T. Okabe & R. S. Carrillo, in the period 2003–2013, both exports and imports show an intermediate growth, representing 1,21 percent of all non-oil exports from Mexico in 2003, which increased in the 1,59 percent in 2008. However, as of 2008 exports to Japan begin to decline, presenting a deficit trade balance at an average of 11,937 million dollars per year [2, p. 116].

Mexico maintains a deficit trade balance against Japan at an average of close to 13,000 million dollars per year until 2016, due to import requirements in the assembly of manufacturing industries, as well as imports of automobiles. It should be noted that domestic exporters are not taking full advantage of the agreement. Japan granted Mexico annual quotas of products that can be exported without paying a tariff and that are not being used 100 %, as would be the case of leather, footwear and honey products among others [2, p. 117]. The lack of development in infrastructure, transportation costs, the inaccuracy of information to carry out exports, such as the lack of investment in maritime ports, leads to operational deficiencies that become an export obstacle for Mexican SMEs.

According to the previous approaches, the research tries to answer the following questions:

a) What behavior has the Mexican trade balance had during the period 2005–2017 according to the Agreement of the Mexico–Japan Economic Association?

b) How is Mexico’s international competitiveness compared to Japan in the period 2005–2017, depending on the business opportunities, institutional framework and macroeconomics of the country?

c) What is the economic growth that Mexico has had during the bilateral relationship with Japan period 2005–2017, according to the business opportunities, institutional framework and macroeconomics of the country?

Justification. Currently, international economic and trade relations between countries play a very important role. An influential factor to carry out free trade is globalization through international treaties or agreements. The AAEMJ opens the possibility of increasing the trade of products and services between both countries in order to complement the advantages and disadvantages of the parties. The bilateral relationship set forth in this agreement shows negative results in macroeconomic terms since 2008.

Therefore, this issue deserves to be addressed in order to seek a definitive solution to the silver problem. The study is focused on carrying out an analysis of the AAEMJ and determining the causes of the results that the Mexican trade balance throws in terms of the international commercial relationship with Japan. In order to generate proposals for improvement that benefit companies doing international business with the eastern country. So to raise ideas for the increase of Mexican exports.

Variables and hypothesis of work. *General hypothesis:* The Mexico–Japan Economic Association Agreement does not have a positive influence on the commercial balance.

Specific hypotheses: Business opportunities impact the balance and imbalance of the country. The institutional framework influences the international competitiveness of a country. Macroeconomics in a country determines its economic growth.

In the current investigation correspond the following objectives:

– General objective: To analyze the result of the Mexican trade balance during the 2005–2017 period according to the Mexico–Japan Economic Association Agreement;

– Specific objectives: To determine the result of the balance of payments in Mexico period 2005–2017, according to the business opportunities, institutional framework and macroeconomics of the country. To analyze competitiveness in Mexico in the 2005–2017 period, based on business opportunities, institutional framework and the country’s macroeconomics. To identify economic growth in Mexico period 2005–2017,

based on business opportunities, institutional framework and macroeconomics.

To enter the research, it is necessary to expose the basic concepts and main theories of the research variables. In the first place, the concept of the Economic Partnership Agreement Mexico Japan is explained, ending with the commercial balance.

Mexico Japan Economic Association Agreement. The Mexico Japan Association Agreement aims to improve economic relations between Mexico Japan through Japanese investment and the increase of Mexican exports. G. M. Delgado details the Mexico Japan Economic Association Agreement: The Mexico Japan Economic Association Agreement was signed on September 17, 2004, by Prime Minister Junichiro Koizumi and President Vicente Fox, during the state visit made by the ruler Japanese to Mexico. The document was approved in the Mexican Senate on November 18 of the same year, and entered into force on April 1, 2005 [3, p. 277].

The Mexico–Japan Economic Partnership Agreement has as a priority the unblocking of bilateral trade between Mexico and Japan, through the liberalization of economies. G. Garcia defines the Mexico Japan Economic Association Agreement as the Mexico Japan Economic Association Agreement was signed on September 17, 2004 and entered into operation on April 1, 2005. The objective of the EPA is to promote trade liberalization and the investment between Mexico Japan [4, p. 118].

The AAEMJ contemplates legal aspects that determine practices to promote socioeconomic relations between both countries and thus strengthen the diplomacy between both countries. The EPA contemplates the elements of a free trade agreement, as well as various provisions to intensify bilateral cooperation and promote social and economic rapprochement between both countries³. The Economic Association Agreement Mexico Japan entered into force on April 1, 2005. It has as its main objective, to originate the economic and social development between both countries and has elements to intensify bilateral cooperation and promote investment between Mexico and Japan.

Trade balance. Next, some authors of the state of the art who parley different concepts and the functions of the commercial Scale are announced: Robinson delimits that for any country an increase of the trade balance is equivalent to an increase of the investment, which usually leads (given the level of national investment) to an increase in employment.

³ Tapia Zuckermann E. El Acuerdo de Asociación Económica entre México y Japón: Relaciones comerciales para el siglo XXI. 2005. P. 58. Available at: <https://revistas-colaboracion.juridicas.unam.mx/index.php/juridica/article/view/11589/10600> (accessed 20.02.2017).

The increase in the trade balance of a country at best does not affect the level of world occupation. The decline in a country's imports means the decline of exports from other countries, and the balance of the trade balance for the world as a whole is always equal to zero⁴.

Clearly, Robinson explains that the trade balance can show positive and negative balances depending on bilateral trade. The main cause of the balance, are the investments that are established within a country, based on the growth of investments increase both exports and imports of a country. R. J. Paschoal defines the commercial balance as it generally includes the highest values of the balance of payments. That balance is defined as the difference between exports and merchandise imports. Regarding the value that exceeds that of imports, it is said that there is an active trade balance; in the opposite case, it is said that there is a passive trade balance [5, p. 688].

The trade balance is a determinant of the economy of a country, which measures the number of exports and imports that a country makes in the exchange of goods and services, helps to determine a result whether positive or negative according to the flow of goods from a country. The commercial balance regulates in a general way the movement of trade flows, thus establishing a negative or positive balance depending on the increase in exports and imports made by a country abroad. C. F. Robert & M. A. Taylor defines that the balance is the price of the country's trade in terms of the difference between the total value of its exports and the total value of its imports (in general, both goods and services are included). The countries that import more than export they have a trade deficit [6].

The trade deficit is a result of the lack of self-sufficiency on the part of a country and little development, lack of productivity, inflation, and little support for companies are factors that lead to low export levels. Therefore, a country that does not produce according to the needs of the society that forms a country before a globalized world. It implies that the country requires buying goods and services abroad, for the benefit of countries with a gross domestic product and a high GDP per capita.

Finally, M. S. Vázquez, R. J. Madrigal mention that in the commercial balance a trade deficit or surplus may occur depending on foreign trade: It measures the differences between exports and imports of a country. There is a deficit when the balance of the trade balance is negative, that is, it is imported more than what is exported and a surplus when the value of exports exceeds imports [7, p. 20]. The trade balance records

⁴ Robinson J. Contribuciones a la teoría económica moderna (primera Ed). México, España, Argentina, Colombia: Siglo xxi editors; 1979. P. 227.

the number of exports and imports made in a country during a fixed period. Subsequently, it determines the balance of the trade balance by establishing a trade deficit or surplus of a country. The final result of the Trade Balance affects the economic activity of a country.

Review of theories. Subsequently, the main theoretical complements of the variables are presented, which were considered by the classical and neoclassical theories. First, the complementary theories of the variable independent are shown (table 1).

The classic theory of the comparative advantages of D. Ricardo mentions that each country has different economies, which leads to the specialization of products or services, depending on the technological, industrial, labor capabilities, etc. According to the theory of Heckscher and Ohlin, the intensive technologies of each country determine the level of productivity of each country relative to work, where the price of the factors is impacted in the price of the goods, a country exports the goods that it produces according to the technological intensity of the country. The new theory of international trade by P. Krugman mentions that it has two principles that are imperfect competition and intra-industry trade, involve greater technological progress, monopolies, aggressive policies of protectionism, foreign direct investment, etc. They are factors that impact on the competitiveness of countries, for international trade.

The theories that apply in this investigation are three, those of Krugman, D. Ricardo and Heckscher & Ohlin; they determine and describe exactly the aspects established in the AAEMJ. These theories allow the analysis of the characteristics and results achieved in the AAEMJ (table 2).

The following theories were found for the variable (Y). The main theories on the commercial balance are analyzed, authors like D. North (1970) and Krugman and Obstfeld (1953) are mentioned; They explain how the growth or development of a country's production impacts on the behavior of the commercial balance. Douglas North (1970) states that the regions of today are economies open to globalization, an era that implies trade opening and determines that each country produces goods and services, and then trade with other countries. Krugman and Obstfeld (1953) explain in their standard model of trade, that each country has different capacities to produce, the level of productivity depends on the economic capacity, lack of technology, economic and social development of the country, which limits the capacity production of a country. Therefore, the demand and supply of goods and services determine the balance in trade with other countries. It is important to maintain balanced macroeconomic levels in order to increase or maintain a good international competitiveness that has an impact on the country's socioeconomic stability.

Таблица 1. Theories of the Economic Association Mexico Japan [2; 8]

Таблица 1. Теории Соглашения об экономической ассоциации между Мексикой и Японией

Author / Автор	Theory / Теория	Principles / Принципы
D. Ricardo (19 th century) / Д. Рикардо (XIX в.)	The classical theory Comparative advantage / Классическая теория сравнительных преимуществ	Countries have different economies, with different knowledge, different technical capacities and unequal endowments of productive resources. This leads to specialization, to lower prices of goods exchanged and to diversify the availability of goods. In this way, the countries that trade are mutually beneficial [2, p. 49] / У стран разные экономики, разный уровень знаний, технический потенциал и обеспеченность производственными ресурсами. Это приводит к специализации, снижению цен на обмениваемые товары и диверсификации доступности товаров. Таким образом, торгующие страны получают взаимную выгоду
B. Ohlin, E. Heckscher (1919) / Б. Олин, Э. Хекшер (1919 г.)	Heckscher-Ohlin theory / Теория Олина – Хекшера	Trade responds to differences in the relative productivities of labor, as well as to the endowment of resources that countries in their own economy. The interaction between both aspects provides an explanation to the pattern of international trade, in terms that a country exports the goods that are produced with intensive technologies / Торговля реагирует на различия в относительной производительности труда и на обеспеченность ресурсами, которые страны выделяют в собственной экономике. Взаимодействие между обоими аспектами дает объяснение модели международной торговли, выражающейся в том, что страна экспортирует товары, произведенные с использованием интенсивных технологий
P. Samuelson, R. Jones (1971) / П. Самуэльсон, Р. Джонс (1971 г.)	Theory of specific factors / Теория специфических факторов производства	To detect with greater emphasis the impacts of trade on the distribution of income, which are socially differentiated and decisive in the establishment of trade protectionist policies. Trade can influence the structure of production and, therefore, affect the demand for the factors of production, which do not move from one production sector to another immediately and without cost [2, p. 50] / Подчеркивается особое влияние торговли на распределение доходов. Оно социально дифференцировано и имеет решающее значение для разработки торговой протекционистской политики. Торговля может влиять на структуру производства, спрос и на факторы производства, которые не переходят из одного производственного сектора в другой сразу и без затрат
P. Krugman (1979) / П. Кругман (1979 г.)	New theory of international trade / Новая теория международной торговли	Imperfect competition: shows the nonexistence of perfect competition, monopolies exist and are becoming stronger every day, as a result: High technological advances, aggressive policies. Intra-industrial trade: Generates additional gains in trade, even greater than those generated by comparative advantages [8, p. 20–21] / несовершенная конкуренция показывает отсутствие совершенной конкуренции: монополии существуют и становятся сильнее с каждым днем, как результат – высокие технологические достижения, агрессивная политика. Внутриотраслевая торговля создает дополнительные выгоды в торговле.

Таблица 2. Theories of the trade balance [2]
Таблица 2. Теории торгового баланса

Author / Автор	Theory / Теория	Principles / Принципы
D. North (1970) / Д. Норт (1970 г.)	Theory of the export base / Теория экспортной базы	The regions are open and, therefore, subject to changes of exogenous variables. The regions produce certain types of main goods or services that tend to become an exportable good on which their growth depends [9, p. 199] / Регионы открыты и подвержены изменениям экзогенных переменных. Регионы производят определенные виды основных товаров или услуг, становящихся экспортными товаром, от которого зависит их экономический рост
P. Krugman and M. Obstfeld (1953) / П. Кругман и М. Обстфельд (1953 г.)	Standard model of trade / Стандартная модель торговли	Differences in the frontiers of production possibilities, to which the production capacity of a country is limited, give rise to international trade. These productive possibilities give rise to a function of relative supply (between goods that can be produced) of a country. Global demand and relative supply determine the balance of world trade, that is, the terms of trade (terms of trade or relative prices) between goods exported and imported by countries that trade [2, p. 50–51] / Различия в границах производственных возможностей, которые ограничивают производственные мощности страны, обуславливают международную торговлю. Эти производственные возможности обуславливают функцию относительного предложения (товаров, которые могут быть произведены) страны. Глобальный спрос и относительное предложение определяют баланс мировой торговли, т.е. условия торговли (условия торговли или относительные цены) между товарами, экспортируемыми и импортируемыми странами, ведущими торговлю

In this research the two theories are applied since they clearly describe how the economic indicators of a country cause effects in the commercial balance, such as GDP, International Trade, open economies, demand, supply, etc.

An empirical review of the literature is presented in Table 3.

Contextual framework: Mexico–Japan association agreement its effects on the Mexican commercial balance period 2005–2017. The Mexico Japan Economic Partnership Agreement is signed by President Vicente Fox Quesada and Prime Minister Junichiro Kouizumi on September 17, 2004 and enters into force on April 21, 2005. According to Solís & Katada (2007), cited by T. Okabe & R. S. Carrillo, find two reasons: the most important was to grant free access to the Mexican market to Japanese automobile manufacturers, to electronic products and others [2, p. 41]. As a fundamental part of any treaty, important rules and aspects to consider when signing an agreement must be constructed to establish the interests of both countries. Below, the commercial provisions that constitute the AAEMJ are presented.

Commercial provisions of the EPA. According to CONAPO⁵, it explains the dispositions to markets of goods that the AAEMJ implements within the agro-food and fishing sector, Mexico within this treaty plays a role of main exporter of agro-food products to Japan. (s.p). Japan is the third importer of agro-food products in the world, with annual imports of around 50 billion dollars of agro-food and fishery products. In the agro-food sector, Japan imports around 35 billion dollars, which is almost double the total trade of agro food products among the member countries of NAFTA (Canada, the United States and Mexico)⁶.

In the negotiations of the EPA, real export opportunities were achieved where Mexico has great potential, through tariff and non-tariff advantages that allows to increase the participation in the Japanese market, with long-term legal certainty that no other country has to Japan. Mexico gained access to the Japanese market in products with great potential in this sector: green coffee, asparagus, fresh broccoli, tomato, cabbage, pumpkins, eggplant, legumes, lemons, mango, avocado, guava, papaya, egg, pectin, wines, tobacco, albumin⁷.

A preferential access was negotiated with quotas for very sensitive products for Japan and of great interest for the Mexican productive sector. Quotas were obtained for the Mexican productive sector in the following products: pork meat, beef, chicken meat, orange juice, honey, catsup, pasta, tomato puree, sorbitol, orange, dextrans⁸.

⁵ CONAPO. Acuerdo de Asociación Económica México Japón.

⁶ Ibidem. P. 4.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

Table 3. Empirical review of the literature*
Таблица 3. Эмпирический обзор литературы

Authors, Year / Авторы, год	Title of the research / Название исследо- вания	Method of research / Метод исследо- вания	Results / Результаты
R. González Bravo 2013 / Р. Гонзалес Браво 2013 г.	Advantages of the economic association agreement Mexico Japan for the manufacturing exports of Mexican companies (Jalisco)/Преимущества Соглашения об экономической ассоциации между Мексикой и Японией для экспорта продукции мексиканских компаний (шт. Халиско)	Exploratory / Поиск	The commercial balance of Mexico with Japan shows an imbalance. Mexico has not transcended as an exporter of raw materials and supplier of intermediate inputs. Few are the benefits for the Mexican economy. The main advantage for Mexican companies under the AAEMJ is the reduction of tariff rates. The disadvantages for Mexican exporters is the complication in customs procedures, as well as the lack of information on the Japanese market / В торговле между Мексикой и Японией отмечается дисбаланс: Мексика так и осталась экспортером сырья, поставщиком полуфабрикатов, ее экономика получает мало выгоды. Основное преимущество Соглашения для мексиканских компаний – снижение тарифных ставок. Минусы для мексиканских экспортеров: усложнение таможенных процедур и отсутствие информации о японском рынке
2012 / 2012 г.	Mexico Economic Association Japan: Trade creation and diversion analysis 1999–2009 / Экономическая ассоциация между Мексикой и Японией: анализ создания торговых потоков и их переориентации в 1999–2009 гг.	Economic analysis / Экономический анализ	The variables of interest confirm that, since its entry into force, the EPA has created trade between Mexico and Japan. The AAEMJ has also encouraged bilateral trade flows between non-member countries. The size of the economy and the fact that countries share the border, encourage bilateral trade, while the distance of the countries affects trade between nations in a negative way. The AAEMJ has created trade, but it cannot be concluded if trade has been diverted for countries not members of the AAEMJ / Исследуемые переменные подтверждают, что Соглашение об экономическом партнерстве способствовало созданию торговых потоков между Мексикой и Японией. Также оно оstimулирует возникновение двусторонних торговых потоков между странами, не являющимися его членами. Развитию двусторонней торговли способствует размер экономики и общая граница между странами; в то время как значительное расстояние между странами отрицательно влияет на торговлю между ними. Соглашение об экономической ассоциации между Мексикой и Японией привело к созданию торговых потоков, однако неизвестно, были ли переориентированы торговые потоки стран, не являющихся членами Соглашения.

* Own elaboration / Авторская обработка данных

Japan is one of the leading importers of fishery products in the world. Mexico negotiated that all products of interest are included in the Agreement, which represent almost 80 % of Mexican exports of fishery products to Japan. Among the main products that have immediate tariff-free access are fresh and canned yellowfin tuna, shrimp, some crustaceans and mollusks and octopus. For sardines and squid, quotas were negotiated.

According to CONAPO for the automotive sector, of interest to Japan and sensitive to Mexico, the following scheme was negotiated: Japan was granted immediate access for only an amount equivalent to 5 % of the domestic automobile market. Under the current regime for the promotion of the Mexican automotive industry, the equivalent of 3 % of the national market is already free of duty⁹.

Table 4. List of Japanese products with immediate access to Mexico*

Таблица 4. Список японских товаров, получивших непосредственный доступ на мексиканский рынок

Capital goods / Средства производства	Electrical manufactures / Электрическое оборудование	Electronic equipment / Электронное оборудование
Hydraulic turbines / Гидравлические турбины	Air generators / Генераторы воздуха	Computers / Компьютеры
Certain compressors / Компрессоры определенного типа	Certain power generators / Электрогенераторы определенного типа	Printers / Принтеры
Mechanical cranes with or without boom / Механические краны со стрелой или без стрелы	Sources / power amplifiers / Источники питания и усилители мощности	Monitors / Мониторы
Forklifts / Вилочные погрузчики	Illuminated indicators / Световые индикаторы	Equipment to interconnect networks / Оборудование для соединения сетей
Mechanical shovels / Механические лопаты	Audio and video switchboards / Аудио- и видеокоммутаторы	Telephone operator servers / Серверы телефонной связи
Excavators / Экскаваторы	Audio conference generators / Генераторы аудиоконференций	Mini telephones / Мини-АТС

* Own elaboration / Авторская обработка данных

The promotion of activities in areas such as support industry; small and medium businesses; promotion to trade and investment; These are provisions that allow the strengthening of economic relations between both countries, in terms of bilateral cooperation. Pro Mexico mentions the percentage of tariff

⁹ Ibidem. P. 10.

liberalization with respect to Japan, and shows great immediate access free of duty: Japan immediately released 91 % and in the medium term 4 % of the tariff currently applied to Mexico for 95 % of the tariff fractions. The remaining 5 % of the tariff fractions consists of sensitive products¹⁰. Japan grants immediate tariff-free access to Mexico under quotas: leather footwear and clothing apparel.

Mexico immediately released 44 % of the tariff fractions that currently apply to Japan. Within this 44 % of the tariff fractions are included mainly items that are not produced in Mexico and inputs for domestic industry, such as high-tech products. (s.p). Below is a list of Japanese products that have immediate access to Mexico (table 4).

Some of the characteristics that differentiate Japan from Mexico:

– Japan is the second largest economy in the world (GDP per capita 34100 \$);

– The population has an average age of 43 years and a highly educated workforce;

– It is the eighth source of foreign direct investment (FDI) worldwide;

– It is one of the countries with the highest savings rates;

– Leading producer and exporter of high technology products;

– It imports 60 % of its food consumption (3rd importer worldwide);

– It is the main market in Asia of Mexican exports.

The characteristics that differentiate Mexico from Japan:

– Abundant young and skilled workforce of average age of 27 years;

– Economy that needs increasing levels of FDI and domestic investment;

– Importer of high technology systems and products;

– Producer and exporter of value-added products and maquila resources;

– Producer and exporter of agricultural products (table 5).

As a result of the AAEMJ, it is obtained that some agro-food and industrial products in tariff-free preferential access are shown in a table below (table 6).

Research methods. The type of research that is carried out in this study is of an empirical-analytical nature (quantitative) based on the investigation, analysis and verification of numerical data. This research is also documentary, since it focuses on research, interpretation of documents for the presentation of data and information. The data collection is carried out under a period of time, as far as a longitudinal investigation is concerned.

¹⁰ Pro México. Diez años del Acuerdo de Asociación Económica México-Japón logros, retos y oportunidades.

Table 5. Mexico–Japan complementarity¹¹

Таблица 5. Взаимодополняемость Мексики и Японии

Japan / Япония	Mexico / Мексика
Third world economy / Третья экономика мира	Fifteenth economy in the world / Пятнадцатая экономика в мире
Population with an average age of 46 years / Средний возраст населения – 46 лет	Population with an average age of 27 years / Средний возраст населения – 27 лет
Highly trained workforce / Высококвалифицированная рабочая сила	Abundant young and skilled workforce / Богатые ресурсы молодой и квалифицированной рабочей силы
Among the developed economies, Japan is the second largest source of foreign direct investment globally / Среди развитых стран Япония является вторым по величине источником прямых иностранных инвестиций в мире	Thirteenth place as a pole of attraction for foreign direct investment worldwide and the third in Latin American / Тринадцатое место в качестве полюса привлечения прямых иностранных инвестиций во всем мире и третье место в Латинской Америке
Producer and exporter of high technology products / Производитель и экспортер высокотехнологичной продукции	Importer of high technology products / Импортёр высокотехнологичной продукции
Importer of goods with medium-high technology such as electronics, household appliances, and the automotive sector / Импортёр товаров со средне-высокими технологиями, таких как электроника, бытовая техника и автомобильная продукция	Producer and exporter of goods with medium-high technology and agro-food / Производитель и экспортер товаров со средне-высокими технологиями и агропродовольственной продукции
Importer of 60 % of their food consumption (third place in the world) / Импортёр 60 % потребляемых продуктов питания (третье место в мире)	Need to complement national investment with foreign / Необходимость дополнения национальных инвестиций иностранными

Design of the investigation. The collection of quantitative information is obtained by means of measuring instruments useful for obtaining numerical data, by means of a sequence of time.

Research instruments. The instrument used in this research is the analysis of documents, because the case study that is addressed requires a process of interpretation and analysis of information. An analytical-synthetic process is carried out, because the information is studied, interpreted and synthesized to give rise to a new document that is easier to access and disseminate. For the statistical analysis, the Excel program is used and queries are made in Banxico, the World Bank and Macro Data where numerical data on the behavior of each of the indicators is determined; to then, represent the results by means of graphs and take them to the observation and analysis of the figures.

¹¹ Own elaboration with data from Pro México.

Table 6. Agro-food and industrial products with preferential tariff-free access¹²

Таблица 6. Агропродовольственные и промышленные товары с преференциальным беспошлинным доступом

Agro-food and industrial sectors / Агропродовольственный и промышленный сектора	Industrial sector / Промышленный сектор
Products with tariff preference within quota / Товары с тарифной преференцией в пределах квоты: – Beef, pork, chicken and processed / Говядина, свинина, курица, в том числе переработанные; – Juice of concentrated orange and; de-concentrated / Концентрированный и деконцентрированный апельсиновый сок; – Fresh orange / Свежие апельсины; – Agave syrup / Сироп агавы; – Natural honey / Натуральный мед; – Banana / Бананы; – Pasta and tomato puree / Макароны и томатное пюре; – Tomato sauces / Томатные соусы	Tariff-free products / Товары, не облагаемые пошлиной: – Meat and leather products / Мясные и кожаные изделия; – Leather footwear / Кожаная обувь; – Leather article / Изделия из кожи; – Garments and clothing accessories / Одежда и аксессуары; – Sorbitol / Сорбит; – Dextrins / Декстрины; – Citric acid / Лимонная кислота

Results. Table 7 presents the results based on the documentary analysis on trade and investment, customs procedures and rules of origin and infrastructure: consecutively, the quantitative results of the statistical analysis are shown in graphs, on the number of exports and imports, inflation, infrastructure and Gross Domestic Product.

Analyzing the results, it is determined that the total trade of Mexico has increased 6,974,282 million dollars from 2005–2016 showing a growth of exports from Mexico to the Japanese country. However, the trade deficit that Mexico has with this country has been increasing with a value of 2, 372, 358 million dollars for the period 2005–2016. The Economic Association Agreement between Mexico and Japan has caused changes in foreign trade between both countries. As a result, a growing pattern of deficit bilateral trade for Mexico has been consolidated, derived from the importation of high-value industrial inputs and the export of agricultural products [4].

Analyzing the results, it is determined that the total trade of Mexico has increased 6,974,282 million dollars from 2005–2016 showing a growth of exports from Mexico to the Japanese country; however, the trade deficit that Mexico has with this country has been increasing with

¹² Pro México. Diez años del Acuerdo de Asociación Económica México-Japón logros, retos y oportunidades.

a value of 2, 372, 358 million dollars for the period 2005–2016. Japan is the main beneficiary of the AAEMJ.

Table 7. Total trade and Mexican trade balance¹³

Таблица 7. Общий объем торговли и торговый баланс Мексики

Year / Год	Total trade / Общий объем торговли	Mexican trade balance / Торговый баланс Мексики
2005	14,547,792	-11,607,768
2006	16,889,195	-13,701,119
2007	18,255,616	-14,430,342
2008	18,328,485	-14,236,415
2009	12,997,696	-9,796,514
2010	16,940,239	-13,089,131
2011	18,745,780	-14,241,206
2012	20,265,942	-15,044,458
2013	19,320,159	-14,832,059
2014	20,153,048	-14,936,096
2015	20,385,669	-14,350,667
2016	21,522,074	-13,980,126

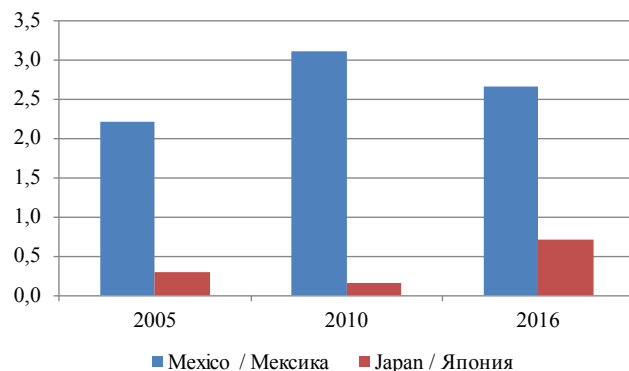

Fig. 1. Direct Foreign Investment Mexico–Japan¹⁴

Рис. 1. Прямые иностранные инвестиции (Мексика и Япония)

¹³ Prepared by the authors with data from the World Bank: Balanza comercial. Banco de México. Available at: www.banxico.org.mx/divulgacion/glosario/glosario.html (accessed 21.06.2017).

¹⁴ Banco Mundial. Inversión Extranjera Directa, entrada neta del capital (% del PIB). World Bank Group. Available at: https://datos.bancomundial.org/indicador/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS?end=2016&locations=JP-MX&name_desc=true&start=1961&view=chart (accessed 18.07.2017).

The great geographic distance and the so different cultures between both countries become an obstacle for Mexican exports. Figure 1 determines that the investment of manufacturing companies in Mexico has been increasing, putting into practice the interests agreed under the AAEMJ, the meaning of the great comparative difference of investment between both countries, is that Japan is a country with a stable, development and constant economic growth, while Mexico maintains problems in the Mexican economy. T. Okabe (2004) mentions that FDI in Japan has experienced a positive increase since the 1970s. But it seems that there are difficulties for mutual understanding because of the difference in culture and customs [10, p. 118].

The increase in direct foreign investment in Mexico results in the increase of imports of electronics, technological products to project and execute the activities of Japanese manufacturing companies in Mexico. Emphasis has been placed on the establishment of clear and reliable rules for the certainty of the origin of goods, as well as clear guidelines to verify compliance with the provisions on origin.

In terms of bilateral cooperation, provisions have been defined that allows promoting the strengthening of economic relations between Mexico and Japan. In this way, it is intended to promote activities in specific areas of mutual interest such as: Support industry; small and medium businesses; promotion of trade and investment; science and technology, education and job training; tourism; farming; environment; intellectual property; and improvement of the business environment.

Customs procedures and rules of origin in the AAEMJ:

1) Sanitary and phytosanitary regulations. It preserves the right of each State to adopt sanitary measures to protect human, animal or plant life or health against risks of diseases, pests, additives or contaminants;

2) Temporary entry of business people. Entry and temporary migration of persons for business purposes. Migration authorities should not take more than 30 calendar days to issue the document;

3) Safeguards. They have a strictly tariff character and their maximum duration is four years and does not apply to the limited quotas the degree of openness in force in the national legislations;

4) Services. The following services stand out: transport, professionals, telecommunications, distribution and tourism, etc. The principles stand out: National treatment, most favored nation and is consolidated;

5) Investment. They emphasize the principles of national treatment most favored nation, prohibition of the establishment of minimum quantities of production, freedom of transfer prices and mechanisms for solving investor-state disputes;

6) Government purchases. Guarantees that the access of goods and services to Mexican and Japanese suppliers in the matter of government purchases are made in national treatment. Mexico offers national treatment to the USA;

7) Economic competition. Arrangements were made regarding non-discrimination; transparency in the application of laws; treatment of confidential information;

8) Standards, technical rules and evaluation procedures. Provisions that induce technical cooperation between the governments of both countries are contemplated; determination of points of agreement and the creation of a subcommittee that reviews the implementation and resolution of disputes in the agreement;

9) Bilateral cooperation. In the area of small and medium-sized enterprises, the intention is to intensify the cooperation links in science and technology, education and job training, the main objective is to take advantage of Japan's experience to help increase the competitiveness of Mexican companies;

10) Tourism. The tourist flows between both countries are tightened, take advantage of natural resources and cultural diversity and promote training; through cooperation in the tourism sector;

11) Intellectual property. Agreed to the geographical indication for tequila and mezcal. Likewise, cooperation actions were defined: exchange of information on activities to create public awareness, function of protection systems, political measures to apply intellectual property rights;

12) Environment. Sustainable development is promoted through activities such as the exchange of technology related to the improvement and preservation of the environment and the construction of human and institutional capacities, among others¹⁵.

The development of cooperation links in science and technology, education, and job training, increases the quality of our workforce and, therefore, increases productivity and competitiveness for the benefit of Mexican companies, promoting at the same time investment opportunities and the increase of bilateral trade.

The close cooperation in the tourism sector under the AAEMJ, achieves the increase of tourist flows between Mexico and the Japanese country; making use of natural resources and cultural diversity. This helps strengthen the Mexican tourism sector as a source of income and job creation for the country of Mexico.

¹⁵ Tapia Zuckermann E. El Acuerdo de Asociación Económica entre México y Japón. Pp. 58–61.

Figure 2 clearly shows the level of infrastructure that corresponds to each country, it is observed that Mexico is below Japan, which means that Japan has greater ease and quality when carrying out merchandise trade. It can be considered that Mexico remains at a medium level until 2016, the increases in investment in infrastructure by the Mexican government as of 2007 have not been large changes, we see a growth of 3 in 2014, however, for 2016 it reduced to 2.7.

Concluding that the lack of infrastructure is an obstacle for Mexican exports to grow which leads to the country's trade deficit. On the contrary, industries in Japan are located with the development of applied technology and production of goods with excellent quality indexes.

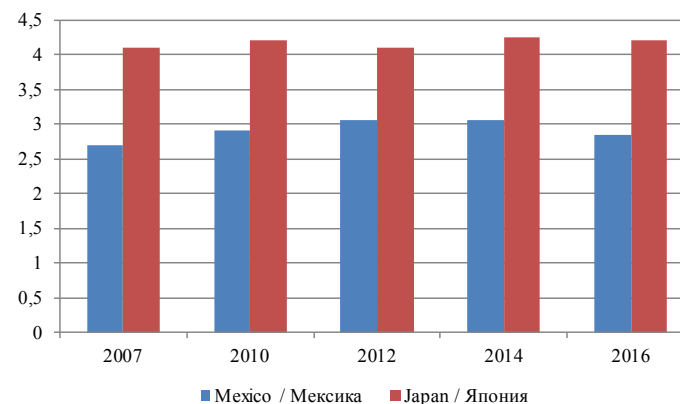

Fig. 2. Logistics performance index: quality of infrastructure related to trade and transport (1 – low to 5 – high)¹⁶

Р и с. 2. Индекс эффективности логистики: качество инфраструктуры, связанной с торговлей и транспортом (от 1 – низкая до 5 – высокая)

The following is a statistical analysis of the 2005–2016 period in the context of Mexico Japan based on bilateral trade.

Table 9 shows that exports have been increasing since the entry into force of the AAEMJ, at the same time as imports made by the Mexican country, where imports (purchases abroad) are greater than exports (sales to external), consequently causing a deficit in the Mexican trade balance that has been increasing.

¹⁶ Prepared by the authors with data from the World Bank: Banco Mundial. Índice de desempeño logístico: calidad de la infraestructura relacionada con el comercio y transporte (1 = baja a 5 = alta). Available at: <http://datos.bancomundial.org/indicador/LP.LPI.INFR.XQ> (accessed 18.07.2017).

Table 9. Number of exports and imports¹⁷

Таблица 9. Число экспортных и импортных поставок

Trade balance of Mexico with Japan. Values in thousands of dollars / Торговый баланс Мексики с Японией (в тысячах долларов)				
Year / Год	Exports / Экспорт	Imports / Импорт	Total trade / Общий объем торговли	Mexican trade balance / Торговый баланс Мексики
2005	1,470,012	13,077,780	14,547,792	-11,607,768
2006	1,594,038	15,295,157	16,889,195	-13,701,119
2007	1,912,637	16,342,979	18,255,616	-14,430,342
2008	2,046,035	16,282,450	18,328,485	-14,236,415
2009	1,600,591	11,397,105	12,997,696	-9,796,514
2010	1,925,554	15,014,685	16,940,239	-13,089,131
2011	2,252,287	16,493,493	18,745,780	-14,241,206
2012	2,610,742	17,655,200	20,265,942	-15,044,458
2013	2,244,050	17,076,109	19,320,159	-14,832,059
2014	2,608,476	17,544,572	20,153,048	-14,936,096
2015	3,017,501	17,368,168	20,385,669	-14,350,667
2016	3,770,974	17,751,100	21,522,074	-13,980,126

The Mexican economy is not capable of self-satisfaction and the balance with respect to what it produces is lower and this affects the economic activity of the country. The solution to this problem is to encourage Mexican exports through economic support, orientation programs to the customs procedure, investment in the infrastructure of trade and transport; also get the growth of trade in Mexico. Figure 4, indicates the transition of inflation during the period 2005–2015 of the countries Mexico and Japan. On the part of the Mexican country, it maintains an inflation above 6 %, considering a high level, it is increasing until 2015; otherwise, Japan establishes inflation below Mexico, around 2 %. The inflation maintained by Japan is considerable for the development, balance and economic growth of the Japanese. Mexico's high inflation is detrimental to the country's economy, causing the devaluation of the currency, decreasing the wages of workers, decreasing investments in the productive sector, rising interest rates and growing unemployment, affecting the level of life of Mexicans (fig. 3).

¹⁷ Own elaboration with data from Datosmacro: Evolución de la Balanza comercial México-Japón. Expansión / Datos macro. Available at: www.datosmacro.com/paises/comparar/mexico/japon?sector=Balanza+comercial&sc=XE87#tbl (accessed 18.07.2017).

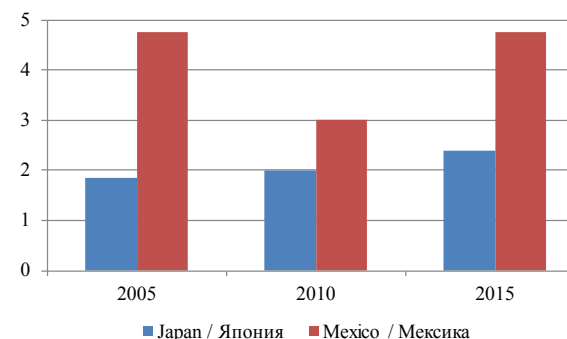

Fig. 3. Inflation México-Japan (2005–2016)¹⁸
Р и с. 3. Инфляция в Мексике и Японии (2005–2016 гг.)

Figure 5 shows the high growth of GDP per capita in Japan compared to Mexico. It shows that Japan's productivity and economic development is far superior to the economic and social conditions that exist in Mexico. Cause of this is the lack of employment and low growth in the Mexican economy, harming social welfare. In balance with Japan, this determines a high standard of living for the Japanese.

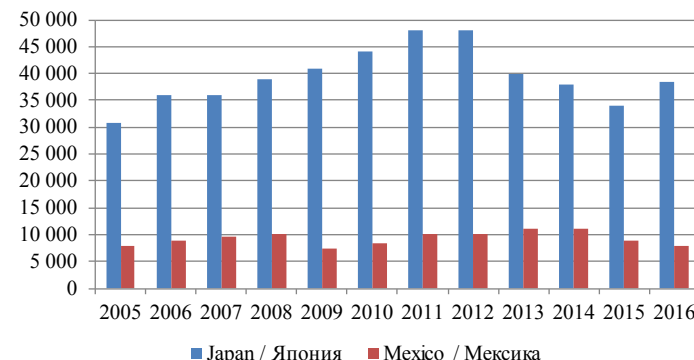
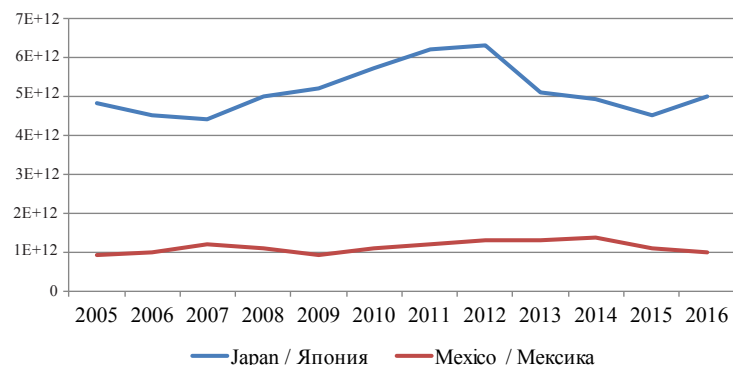

Fig. 4. GDP per capita Mexico Japan, 2005–2016¹⁹
Р и с. 4. ВВП на душу населения в Мексике и Японии (2005–2016 гг.)

¹⁸ Own elaboration with data from Banco Mundial: Inflación índice de deflación del PIB (% anual). World Bank Group. Available at: https://datos.bancomundial.org/indicador/NY.GDP.MKTP.CD?end=2016&locations=JP-MX&name_desc=true&start=1961&view=chart (accessed 17.07.2017).

¹⁹ Own elaboration with data from the World Bank: Inflación índice de deflación del PIB per cápita (% anual). World Bank Group. Available at: https://datos.bancomundial.org/indicador/NY.GDP.DEFL.KD.ZG?end=2016&locations=JP-MX&start=1961&view=chart&year_high_desc=false (accessed 19.07.2017).

Fig. 5. Mexico-Japan Gross Domestic Product, period 2005–2016²⁰

Р и с. 5. Валовой внутренний продукт Мексики и Японии в 2005–2016 гг.

Figure 5 shows the Gross Domestic Product of Japan and Mexico during the period 2005–2016. Revealing the great difference in the level of productivity of each country. Japan maintains a high GDP, which means an increase in economic activity, unemployment tends to decrease and per capita income increases. In the opposite case, Mexico in comparison has a very low GDP, the production of goods and services has not been sufficient, impacting the country's economic weakness.

Limitations of the research method. For the object of study of this investigation it was occupied that the aspects that make up the whole context were investigated, so that the documentary method was restrictive when investigating and collecting data to answer the study. The proposed variables did not result in positive or proportional effects in the Mexican trade balance.

Regarding the criterion of statistical analysis, it was easy to detect statistical data on the effects of the variables, and present them graphically to carry out the direct analysis and determine the result, which consequently makes it difficult to use the longitudinal criterion. through periods the study sample, which makes the study deeper and requires more time

Discussion and Conclusions. The hypothesis raised in this research assumes that the Mexico–Japan Economic Association agreement does not have a positive influence on the commercial balance. Given that

²⁰ Own elaboration with data from the World Bank: PIB (US\$ a precios actuales). World Bank Group. Available at: https://datos.bancomundial.org/indicador/NY.GDP.DEFL.KD.ZG?end=2016&locations=JP-MX&start=1961&view=chart&year_high_desc=false (accessed 19.07.2017).

currently under the AAEMJ the Mexican economy has a deficit of 12 million dollars. It is verified with the hypothesis of the investigation that there are some advantages of the Economic Association Agreement Mexico Japan for the manufacturing exports of Mexican companies located in Jalisco confirming the same results of B. R. Gonzalez Galvez²¹. A relation between the objective of the hypotheses stated above of the empirical investigations is determined, and it is agreed that the AAEMJ as a result has not had positive effects in the commercial Balance, causing the trade deficit due to the imports made by the FDI Japan established in the country of Mexico or a possible trade diversion raised in the research Economic Association Mexico Japan: creation analysis and trade diversion 1999–2009.

The agreement with Japan has represented a link in the negotiation with Asia. It has also managed to consolidate an agreement with the second world economy, the twelve-year results that the AAEMJ entered into force do not show reciprocal benefits.

It is concluded that the Mexican Government's strategy is to attract Japanese investments that promote the economic and technological development of the country. The following recommendations are based and are impulsive factors to increase Mexican exports to Japan. In the field of trade, there is potential to increase the participation and presence of Mexican products in the Japanese market. It is necessary that the Government and the Mexican private sector diversify Mexican exports to Japan; to achieve an export use of agricultural products, it is required to increase incentives to exporting companies; In addition to improving inspections at customs and improving the infrastructure of roads, airports, etc.

The research on Mexico-Japan relations is really scarce due to the fact that the most attention of studies has been for Mexico-US relations. Therefore, this research focuses on these relationships. Since the entry into force of the EPA to date, foreign trade between Mexico and Japan has been growing favorably. However, it requires a reconsideration on the advantages that the AAEMJ can offer as one of the alternatives for the economic development of both countries.

The investigation to the Mexico–Japan Economic Integration: its effects on the Mexican commercial balance, period 2005–2017, takes a focus of economic study and on the commercial relations that occur between countries. The future lines of research for this study are as fol-

²¹ González B. R. Ventajas del Acuerdo de Asociación Económica México Japón para las exportaciones manufactureras de empresas mexicanas localizadas en Jalisco. (Tesis de maestría). Universidad de Guadalajara, Zapopan Jalisco México. 2013.

lows: JEL: F01 – Global perspective, JEL: F14 – Studies on trade by country and industry, JEL: F15 Economic integration.

During the period of time used to carry out this investigation, certain limitations were presented; consequently, it was not possible to carry out an in-depth analysis of the object of study of the investigation. These limitations are classified into time, money, access to information and reliability. The time, is an important indicator for the application of a deep study in some investigation, therefore, the time destined to this investigation was very short, for the same reason they were conducted problems that made the search difficult.

The expected impact of the Mexico–Japan EPA to increase trade between both nations does not seem clear 12 years after its entry into force. The participation of the commercial exchange maintains rates with ups and downs and a decreasing tendency. Mexico maintains a deficit trade balance against Japan at an average close to 13,000 million dollars. It should be noted that domestic exporters are not taking full advantage of the agreement; the actions achieved within the framework of the agreement on SMEs do not respond to the needs of this sector in Mexico.

The level of productivity of each country (GDP) impacts the growth and economic and social development of the country. Therefore, it is very important to be a self-sufficient country in the production of goods and services to establish stable economic indicators that do not affect the country's trade balance. Mexico for the benefit of the AAEMJ has increased its exports of food of agricultural and fishing origin. However, the total exported to Japan represents a deficit in the Mexican trade balance. On the other hand, Japan exports to Mexican territory have been products of information technology and transport equipment, including automobiles.

Mexico has attracted Japanese foreign investment, which is the cause of the trade deficit because the manufacturing companies installed in Mexico import intermediate inputs. The lack of development in infrastructure leads to operational deficiencies that become an export obstacle for Mexican SMEs. To increase the participation and presence of Mexican products in the Japanese market, it is necessary that the government and the Mexican private sector work in the development of exportable offer from Mexico to Japan oriented to: diversify Mexican exports to Japan; maximize the tariff preferences provided by the AAEMJ and achieve greater export exploitation.

REFERENCES

1. Tokoro Ya. México y Japón: una perspectiva del Acuerdo de Asociación Económica. *Economía Unam*. 2006; 3(7):47-68. Available at: <http://www.redalyc.org/articulo.oa?id=363542888003> (accessed 20.02.2017).
2. Okabe T., Carrillo R.S. Relaciones México Japón en el contexto del Acuerdo de Asociación Económica (primera Ed). México: Juan Pablos Editor; 2014. Available at: <https://www.elsotano.com/libro-relaciones-mexico-japon-en-el-contexto-del-acuerdo-de-asociacion-economica-10443089> (accessed 20.02.2017).
3. Delgado G.M. México estructuras política, económica y social (tercera Ed). Naucalpan de Juárez, Edo. México: Pearson Educación de México; 2009. Available at: <https://ru.scribd.com/document/347775647/Mexico-3ra-Ed-Gloria-M-Delgado-de-Cantu> (accessed 20.02.2017).
4. García G. México Japón: comercio bilateral en el marco del Acuerdo de Asociación Económica. *Revistas Bancomext*. 2010; 60(2):116-125. Available at: http://revistas.bancomext.gob.mx/rce/magazines/135/2/116_GARCIA_mex_japon.pdf (accessed 20.02.2017).
5. Paschoal R.J. Introducción a la economía (decimoquinta Ed). México: D.F., editores, impresores Fernández S.A. de C.V.; 2000. Available at: <https://www.casadellibro.com/libro-introduccion-a-la-economia-18-ed/9789706136824/812240> (accessed 20.02.2017).
6. Robert C.F., Taylor M.A. Comercio Internacional (primera Ed). Barcelona: Editorial Reverte; 2011. Available at: http://www.reverte.com/catalogo/ficha/comercio_internacional-8781 (accessed 20.02.2017).
7. Vázquez M.S., Madrigal R.J. Comercio internacional. (Primera Ed.). México: Grupo Editorial Patria, S.A. de C.V.; 2007. Available at: <http://editorialpatria.com.mx/detalle-de-libros.php?ID=455> (accessed 20.02.2017).
8. Gracia H.M. La Nueva Teoría del Comercio Internacional en la posmodernización de la economía global. *Temas de Ciencia y Tecnología*. 2009; 13(37):19-22. Available at: www.utm.mx/edi_anteriores/temas037/E3-.pdf (accessed 20.02.2017).
9. Gutiérrez Casas L. E. Teorías del crecimiento regional y el desarrollo divergente. Propuesta de un marco de referencia. *Revista de Ciencias Sociales y Humanidades*. 2006; 15(30):185-227. Available at: <http://www.redalyc.org/articulo.oa?id=85903008> (accessed 20.02.2017).
10. Okabe T. Sinopsis del Acuerdo de Asociación económica México y Japón. *México y la Cuenca del Pacífico*. 2004; 7(23):103-123. Available at: <http://www.mexicoylacuencadelpacifico.cucsh.udg.mx/index.php/mc/article/view/239> (accessed 20.02.2017).

Submitted 09.02.2018; accepted for publication 15.03.2018; published online 29.06.2018.

About the authors:

José G. Vargas-Hernández, professor, University Center for Economic and Managerial Sciences, University of Guadalajara (799 Edif. G.201-7, Periférico Norte, Jalisco, México), Ph.D. (Philosophy), jvargas2006@gmail.com

Anel G. M. Gutiérrez, licenciado Relaciones Comerciales Internacionales Autonomous University of Sinaloa (Blvd. Rosales y Justicia Social 680, Ciudad Universitaria, 81210 Los Mochis, México), anelitamg_15@hotmail.com

Contribution of the authors:

José G. Vargas-Hernández – scientific management; formal analysis; study conception; methodology development; critical analysis and word processing.

Anel G. M. Gutiérrez – collection of data and proofs; visualization of data in the text; preparation of the initial version of the text.

For citation: Vargas-Hernández J.G., Gutiérrez A.G.M. Integration of Mexico–Japan in the Economic Association Agreement: Its Effects on the Mexican Trade Balance, 2005–2017 period. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 27(2):202–229. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.202-229

All authors have read and approved the final version of the manuscript.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Tokoro Ya. México y Japón: una perspectiva del Acuerdo de Asociación Económica // *Economía Unam*. Vol. 3, issue 7. Pp. 47–68. URL: <http://www.redalyc.org/articulo.oa?id=363542888003> (дата обращения: 20.02.2017).

2. Okabe T., Carrillo R. S. Relaciones México Japón en el contexto del Acuerdo de Asociación Económica (primera Ed). México : Juan Pablos Editor, 2014. URL: <https://www.elsotano.com/libro-relaciones-mexico-japon-en-el-contexto-del-acuerdo-de-asociacion-economica-10443089> (дата обращения: 20.02.2017).

3. Delgado G. M. México estructuras política, económica y social (tercera Ed). Naucalpan de Juárez, Edo. México : Pearson Educación de México; 2009. URL: <https://ru.scribd.com/document/347775647/Mexico-3ra-Ed-Gloria-M-Delgado-de-Cantu> (дата обращения: 20.02.2017).

4. García G. México Japón: comercio bilateral en el marco del Acuerdo de Asociación Económica // *Revistas Bancomext*. 2010. Vol. 60, issue 2. Pp. 116–125. URL: http://revistas.bancomext.gob.mx/rce/magazines/135/2/116_GARCIA_mex_japon.pdf (дата обращения: 20.02.2017).

5. Paschoal R. J. Introducción a la economía (decimoquinta Ed). México: D.F., editores, impresores Fernández S. A. de C.V., 2000. URL: <https://www.casadellibro.com/libro-introduccion-a-la-economia-18-ed/9789706136824/812240> (дата обращения: 20.02.2017).

6. Robert C. F., Taylor M. A. Comercio Internacional (primera Ed). Barcelona : Editorial Reverté, 2011. URL: http://www.reverte.com/catalogo/ficha/comercio_internacional-8781 (дата обращения: 20.02.2017).

7. Vázquez M. S., Madrigal R. J. Comercio internacional. (Primera Ed.). México : Grupo Editorial Patria, S.A. de C.V., 2007. URL: <http://editorialpatria.com.mx/detalle-de-libros.php?ID=455> (дата обращения: 20.02.2017).

8. Gracia H. M. La Nueva Teoría del Comercio Internacional en la posmodernización de la economía global // *Temas de Ciencia y Tecnología*. 2009. Vol. 13, issue 37. Pp. 19–22. URL: www.utm.mx/edi_anteriores/temas037/E3-.pdf (дата обращения: 20.02.2017).

9. Gutiérrez Casas L. E. Teorías del crecimiento regional y el desarrollo divergente. Propuesta de un marco de referencia // *Revista de Ciencias Sociales y Humanidades*. 2006. Vol. 15, issue 30. Pp. 185–227. URL: <http://www.redalyc.org/articulo.oa?id=85903008> (дата обращения: 20.02.2017).

10. Okabe T. Sinopsis del Acuerdo de Asociación económica México y Japón // México y la Cuenca del Pacífico. 2004. Vol. 7, issue 23. Pp. 103–123. URL: <http://www.mexicoylacuencadelpacifico.cucsh.udg.mx/index.php/mc/article/view/239> (дата обращения: 20.02.2017).

Поступила 09.02.2018; принята к публикации 15.03.2018; опубликована онлайн 29.06.2018.

Об авторах:

Варгас-Эрнандес Хосе Гуадалупе, профессор Центра экономических наук и управления Университета Гвадалахары (Мексика, Халиско, Периферико Норте, 799 Эдит. Г. 201-7), доктор философии, jvargas2006@gmail.com

Гутьеррес Анель Гуадалупе Миранда, лицензиат международных коммерческих отношений Автономного университета штата Синалоа (81210, Мексика, г. Лос-Мочис, Университетский городок, Бульвар роз и социальной справедливости, д. 680), anelitamg_15@hotmail.com

Заявленный вклад авторов:

Варгас-Эрнандес Хосе Гуадалупе – научное руководство; формализованный анализ данных; изучение концепции; развитие методологии; критический анализ и доработка текста.

Гутьеррес Анель Гуадалупе Миранда – сбор данных и доказательств; визуализация данных в тексте; подготовка начального варианта текста.

Для цитирования: Варгас-Эрнандес Х. Г., Гутьеррес А. Г. М. Интеграция Мексики и Японии в рамках Соглашения об экономической ассоциации: влияние на торговый баланс Мексики в период 2005–2017 гг. // Регионология. 2018. Т. 26, № 2. С. 202–229. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.202-229

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

УДК 332.1:001.895(470+571)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.230-255

ISSN 2413-1407 (Online)

Инновационное развитие регионов России

И. Е. Ильина Е. Н. Жарова* Е. В. Агамирова А. С. Каменский

*ФГБУ «Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере» (г. Москва, Россия),
zharovaen@rambler.ru

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что уровень и равномерность инновационного развития регионов являются ключевым фактором роста конкурентоспособности и технологической независимости страны в целом, в связи с чем особую важность приобретает разработка эффективных инструментов управления инновационной региональной активностью. Цель статьи – разработка предложений по инновационному развитию регионов России на основе анализа их инновационной активности и реализуемых научно-технологических направлений с учетом зарубежного опыта.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы: анализ и синтез, обобщение, системный подход, сбор фактов из официальных источников. Применены принципы системного и комплексного подходов.

Результаты исследования. Проанализирован и предложен к использованию опыт Республики Корея в области закрепления обязанностей по поддержке и развитию регионов или определенных территориальных образований за крупной отраслевой промышленной компанией, ведущей свою деятельность в данном регионе. Результаты интеллектуальной деятельности, полученные в ходе синергетического эффекта, имеют прямое применение в практической деятельности данных компаний. Выявлен ряд новых для российской практики показателей мониторинга инновационного развития регионов, которые рекомендуется использовать.

Обсуждение и заключения. Необходимо разработать комплекс предложений, касающийся совершенствования механизмов, направленных на стимулирование развития

© Ильина И. Е., Жарова Е. Н., Агамирова Е. В., Каменский А. С., 2018

российских кластерных региональных структур. Успешный опыт Республики Корея в данной области представляет интерес для России, особенно в части совершенствования региональной инновационной политики. Практическая значимость статьи заключается в использовании предложенных индикаторов оценки инновационного развития регионов для принятия своевременных управленческих решений. Перспективы дальнейшего исследования заключаются в проведении анализа инновационного и пространственного регионального развития ряда инновационно-развитых стран и разработке на его основе предложений по адаптации такого опыта в российскую действительность.

Ключевые слова: научно-технологический комплекс, сектор исследований и разработок, инновационная экономика, инновационная продукция, развитие регионов, национальная инновационная система, научно-техническая политика, региональные кластеры

Innovative Development of the Regions of Russia

I. E. Ilyina, E. N. Zharova*, E. V. Agamirova, A. S. Kamenskiy
*Russian Research Institute for Economics, Politics and Law in Science
and Technology (Moscow, Russia),
zharovaen@rambler.ru

Introduction. The research is of relevance as the level and uniformity of innovative development of regions are a key factor in the growth of competitiveness and technological independence of Russia as a whole, and therefore the development of effective tools for managing innovative regional activities acquires particular importance. The purpose of the article is to formulate proposals for the innovative development of the regions of Russia on the basis of an analysis of their innovative activities as well as scientific and technological areas they are involved in, taking into account foreign experience.

Materials and Methods. The general scientific methods were used as the methodological basis of the research, including analysis and synthesis, generalization, systemic approach and collection of facts from official sources. Principles of the systemic and complex approaches were applied.

Results. The experience of the Republic of Korea in the field of assigning responsibilities for supporting and developing regions or certain territorial entities for a large industrial company operating in the region has been analyzed and recommended. The results of intellectual activities, obtained as a synergetic effect, have direct application in the practical activities of these companies. A number of new indicators recommended to be used for monitoring the innovative development of the regions have been identified.

Discussion and Conclusions. It is necessary to outline a number of proposals concerning the improvement of mechanisms aimed at stimulating the development of Russia's cluster regional setup. The successful experience of the Republic of Korea in this area is of interest to Russia, especially in terms of improving regional innovation policies. The practical importance of the article is in the use of the proposed indicators for assessing the innovative development of the regions for making timely management decisions. Analysis of innovative and spatial regional development of a number of innovative countries as well as formulation of proposals for adapting such experience to the Russian reality on this basis may offer good prospects for further research.

Keywords: science and technology complex, research and development sector, innovative economy, innovative products, development of regions, national innovation system, scientific and technical policy, regional clusters

Введение. В настоящее время поддержка отдельных регионов с высокой концентрацией исследований, разработок, инновационной инфраструктуры, производства и их связи с другими субъектами Российской Федерации в части, касающейся трансфера технологий, продуктов и услуг, является приоритетным направлением государственной экономической политики¹. В инновационно активных регионах доля инновационной продукции в валовом региональном продукте (ВРП) составляет от 10 до 20 %. Однако анализ данного показателя у субъектов Российской Федерации имеет достаточно большую амплитуду вариации, что связано с ресурсным наличием, географическим положением и менталитетом региональных властей. Одним из инструментов управления инновационной активностью является своевременный и качественный мониторинг, позволяющий оперативно принимать решения, препятствующие сбою в реализации проектов полного инновационного цикла. В качестве индикаторов инновационного развития регионов выступают ключевые показатели эффективности, зафиксированные в стратегических региональных документах. Так, в развитых странах при осуществлении мониторинга инновационного развития уделяют достаточно большое внимание обеспеченности приоритетных для региона отраслей результатами интеллектуальной деятельности.

Проблемы инновационного развития регионов постоянно находятся в центре внимания представителей науки и бизнес-сообщества. Это обусловлено тем, что в процессе достижения максимальной конкурентоустойчивости государства, выхода отечественной продукции на международные рынки, увеличения оборота экспорта и импорта технологий инновационной системе регионов отводится первостепенная роль.

Одним из направлений регионального инновационного развития является внедрение в отечественную экономику лучших зарубежных практик тех государств, которые достигли успеха в данной области. Республика Корея является государством, которое имеет историю научно-технологического и инновационного развития, отличную от других экономически развитых стран. Результатом ее эффективной

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента от 01.12.2016 № 642 // Консультант Плюс : справочно-правовая система (дата обращения: 01.02.2018).

работы стали достижения в области автомобилестроения, судостроения, производства полупроводников, жидкокристаллических дисплеев, телекоммуникационного оборудования, а также крупные международные соглашения и проекты во многих отраслях. Национальная инновационная система Республики Корея демонстрирует высокие результаты в области сотрудничества государства, бизнеса и научного сообщества при формировании национального инновационного потенциала. Одна из важнейших особенностей национальной инновационной системы Республики Корея – высокоорганизованные региональные инновационные системы, где наряду со значительной ролью государства и существенным вкладом крупных финансово-промышленных групп в территориальное развитие имеет место активное стимулирование развития человеческого капитала и международного сотрудничества [1, с. 103].

Целью исследования является разработка предложений по управлению инновационным развитием регионов на основе анализа развиваемых в регионе научно-технологических направлений и успешного зарубежного опыта.

Обзор литературы. Особенности инновационного развития регионов и основным показателям, характеризующим эффективность инновационной деятельности, посвящены работы А. М. Носонова [2], Н. А. Скворцовой, О. А. Лебедевой, Е. А. Сотниковой [3], Ю. А. Гаджиева и соавторов [4]. Многие отечественные и зарубежные ученые среди эффективных направлений и методов формирования и развития региональной инновационной системы рассматривают кластерный подход, способствующий консолидации усилий государственных и предпринимательских структур, научного сектора и образовательных предприятий с целью обеспечения социально-экономического развития страны. К таким исследованиям можно отнести публикации В. В. Лизунова [5], Л. А. Гамидуллаевой [6], В. С. Жарова [7], Д. Л. Напольских [8], Р. Бошмы [9], А. Истрём, Г. Аспенберга [10], А. Френкеля и соавторов [11].

Вместе с другими отечественными учеными мы придерживаемся мнения, что в России инновационные механизмы еще не в полной мере являются основным рычагом экономического развития и остается ряд актуальных вопросов, касающихся направлений инновационного развития регионов и методов его оценки и анализа [12–17].

Таким образом, представляется интересным изучение зарубежного опыта формирования и развития национальных и региональных инновационных систем с целью внедрения успешных практик в научно-техническую политику РФ. Исследование успешного опы-

та инновационного развития Республики Корея в последнее время представляет интерес для многих зарубежных и российских ученых, так как страна продемонстрировала резкий экономический рост в достаточно короткий период времени и заняла лидирующие позиции в области экономического и инновационного развития, что может являться основанием для имплементации инструментов инновационного развития в российскую экономику.

Основой изучения опыта развития Республики Корея послужили исследования южнокорейского ученого С. О. Пака, труды которого посвящены в основном инновационному развитию регионов [18]. Особое значение автором уделяется формированию и развитию региональных инновационных систем посредством кластеризации. Его коллеги рассматривают положительный опыт развития южнокорейских региональных инновационных кластеров в создании креативной экономики и обосновывают, что создание региональных инновационных кластеров является эффективным методом реализации регионального развития и стимулирования конкуренции [19; 20]. С. Н. Одай изучает роль науки, технологий и инновационных отраслей в национальном развитии Республики Корея и аргументирует, что ее опыт можно успешно применять другим развивающимся странам для их инновационного развития [21]. У. Хан, М. Асмилд, М. Кунк значительное внимание уделяют изучению и роли эффективности исследований и разработок в региональном инновационном развитии Республики Корея [22]. А. Г. Ху рассматривает эволюцию Республики Корея как один из самых успешных примеров динамичного экономического и инновационного роста и развития среди стран Юго-Восточной Азии [23].

Необходимо выделить и исследования других авторов в области экономического и инновационного развития Республики Корея, которые посвящены взаимодействию промышленных предприятий с научными организациями [24; 25], роли крупных ТНК Республики Корея в инновационном развитии страны [26], роли НИОКР в росте отраслевой производительности [27].

Многочисленные исследования зарубежных ученых подтверждают интерес опыта Республики Корея для Российской Федерации, поскольку проблемы, которые решались в Республике Корея, также имеют актуальность и для России.

Среди российских ученых можно отметить статьи С. С. Суслиной, В. Г. Самсоновой [28], Е. А. Колотыриной [1], А. Н. Рязановой [29]. В них особое внимание уделяется значению развития национальной инновационной системы в формировании креативной экономики

и создании условий для научно-технического развития Республики Корея. Так, А. Н. Рязановой изучаются факторы, способствующие успешному научно-технологическому развитию Республики Корея, среди которых автором особенно выделяется «региональное развитие республики с помощью целевых программ, создания специальных экономических зон, технопарков», способствующих развитию «инновационной экосистемы, среды для сотрудничества между частными малыми компаниями, исследовательскими группами, а также образовательным сектором» [29]. Е. А. Колотырина констатирует, что положительный южнокорейский опыт заключается в преимуществах, которые дает комплекс мероприятий по формированию и развитию мощных региональных инновационных и промышленных кластеров, «укреплению инновационного научного сообщества, поощрению и поддержке предпринимательства и созданию социального капитала» [1].

Материалы и методы. Материалами исследования послужили официальные данные открытых источников, нормативно-правовые документы, регулирующие инновационную и социально-экономическую деятельность субъектов Российской Федерации, официальные сайты министерств и ведомств Республики Корея, данные информационно-аналитических агентств. В работе использованы научные труды отечественных и зарубежных ученых по изучаемой теме. Теоретические исследования современного состояния инновационного развития регионов Республики Корея были проведены с помощью статистико-экономического метода.

В ходе работы авторами были проанализированы стратегии социально-экономического и научно-технологического развития регионов Российской Федерации с целью выявления зафиксированных приоритетных для региона направлений научно-технологического развития, являющихся драйвером инновационного развития, а также перечня показателей мониторинга реализации научно-технологического и инновационного развития региона.

В процессе работы применялись общенаучные методы: анализ и синтез, обобщение, системный подход, сбор фактов и статистических данных из официальных источников. Исследование проведено на основе применения диалектического метода с использованием принципов системного и комплексного подходов, общенаучных и специальных методов и приемов, таких как аналитический обзор, абстрагирование, синтез, динамический, коэффициентный и логический анализ.

Результаты исследования. В настоящее время ключевым трендом экономически развитых стран является равномерное инновационное и пространственное развитие своих регионов.

Анализ рейтинга инновационного развития регионов², включающего индексы «Социально-экономические условия инновационной деятельности (ИСЭУ)», «Научно-технический потенциал (ИНТП)», «Инновационная деятельность (ИИД)», «Качество инновационной политики (ИКИП)», позволил определить, что наиболее равномерное развитие по данным индексам наблюдается только у Саратовской и Томской областей и Красноярского края. Остальные регионы имеют разрывы между значениями данных индексов (по одним блокам довольно высокие, по другим – низкие; в целом получается усредненная оценка, которая не дает полную картину инновационного развития региона). Исследуемый рейтинг включает в себя четыре группы регионов: сильные инноваторы, средне-сильные инноваторы, средние инноваторы, средне-слабые инноваторы. Так и среди сильных инноваторов присутствуют регионы с большим разрывом по данным индексам: Республика Мордовия (ИСЭУ – 59 место, ИНТП – 58, ИИД – 1, ИКИП – 4 место), Чувашская Республика – (ИСЭУ – 27 место, ИНТП – 49, ИИД – 2, ИКИП – 5 место).

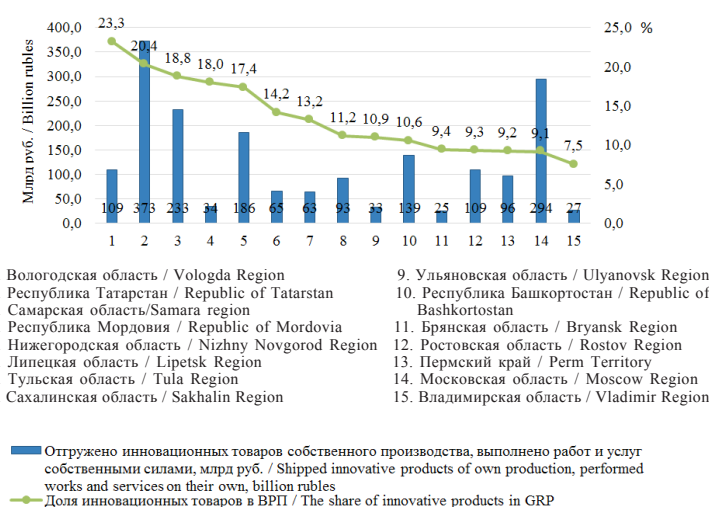
Таким образом, в настоящее время имеется значительная дифференциация субъектов Российской Федерации не только в целом по рейтингу инновационного развития, но и по входящим в него индексам.

Анализ субъектов Российской Федерации по доле инновационной продукции в ВРП позволил выявить топ-15 лидеров по данному показателю, где в десятку входят регионы, имеющие ярко выраженную специализацию по технологическим направлениям, закрепленную в региональных стратегических документах: Вологодская область, Республика Татарстан, Самарская область, Республика Мордовия, Нижегородская область и др. (рис. 1).

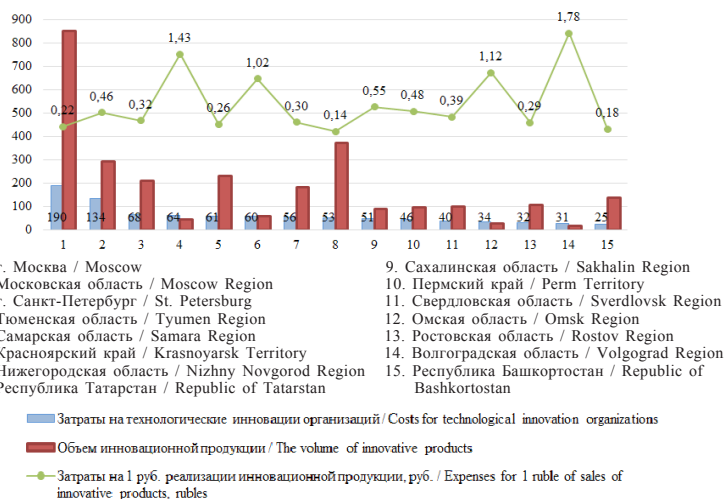
Однако по затратам на технологические инновации первые 10 регионов являются сильными и средне-сильными инноваторами (регионы с высокой концентрацией человеческого, финансового капиталов и научной инфраструктуры): г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Тюменская, Самарская области и др. Анализ статистических показателей инновационной активности регионов определил, что только у 12 % регионов доля инновационной продукции в ВРП составляет более 10 %, что является очень низким уровнем. На рисунках 1–3 представлен анализ инновационной деятельности субъектов Российской Федерации за 2015 г.³.

² Абдрахманова Г. И., Бахтин П. Д., Гохберг Л. М. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. М.: НИУ ВШЭ, 2017. С. 18.

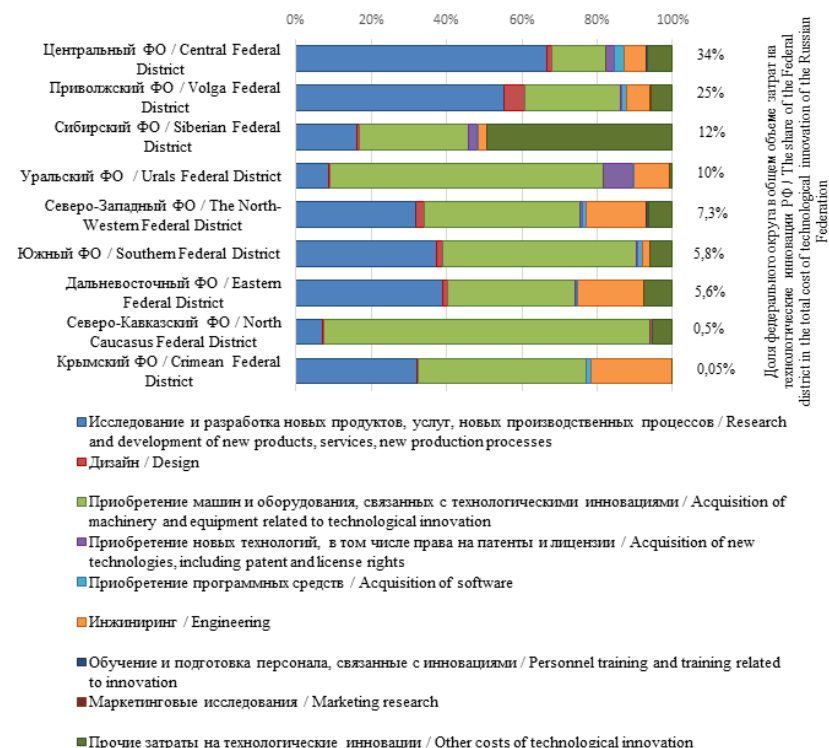
³ Составлено авторами по данным Росстата. URL: <http://www.gks.ru>.

Р и с. 1. Топ-15 субъектов РФ – лидеров по доле инновационной продукции в ВРП
F i g. 1. Top 15 Russian regions – leaders in the share of innovative products in GRP

Р и с. 2. Топ-15 субъектов РФ – лидеров по затратам на технологические инновации организаций
F i g. 2. Top 15 subjects of the Russian Federation – leaders in costs for technological innovations of organizations

Р и с. 3. Структура затрат на технологические инновации организаций по видам инновационной деятельности по федеральным округам РФ

Fig. 3. Structure of expenses on technological innovations of the organizations by types of innovative activity on Federal districts of the Russian Federation

В общей структуре затрат на технологические инновации более 40 % занимают затраты на исследование и разработки новых видов продуктов, а также новых производственных процессов в Центральном, Приволжском и Дальневосточном федеральных округах. По приобретению новых технологий, в том числе права на патенты и лицензии, лидирует Уральский федеральный округ, а по приобретению машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями, – Северо-Кавказский.

По показателю затрат на технологические инновации на один рубль инновационной продукции лидирующее место занимают Республики Татарстан (0,14 руб.) и Башкортостан (0,18 руб.), г. Москва (0,22 руб.). К регионам, у которых затраты на технологические инновации превышают объем инновационной продукции, относятся Волгоградская, Тюменская, Омская области и Красноярский край.

Для активизации инновационного развития экономики на региональном уровне особое значение имеет формирование и развитие инновационной инфраструктуры [30], в том числе и на основе кластерного подхода, обеспечивающего трансфер результатов интеллектуальной деятельности в хозяйственный оборот.

Согласно Инновационному индексу Блумберга (The Bloomberg Innovation Index) в 2015 г. Республика Корея занимала 1 место среди пятидесяти государств в области инноваций, опередив Японию, Германию и США, занимающих второе, четвертое и шестое места соответственно⁴. В 2017 г. в рейтинге Глобального инновационного индекса Республика Корея заняла 11 место из 127 стран и второе место среди стран Юго-Восточной Азии (Россия в данном рейтинге находится на 45 месте, опустившись на две позиции по сравнению с 2016 г.)⁵.

Корейская инновационная система уникальна тем, что употребляемые механизмы и инструменты создания и использования результатов интеллектуальной деятельности позволили на протяжении последних 40 лет развивать экономику со средней динамикой ежегодного прироста 12,5 % ВВП⁶. В связи с этим определенный интерес представляет успешный южнокорейский опыт научно-технологического и инновационного развития регионов посредством эффективной концентрации научно-технических, производственных и финансовых ресурсов в технопарковых структурах.

Одним из факторов, способствующих стремительному развитию национальной инновационной системы Республики Корея, стала ориентация правительства страны на региональное развитие с помощью целевых программ, создания различного рода кластерных структур (специальных экономических зон, инновационных центров и технопарков). Такие меры позволили создать особую инновационную среду, способствующую ак-

⁴ The Bloomberg Innovation Index [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bloomberg.com/graphics/> (дата обращения: 03.02.2018).

⁵ The Global Innovation Index 2017 Winning with Global Innovation [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2017.pdf (дата обращения: 05.02.2018).

⁶ OECD: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd.org/> (дата обращения: 05.02.2018).

тивному и плодотворному сотрудничеству между исследовательскими группами, малыми компаниями и образовательными предприятиями.

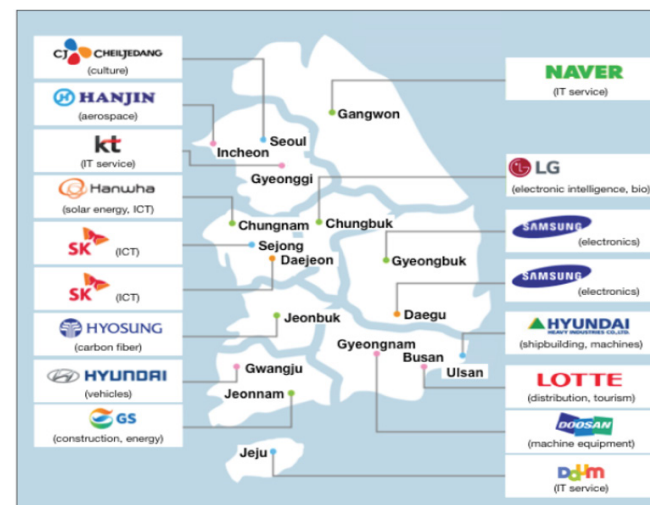
Следует отметить, что исследовательская инфраструктура Республики Корея сформирована по кластерному принципу. Особенностью данной модели является построение кластеров в виде объединения компаний, сгруппировавшихся вокруг одного центра по отраслям или научно-технологическим направлениям.

В 2013 г. правительство Республики Корея на законодательном уровне оформило развитие инновационных зон и обнародовало «Акт о развитии специальных технических зон». Согласно акту, специальным институтом, занимающимся на профессиональном уровне коммерциализацией технологий посредством кооперации предпринимательства, науки и образования, признан технопарк Inppopolis (Иннополис). Властями страны были обозначены отдельные регионы, которые являлись ядром для развития определенного вида промышленности страны. Научно-техническое и инновационное развитие Республики Корея осуществлялось на основе стратегии территориально-отраслевой организации хозяйства, которая способствовала созданию новых источников экономического роста. При этом основой являлось внедрение крупных национальных компаний в инфраструктуру «креативной экономики».

В настоящее время в Республике Корея действуют 17 основных инновационных центров страны, главная задача которых – активизация инновационной деятельности путем реализации механизма трансфера технологий через развитие наукоемкого предпринимательства и расширение международного научно-технологического сотрудничества. Ответственным за функционирование каждого центра является крупная национальная компания, в обязанности которой входит помощь средним и малым компаниям в реализации и выводе их инновационных идей на рынок. Так, например, Samsung имеет 2 инновационных центра и специализируется на электронике, Hyundai отвечает за судостроение в Ульсане и автомобильную промышленность в Кванджу.

На рисунке 4 представлены региональные инновационные центры Республики Корея, созданные крупными национальными компаниями.

Основными задачами, решаемыми при помощи системы инновационных центров и технопарков, являются кооперация образовательных, научных и предпринимательских структур для проведения НИОКР по приоритетным направлениям научных исследований; оказание консультационной, информационной и практической поддержки предприятиям малого и среднего бизнеса; ускорение внедрения трансфера новейших разработок в производство; развитие венчурного бизнеса.

Р и с. 4. Основные инновационные центры Республики Корея, 2016 г.⁷

F i g. 4. Main innovation centers of the Republic of Korea, 2016

Создание таких структур способствовало эффективному распределению и применению научных и технологических ресурсов, а также развитию малого предпринимательства регионов. Как показывает опыт Республики Корея, именно такие объединения содействуют развитию региона и, являясь одной из мер повышения конкурентоспособности экономики, способствуют консолидации государственных, предпринимательских и научных структур для достижения общих целей.

Одним из вызовов, стоящих перед обществом, государством и наукой и зафиксированных в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, является «необходимость эффективного освоения и использования пространства, в том числе путем преодоления диспропорций в социально-экономическом развитии территории страны»⁸. Ключевым направлением в данной области является решение социально-экономических задач региона на базе реализации соответствующих научно-технологических направлений, способствующих росту востребованных экономикой технологий.

⁷ Korea's economy, 2016. Vol. 30. С. 10. URL: http://www.keia.org/sites/default/files/publications/kei_koreaseconomy_cha.pdf (дата обращения: 10.02.2018).

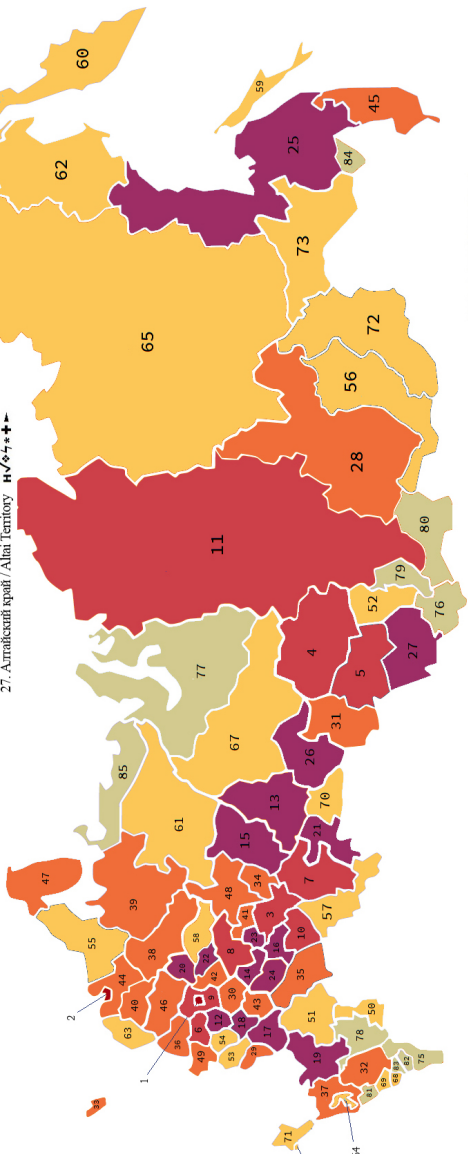
⁸ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации.

Сильные инноваторы / Strong innovators

1. г. Москва / Moscow
2. г. Санкт-Петербург / St. Petersburg
3. Республика Татарстан / Republic of Tatarstan
4. Томская область / Tomsk Region
5. Новосибирская область / Novosibirsk Region
6. Кабардино-Балкарская Республика / Kabardin Republic
7. Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan
8. Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region
9. Магнитогорская область / Magnitogorsk Region
10. Свердловская область / Sverdlovsk Region
11. Красноярский край / Krasnoyarsk Territory

Средне-сильные инноваторы / Moderately strong innovators

12. Тульская область / Tula Region
13. Свердловская область / Sverdlovsk Region
14. Республика Марий Эл / Republic of Mari El
15. Пермский край / Perm Territory
16. Ульяновская область / Ulyanovsk Region
17. Владимирская область / Vladimir Region
18. Иркутская область / Irkutsk Region
19. Ростовская область / Rostov Region
20. Ярославская область / Yaroslavl Region
21. Челябинская область / Chelyabinsk Region
22. Владимирская область / Vladimir Region
23. Челябинская область / Chelyabinsk Region
24. Пермский край / Perm Territory
25. Хабаровский край / Khabarovsk Territory
26. Тюменская область / Tyumen Region
27. Алтайский край / Altai Territory

Средние инноваторы / Medium innovators

28. Иркутская область / Irkutsk Region
29. Белгородская область / Belgorod Region
30. Франкская область / Ruzansk Region
31. Омская область / Omsk Region
32. Ставропольский край / Stavropol Territory
33. Калининградская область / Kaliningrad Region
34. Ульяновская область / Ulyanovsk Territory
35. Саратовская область / Saratov Region
36. Смоленская область / Smolensk Region
37. Краснодарский край / Krasnodar Territory
38. Вологодская область / Vologda Region
39. Архангельская область / Arkhangelsk Region
40. Новгородская область / Novgorod Region
41. Республика Марий Эл / Republic of Mari El
42. Ивановская область / Ivanovo Region
43. Тамбовская область / Tambov Region
44. Ленинградская область / Leningrad Region
45. Приморский край / Primorye Territory
46. Тверская область / Tver Region
47. Мурманская область / Murmansk Region
48. Кировская область / Kirov Region
49. Брянская область / Bryansk Region

Средне-слабые инноваторы / Moderately weak innovators

50. Астраханская область / Astrakhan Region
51. Волгоградская область / Volgograd Region
52. Кемеровская область / Kemerovo Region
53. Курская область / Kursk Region
54. Орловская область / Orel Region
55. Республика Карелия / Republic of Karelia
56. Республика Бурятия / Republic of Buryatia
57. Оренбургская область / Orenburg Region
58. Костромская область / Kostroma Region
59. Сахалинская область / Sakhalin Territory
60. Камчатский край / Kamchatka Territory
61. Республика Коми / Komi Republic
62. Магаданская область / Magadan Region
63. Псковская область / Pskov Region
64. Республика Адыгея / Republic of Adygea
65. Республика Саха / Republic of Sakha
66. г. Севастополь / Sevastopol
67. Хакасия / Republic of Khakassia
68. Республика Северная Осетия – Алания / Republic of North Ossetia-Alania
69. Кабардино-Балкарская Республика / Kabardin-Balkarian Republic

Слабые инноваторы / Weak innovators

70. Курганская область / Kurgan Region
71. Республика Крым / Republic of Crimea
72. Забайкальский край / Trans-Baikal Territory
73. Амурская область / Amur Region
74. Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Area
75. Республика Дагестан / Republic of Dagestan
76. Республика Адыгея / Republic of Adygea
77. Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamalo-Nenets Autonomous Area
78. Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia
79. Республика Хакасия / Republic of Khakassia
80. Республика Тыва / Republic of Tuva
81. Карачаево-Черкесская Республика / Karachayvo-Cherkessian Republic
82. Чеченская Республика / Chechen Republic
83. Республика Ингушетия / Republic of Ingushetha
84. Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Region
85. Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area

Основные обозначения / Conventional symbols

Пансионатная инфраструктура, индустриальные парки, промышленные зоны, бизнес-инкубаторы, технопарки / business incubators, technology parks

Н Научные центры / Science cities**Глобальные технологические тренды / Global technology trends**

- ✦ Медицина и здравоохранение / Medicine and health care
- * Рациональное природопользование / Rational nature management and Communication Technologies
- * Новые материалы и нанотехнологии / New materials and nanotechnologies
- ✓ Биотехнологии / Biotechnology

Транспортные средства и системы / Vehicles and transportation systems

- ✦ Энергоэффективность и энергобережение / Energy efficiency and energy saving
- * Космические и авиационные технологии / Space and aviation technologies
- ✦ Аддитивные технологии / Additive technologies
- ✦ Робототехника, искусственный интеллект и машинное обучение / Robotics, artificial intelligence and machine learning

Рис. 5. Реализация научно-технологических направлений в разрезе регионов России
Fig. 5. Realization of scientific and technological directions in the context of the regions of Russia

На основании проведенного авторами анализа стратегических документов регионального уровня, содержащих информацию об инновационном развитии региона и основных показателях, позволяющих отслеживать его динамику, сформирована карта реализации научно-технологических направлений в разрезе регионов России (рис. 5)⁹.

С точки зрения инновационного развития выделены следующие группы: сильные инноваторы – 11 регионов, средне-сильные инноваторы – 16, средние инноваторы – 22, средне-слабые инноваторы – 25, слабые инноваторы – 11 регионов. На представленной карте инновационная активность регионов характеризуется научно-технологическими направлениями и инновационной инфраструктурой, обеспечивающими инновационное развитие. Количество технологических направлений, развиваемых в регионе, позволяет выявить, насколько используются научный, географический и сырьевой потенциалы. При этом широта охвата научно-технологических направлений не означает высокий уровень инновационного развития по всем этим направлениям.

Инновационное развитие региона – залог его успешного социально-экономического развития. Результаты мониторинга инновационного развития региона являются основой для принятия оперативных решений, направленных на усиление слабых позиций и удержание лидирующих.

Авторами исследования проведен мониторинг ключевых показателей эффективности развития [31], в том числе научно-технической и инновационной деятельности, зафиксированных в региональных стратегических документах. По итогам мониторинга сформированы блоки показателей инновационного и научно-технологического развития регионов, используемые большинством регионов (общие) и отражающие специфику конкретного региона (дополнительные).

Общие показатели условно можно разделить на следующие группы.

1. Показатели, характеризующие уровень экономического развития региона:

- индекс промышленного производства;
- темп роста производительности труда;
- прирост налоговых доходов консолидированного бюджета субъекта РФ (в действующих ценах).

2. Показатели, характеризующие уровень инновационного развития региона:

- доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП;
- доля инновационной продукции в ВРП региона;

⁹ Составлено авторами исследования.

- доля инвестиций в основной капитал в общем объеме ВРП;
- доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции;

– доля инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг промышленными организациями;

– доля инновационной продукции, выпускаемой организациями промышленности, в общем объеме отгруженных товаров собственного производства организациями промышленности, осуществляющими технологические инновации;

– доля организаций, выполняющих исследования и разработки в общем объеме организаций.

3. Показатели, характеризующие научно-исследовательский потенциал региона:

– доля ученых, занятых исследованиями и разработками (на 1000 занятых);

– отношение средней заработной платы научных сотрудников к среднемесячной начисленной заработной плате наемных работников в организациях по субъекту РФ.

4. Показатели, характеризующие уровень развития высокотехнологических отраслей в регионе:

- доля продукции высокотехнологических отраслей в ВРП;
- доля используемых передовых производственных технологий в общем объеме технологий;

– доля продукции высокотехнологических и наукоемких отраслей в ВРП;

– прирост количества вновь созданных и модернизированных рабочих мест;

– число зарегистрированных заявок на охраноспособные результаты интеллектуальной деятельности (на 1000 занятых в исследованиях и разработках).

5. Показатели, характеризующие позицию региона в рейтингах:

- позиция региона в рейтинге инвестиционной привлекательности;
- позиция региона в рейтинге инновационной активности.

Помимо общих выявлены и дополнительные показатели, характеризующие в основном отраслевую особенность региона:

– доля предприятий субъекта Российской Федерации электротехнического кластера на российском рынке;

– доля предприятий машиностроительного кластера на российском рынке;

– доля предприятий строительного кластера на российском рынке;

– доля предприятий агропромышленного кластера на российском рынке;

- доля обрабатывающих производств в ВРП;
- доля добывающих производств в ВРП;
- доля экспорта в общем объеме произведенной инновационной продукции;
- доля энергетических ресурсов, производимых с использованием возобновляемых источников энергии и/или вторичных энергетических ресурсов, в общем объеме энергетических ресурсов;
- общий объем товаров (выполненных работ, оказанных услуг), произведенный научно-производственными комплексами наукоградов Российской Федерации, в общем объеме произведенных товаров (выполненных работ, оказанных услуг) по наукоградам, за исключением организаций, образующих инфраструктуру наукограда.

На основе анализа аналитических отчетов международных организаций и открытых международных статистических баз данных (OECD, WIPO, World of Bank, ЮНЕСКО и др.) выявлен ряд показателей, которые характеризуют научно-технологическое и инновационное развитие и не используются в отечественной практике¹⁰. Помимо этого авторами исследования проведен анализ Плана реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации¹¹ (далее – Стратегия) на предмет новых категорий, которые должны быть учтены при анализе инновационной активности региона.

Таким образом, на основании разбора зарубежного опыта и задач, представленных в Стратегии, авторами разработан перечень показателей, рекомендуемых к использованию в действующей практике анализа регионального научно-технологического и инновационного развития, которые отражают:

- взаимосвязь науки и отрасли: количество зарегистрированных патентов на 100 занятых в разрезе отраслей экономики региона;
- создание продукции, востребованной на мировом рынке: доля экспорта в общем объеме произведенной инновационной продукции;
- оборот интеллектуальной собственности: количество/стоимость лицензионных договоров на предоставление права использования объектов интеллектуальной собственности;
- уровень использования технологий: соотношение экспорта и импорта технологий и услуг технологического характера;

¹⁰ WIPO: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wipo.int> (дата обращения: 10.02.2018); WORLD BANK: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org/> (дата обращения: 10.02.2018); ЮНЕСКО: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://data.uis.unesco.org/> (дата обращения: 10.02.2018).

¹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 июня 2017 г. № 1325-р об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на 2017–2019 годы (первый этап).

- востребованность интеллектуальной собственности: численность работников, оказывающих услуги по правовой охране, оценке, использованию и защите прав на результаты интеллектуальной деятельности, включая исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, которые входят в состав технологий;
- привлекательность региона для молодых исследователей и технологических предпринимателей: численность молодых исследователей, инженеров и технологических предпринимателей.

Обсуждение и заключения. В России в силу ряда объективных причин неравномерность инновационного развития регионов предопределяет и существенный разрыв между уровнями их экономического развития.

Возможность применения успешного опыта Республики Корея в развитии кластерных региональных структур, которые создают благоприятные условия для инновационного развития, представляет определенный интерес для России в рамках совершенствования региональной политики инновационного развития с целью привлечения частного капитала, коммерциализации научных исследований, развития высокотехнологичных производств регионов. На основании проведенного авторами исследования предлагается закрепить за крупными государственными корпорациями и системообразующими компаниями в отрасли функцию по поддержке инновационного центра, осуществляющего разработки для данной отрасли при условии приоритетного использования полученных результатов интеллектуальной деятельности данной компанией.

В свою очередь данная компания должна предоставлять финансовую и нефинансовую поддержку инновационному центру, обеспечивающему сопровождение по созданию, производству и коммерциализации инновационной продукции региона.

Предложенная карта научно-технологических направлений и инновационной инфраструктуры в разрезе регионов России позволяет заинтересованным пользователям выявить регионы с необходимым для работы научно-технологическим потенциалом и инновационной инфраструктурой и может являться своеобразным навигатором для крупных компаний, инвесторов, имеющих желание и возможность инвестировать в инновационную деятельность региона.

На основе анализа направлений научно-технологического развития в регионах России определено, что у слабых инноваторов в региональных стратегических документах практически не акцентируется внимание на их реализации.

В свою очередь эффективной реализации направлений научно-технологического развития, обеспечивающих инновационное раз-

витие региона способствует также качественная система показателей мониторинга научно-технологического и инновационного развития региона.

Предложенные в исследовании показатели позволят более точно определять центры развития инновационной экономики в регионах, отслеживать изменения в развитии высокотехнологического сектора экономики регионов, что является необходимым условием для социально-экономического развития государства в целом.

Таким образом, практическая значимость исследования заключается в изучении опыта Республики Корея в области регионального инновационного развития и предложении направления его адаптации к российским условиям. Карта реализации научно-технологических направлений в разрезе регионов России может быть применена как ориентир для принятия управленческих решений при формировании и реализации программ инновационного развития региона. Данное исследование может быть полезно для административно-управленческого персонала, занимающегося проблемами инновационного регионального развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Колотырина Е. А. Особенности становления инновационной системы Республики Корея // Вестник РУДН. Сер.: Экономика. 2015. № 2. С. 96–105. URL: <http://journals.rudn.ru/economics/article/view/12940> (дата обращения: 12.02.2018).
2. Носонов А. М. Особенности инновационного развития регионов России // Регионоведение. 2014. № 4 (89). С. 22–31. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1318> (дата обращения: 15.02.2018).
3. Скворцова Н. А., Лебедева О. А., Сотникова Е. А. Инновационное развитие регионов в условиях экономического пространства // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 1265–1268. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37017> (дата обращения: 15.02.2018).
4. Analysis of innovation potential of northern russian regions / Y. A. Gadzhiev [et al.] // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2016. Vol. 6, no. 48. Pp. 236–254. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.13
5. Лизунов В. В. Роль кластеров в стратегическом планировании, инновационном развитии и конкурентоспособности регионов // Национальные приоритеты России. 2015. № 3 (17). С. 97–108. URL: <http://rusnatprior.ru/pages/317-2015-god> (дата обращения: 15.02.2018).
6. Гамидуллаева Л. А. Теоретические аспекты реализации кластерного подхода к управлению инновационным развитием региона // Наука, образование, общество. 2015. № 1 (3). С. 10–17. DOI: 10.17117/no.2015.01.010

7. Жаров В. С. Основы формирования инновационной региональной политики // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 7 (238). С. 2–8. URL: <http://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=48471> (дата обращения: 15.02.2018).
8. Напольских Д. Л. Тенденции и перспективные модели формирования промышленных кластеров в Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 6. С. 248–263. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.16
9. Benko G., Boschma R. A. Competitiveness of regions from an evolutionary perspective // Regional Studies. 2004. Vol. 38, issue 9. Pp. 1001–1014. DOI: 10.1080/0034340042000292601
10. Ystrom A., Aspenberg H. Open for innovation? Practices supporting collaboration in swedish regional clusters // International Journal of Innovation Management. 2017. Vol. 21, issue 5. DOI: 10.1142/S1363919617400084
11. Demand-Driven Innovation: An integrative systems-based review of the literature / A. Frenkel [et al.] // International Journal of Innovation and Technology Management. 2015. Vol. 12, issue 2. DOI: 10.1142/S021987701550008X
12. Трифионов Е. О выборе модели российской экономики // Общество и экономика. 2013. № 9. С. 86–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20466065> (дата обращения: 15.02.2018).
13. Лапочкина В. В., Володин В. М., Ильина И. Е. Востребованность инструментов поддержки исследований и разработок отечественных научных фондов в рамках жизненного цикла научного проекта // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 4. С. 28–39. URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on417 (дата обращения: 15.02.2018).
14. Ильина И. Е., Жарова Е. Н. Инструменты поддержки исследований и разработок ведущих отечественных и зарубежных научных фондов // Интеграция образования. 2017. Т. 21, № 2. С. 164–183 DOI: 10.15507/1991-9468.087.021.201702.164-183
15. Ilina I. E., Ushakova S. E. The effectiveness of tax incentives for business R&D in Russia and abroad // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol 6, no. 3 Pp. 331–335. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3p331
16. Ilina I. E., Sergeeva O. L. Methods of assessing the efficiency of public spending on research and development design work // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol 6, no. 4. Pp. 250–255. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n4p250
17. Ильина И. Е., Бурланков С. П. Налоговое стимулирование заинтересованности бизнеса в использовании результатов интеллектуальной деятельности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2015. № 2 (21). С. 38–42. URL: <http://edu.tltsu.ru/sites/site.php?s=3456&m=52489> (дата обращения: 17.02.2018).
18. Park S. O. Regional innovation strategies in the knowledge-based economy // Geojournal. 2001. Vol. 53, issue 1. Pp. 29–38. DOI: 10.1023/A:1015814611617

19. Yoon D. The regional-innovation cluster policy for R&D efficiency and the creative economy: With focus on Daedeok Innopolis // Journal of Science and Technology Policy Management. 2017. Vol. 8, issue 2. Pp. 206–226. DOI: 10.1108/JSTPM-09-2016-0025

20. Lee S. Y., Noh M., Seul J. Y. Government-led regional innovation: a case of “Pangyo” IT cluster of South Korea // European Planning Studies. 2017. Vol. 25, issue 5. Pp. 848–866. DOI: 10.1080/09654313.2017.1282084

21. Odai S. N. The role of science, technology and innovative industries in national development // Key determinants of national development: historical perspectives and implications for developing economies. 2015. P. 215–230. URL: <https://www.routledge.com/Key-Determinants-of-National-Development-Historical-Perspectives-and-Implications/Appiah-Adu-Bawumia/p/book/9781472462831> (дата обращения 17.03.2018).

22. Han U., Asmild M., Kunc M. Regional R&D efficiency in Korea from static and dynamic perspectives // Regional Studies. 2016. Vol. 50, issue 7. Pp. 1170–1184. DOI: 10.1080/00343404.2014.984670

23. Hu A. G. Innovation and economic growth in East Asia: an overview // Asian Economic Policy Review. 2015. Vol. 10, issue 1. Pp. 19–37. DOI: 10.1111/aep.r.12078

24. Hemmert M. Knowledge acquisition by university researchers through company collaborations: Evidence from South Korea // Science and Public Policy. 2017. Vol. 44, issue 2. Pp. 199–210. DOI: 10.1093/scipol/scw053

25. Kim B. K., Park S. K. The role of partner communication on cooperative R&D between SMEs and public research institutes in Korea // Asian Journal of Technology Innovation. 2015. Vol. 23, issue 3. Pp. 997–1020. DOI: 10.1080/19761597.2015.1120500

26. Sung T., Kim D. How chaebol restructuring after the 1997 crisis has affected corporate decision and performance in Korea: debt financing, ownership structure, and investment // China Economic Journal. 2017. Vol. 10, issue 2. Pp. 147–161. DOI: 10.1080/17538963.2017.1319630

27. Lee D. Role of R&D in the productivity growth of Korean industries: Technology gap and business // Journal of Asian Economics. 2016. Vol. 45. Pp. 31–45. DOI: 10.1016/j.asieco.2016.06.002

28. Сулина С. С., Самсонова В. Г. Экономика Республики Корея: новые перспективы и вызовы // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 66–78. URL: <http://www.ifes-ras.ru/pdv/online/706--q-q-3-2013> (дата обращения: 15.02.2018).

29. Рязанова А. Н. Политика Республики Корея в формировании инновационной экономики // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 78–81. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=852&article_id=13266 (дата обращения: 15.02.2018).

30. Жарова Е. Н., Ильина И. Е., Скворцов А. Е. Конкурентоустойчивость хозяйствующих субъектов сферы исследований и разработок: сущность и основные элементы // Вектор науки Тольяттинского государственного

университета. Сер.: Экономика и управление. 2016. № 4 (27). С. 37–43. DOI: 10.18323/2221-5689-2016-4-37-42

31. Ильина И. Е., Бурланков С. П., Жарова Е. Н. Мониторинг реализации стратегии научно-технологического развития Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 4. С. 33–47. URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on417 (дата обращения: 15.02.2018).

Поступила 15.02.2018; принята к публикации 23.03.2018; опубликована онлайн 29.06.2018.

Об авторах:

Ильина Ирина Евгеньевна, и. о. директора ФГБУ «Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере» (105064, Россия, г. Москва, ул. Земляной вал, д. 50а, стр. 6), доктор экономических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6609-3340>, skvo_ie@mail.ru

Жарова Елена Николаевна, старший научный сотрудник отдела анализа и прогноза развития научно-технологического комплекса ФГБУ «Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере» (105064, Россия, г. Москва, ул. Земляной вал, д. 50а, стр. 6), кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8281-8812>, zharovaen@rambler.ru

Агамирова Елизавета Валерьевна, старший научный сотрудник отдела анализа и прогноза развития научно-технологического комплекса ФГБУ «Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере» (105064, Россия, г. Москва, ул. Земляной вал, д. 50а, стр. 6), кандидат экономических наук, доцент, agamirova@yandex.ru

Каменский Александр Сергеевич, старший научный сотрудник отдела анализа и прогноза развития научно-технологического комплекса ФГБУ «Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере» (105064, Россия, г. Москва, ул. Земляной вал, д. 50а, стр. 6), кандидат экономических наук, доцент, a.kamenskiy@riep.ru

Заявленный вклад авторов:

Ильина Ирина Евгеньевна – общее руководство; определение замысла и методологии статьи; проведение критического анализа материалов.

Жарова Елена Николаевна – сбор и обработка информации; критический анализ и доработка текста; курирование данных.

Агамирова Елизавета Валерьевна – сбор данных; подготовка начального варианта текста; доработка статьи.

Каменский Александр Сергеевич – визуализация и представление данных в тексте; компьютерные работы.

Для цитирования: Инновационное развитие регионов России / И. Е. Ильина [и др.] // Регионоведение. 2018. Т. 26, № 2. С. 230–255. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.230-255

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Kolotyryna E.A. Specific features of innovation system formation of the Republic of Korea. *Vestnik RUDN. Ser.: Ekonomika* = RUDN Journal of Economics. 2015; 2:96-105. Available at: <http://journals.rudn.ru/economics/article/view/12940> (accessed 12.02.2018). (In Russ.)
2. Nosonov A.M. Features of Innovative Development of Russia's Regions. *Regionologiya* = Regionology. 2014; 4(89):22-31. Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/1318> (accessed 15.02.2018). (In Russ.)
3. Skvortsova N.A., Lebedeva O.A., Sotnikov E.A. Regions innovative development under conditions of economic space. *Fundamentalnye issledovaniya* = Fundamental Research. 2015; 2:1265-1268. Available at: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37017> (accessed 15.02.2018). (In Russ.)
4. Gadzhiev Y.A., Styrov M.M., Kolechikov D.V., Shlyakhtina N.V. Analysis of innovation potential of northern Russian regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2016; 6:236-254. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.13
5. Lizunov V.V. Role of clusters in strategic planning, innovative development and competitiveness of regions. *Natsionalnye priority Rossii* = Russia's National Priorities. 2015; 3(17):97-108. Available at: <http://rusnatprior.ru/pages/317-2015-god> (accessed 15.02.2018). (In Russ.)
6. Gamidullaeva L.A. Theoretical aspects of the cluster approach to the management of innovative development of the region. *Nauka, obrazovanie, obshchestvo* = Science, Education, Society. 2015; 1(3):10-17. DOI: 10.17117/no.2015.01.010
7. Zharov V.S. [Bases for the formation of innovative regional policy]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* = Regional Economy: Theory and Practice. 2012; 7(238):2-8. Available at: <http://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=48471> (accessed 15.02.2018). (In Russ.)
8. Napolskikh D.L. Trends and promising models forming industrial clusters in the Russian Federation. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017; 6:248-263. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.16
9. Boschma R. Competitiveness of Regions from an Evolutionary Perspective. *Regional Studies*. 2004; 38(9). DOI: 10.1080/0034340042000292601
10. Ystrom A., Aspenberg H. Open for innovation? Practices supporting collaboration in swedish regional clusters. *International Journal of Innovation Management*. 2017; 21(5). DOI: 10.1142/S1363919617400084

11. Frenkel A., Maital S., Leck E. et al. Demand-driven innovation: An Integrative systems-based review of the literature. *International Journal of Innovation and Technology Management*. 2015; 12(2). DOI: 10.1142/S021987701550008X
12. Trifonov E. Theoretical concepts of models the Russian economy. *Obshchestvo i ekonomika* = Society and Economy. 2013; 9:86-91. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20466065> (accessed 15.02.2018). (In Russ.)
13. Lapochkina V.V., Volodin V.M., Ilina I.E. The demand for research and development supporting tools offered by Russian scientific funds within a research project's life span. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki* = University Proceedings. Volga Region. Social Sciences, 2017; 4:28-39. Available at: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on417 (accessed 15.02.2018). (In Russ.)
14. Ilina I.E., Zharova E.N. Instruments of Support for Research and Development Funded by Leading Domestic and International Science Foundations. *Integratsiya obrazovaniya* = Integration of Education. 2017; 21(2):164-183. DOI: 10.15507/1991-9468.087.021.201702.164-183.
15. Ilina I.E., Ushakova S.E. The effectiveness of tax incentives for business R&D in Russia and abroad. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015; 6(3):331-335. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3p331
16. Ilina I.E., Sergeeva O.L. Methods of assessing the efficiency of public spending on research and development design work. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015; 6(4):250-255. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n4p250
17. Ilina I.E., Burlankov S.P. Tax incentives for business interest in the use of results of intellectual activity. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika i upravlenie* = Science Vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management. 2015; 2(21):38-42. Available at: <http://edu.tltsu.ru/sites/site.php?s=3456&m=52489> (accessed 17.02.2018). (In Russ.)
18. Park S.O. Regional innovation strategies in the knowledge-based economy. *Geojournal*. 2001; 53(1):29-38. DOI: 10.1023/A:1015814611617
19. Yoon D. The regional-innovation cluster policy for R&D efficiency and the creative economy: With focus on Daedeok Innovalis. *Journal of Science and Technology Policy Management*. 2017; 8(2):206-226. DOI: 10.1108/JSTPM-09-2016-0025
20. Lee S.Y., Noh M., Seul J.Y. Government-led regional innovation: a case of "Pangyo" IT cluster of South Korea. *European Planning Studies*. 2017; 25(5):848-866. DOI: 10.1080/09654313.2017.1282084
21. Odai S.N. The role of science, technology and innovative industries in national development. *Determinants of National Development: Historical Perspectives and Implications for Developing Economies*. 2015; 215-230. Available at: https://www.researchgate.net/publication/292116566_The_Role_of_Science_Technology_and_Innovative_Industries_in_National_Development (accessed 17.03.2018).
22. Han U., Asmild M., Kunc M. Regional R&D efficiency in Korea from static and dynamic perspectives. *Regional Studies*. 2016; 50(7):1170-1184. DOI: 10.1080/00343404.2014.984670

23. Hu A.G. Innovation and economic growth in East Asia: an overview. *Asian Economic Policy Review*. 2015; 10(1):19-37. DOI: 10.1111/aep.12078
24. Hemmert M. Knowledge acquisition by university researchers through company collaborations: Evidence from South Korea. *Science and Public Policy*. 2017; 44(2):199-210. DOI: 10.1093/scipol/scw053
25. Kim B.K., Park S.K. The role of partner communication on cooperative R&D between SMEs and public research institutes in Korea. *Asian Journal of Technology Innovation*. 2015; 23(3):997-1020. DOI: 10.1080/19761597.2015.1120500
26. Sung T., Kim D. How chaebol restructuring after the 1997 crisis has affected corporate decision and performance in Korea: debt financing, ownership structure, and investment. *China Economic Journal*. 2017; 10(2):147-161. DOI: 10.1080/17538963.2017.1319630
27. Lee D. Role of R&D in the productivity growth of Korean industries: Technology gap and business. *Journal of Asian Economics*. 2016; 45:31-45. DOI: 10.1016/j.asieco.2016.06.002
28. Suslina S.S., Samsonova V.G. The Economy of the Republic of Korea: New Perspectives and Challenges. *Problemy Dalnego Vostoka = Far Eastern Affairs*. 2013; 3:66-78. Available at: <http://www.ifes-ras.ru/pdv/online/706--q-q-3-2013> (accessed 15.02.2018). (In Russ.)
29. Ryazanova A.N. [The policy of the Republic of Korea in the formation of innovative economy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. 2010; 339:78-81. Available at: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=852&article_id=13266 (accessed 15.02.2018). (In Russ.)
30. Zharova E.N., Ilina I.E., Skvortsov A.E. The competitive stability of economic entities in the sphere of research and development: The essence and basic elements. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika i upravlenie = Science Vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management*. 2016; 4(27):37-43. DOI: 10.18323/2221-5689-2016-4-37-42
31. Ilina I.E., Burlankov S.P., Zharova E.N. [Monitoring of the implementation of the strategy of scientific and technological development of the Russian Federation]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki = Bulletin of Higher Education Institutions. Volga Region. Social Sciences*. 2017; 4:33-47. Available at: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on417 (accessed 15.02.2018). (In Russ.)

Submitted 15.02.2018; accepted for publication 23.03.2018; published online 29.06.2018.

About the authors:

Irina E. Ilina, acting director of Russian Research Institute for Economics, Politics and Law in Science and Technology (Bldg. 6, 50a Zemlyanoy Val St., Moscow 105064, Russia), Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6609-3340>, skvo_ie@mail.ru

Elena N. Zharova, Senior Research Officer of Department for Analysis and Prognosis of the Scientific and Technological Complex Development, Russian Research Institute for Economics, Politics and Law in Science and Technology (Bldg. 6, 50a Zemlyanoy Val St., Moscow 105064, Russia), Ph. D. (Economics), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8281-8812>, zharovaen@rambler.ru

Elizaveta V. Agamirova, Senior Research Officer of Department for Analysis and Prognosis of the Scientific and Technological Complex Development, Russian Research Institute for Economics, Politics and Law in Science and Technology (Bldg. 6, 50a Zemlyanoy Val St., Moscow 105064, Russia), Ph. D. (Economics), Associate Professor, agamirova@yandex.ru

Alexander S. Kamenskiy, Senior Research Officer of Department for Analysis and Prognosis of the Scientific and Technological Complex Development, Russian Research Institute for Economics, Politics and Law in Science and Technology (Bldg. 6, 50a Zemlyanoy Val St., Moscow 105064, Russia), Ph. D. (Economics), Associate Professor, a.kamenskiy@riep.ru

Contribution of the authors:

Irina E. Ilina – general academic advising, formulation of the concept and methodology of the article; critical analysis of the materials.

Elena N. Zharova – collection and processing of information; critical analysis and revision of the text; supervision of the data.

Elizaveta V. Agamirova – collection of the data; drafting the initial version of the text; revision of the text of the article.

Alexander S. Kamenskiy – visualization and presentation of the data; computer processing.

For citation: Ilina I.E., Zharova E.N., Agamirova E.V., Kamenskiy A.S. Innovative Development of the Regions of Russia. *Regionologiya = Regionology*. 2018; 27(2):230-255. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.230-255

All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Оценка современного состояния налогообложения субъектов малого и среднего бизнеса Республики Мордовия: на примере упрощенной системы налогообложения

Н. А. Филиппова

О. Ю. Шелудякова*

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),
*sozolga@yandex.ru

Введение. Существующая сегодня система налогообложения является одним из основных сдерживающих факторов в развитии малого бизнеса в России. Дальнейшее ее совершенствование является актуальным как для развития субъектов малого предпринимательства, так и для экономики страны в целом. Цель статьи – проанализировать показатели налогообложения субъектов малого и среднего бизнеса Республики Мордовия, определить проблемы и предложить конкретные рекомендации для их устранения.

Материалы и методы. Основу исследования составили данные Федеральной налоговой службы России по Республике Мордовия, Министерства финансов Республики Мордовия. Выполнен анализ показателей налогообложения субъектов малого и среднего бизнеса Мордовии, применяющих упрощенную систему налогообложения. Использовались следующие методы научного исследования: статистико-экономический, абстрактно-логический, монографический, расчетно-конструктивный и др.

Результаты исследования. Проведенный анализ обозначил сложности, которые не позволяют широко и эффективно применять упрощенную систему налогообложения. Предложены конкретные рекомендации для устранения выявленных проблем: ликвидировать запутанные положения, которые могут трактоваться по-разному налогоплательщиком и контролирующими органами; ввести мораторий на налоговые проверки субъектов малого и среднего бизнеса; принять меры по ужесточению контроля за соблюдением порядка применения патентной системы налогообложения.

Обсуждение и заключения. Проведенные исследования налогообложения малого предпринимательства в Республике Мордовия позволили выявить перспективы развития и основные проблемы упрощенной системы налогообложения. Предложенные направления совершенствования упрощенной системы налогообложения могут ис-

пользоваться для разработки нормативно-правовых актов, а также в процессе преподавания экономических и финансовых дисциплин.

Ключевые слова: малый бизнес, предпринимательство, налог, упрощенная система налогообложения, налог на совокупный доход, налоговые каникулы

Assessment of the Current State of Taxation of Small and Medium-Sized Businesses in the Republic of Mordovia: the Case Study of the Simplified Taxation System

N. A. Filippova, O. Yu. Sheludyakova*

National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
sozolga@yandex.ru

Introduction. The current taxation system is one of the main constraints in the development of small businesses in Russia. Its further improvement is topical both for development of small businesses, and for the economy of the country as a whole. The paper presents an analysis of the indicators of taxation of small and medium-sized businesses in the Republic of Mordovia, identifies problems and proposes specific recommendations on how to resolve them.

Materials and Methods. The study was based on the data from the Administration of the Federal Tax Service of Russia for the Republic of Mordovia, the Ministry of Finance of the Republic of Mordovia. The indicators of taxation of small and medium-sized businesses in the Republic of Mordovia which apply the simplified taxation system were analyzed. The following methods of scientific research were applied: the statistical and economic, the abstract and logical, the monographic, the computational and constructive ones, etc.

Results. The performed analysis identified the difficulties that do not allow the widespread and effective application of the simplified taxation system. Specific recommendations for elimination of the revealed problems have been offered: to eliminate the confused provisions which can be interpreted differently by the taxpayer and controlling bodies; to introduce a moratorium on tax audits of small and medium-sized businesses; to tighten controls on the order of application of the patent taxation system.

Discussion and Conclusions. The study of taxation of small businesses in the Republic of Mordovia revealed the prospects of development and the main problems of the simplified taxation system. The proposed directions of improvement of the simplified taxation system can be used for the development of legal and regulatory instruments, as well as in teaching courses in Economics and Finance.

Keywords: small business, entrepreneurship, tax, simplified taxation system, aggregate income tax, tax holidays

Введение. Малое и среднее предпринимательство играет огромную роль в экономической жизни любой страны, поскольку именно небольшие предприятия вносят существенный вклад в поддержание экономического роста, обеспечение занятости населения и т. д. В экономической литературе предпринимательство определяется как деятельность, ведущаяся экономическими субъектами на свой

страх и риск и нацеленная на систематическое получение прибыли от реализации товаров, услуг и работ.

Законодательство РФ предусматривает немало видов поддержки и льгот для субъектов малого и среднего предпринимательства. В первую очередь, такие льготы установлены в сфере налогообложения, предоставления статистических отчетов, бухучета и порядка ведения кассовых операций¹.

Стимулирование малого бизнеса наряду с налоговыми льготами призваны обеспечить специальные налоговые режимы [1], которые предоставляют налоговые преимущества данным хозяйствующим субъектам. Их применение позволяет налогоплательщику значительно снизить налоговую нагрузку и тем самым улучшить свое финансовое положение.

Таким образом, большое значение приобретает дальнейшее совершенствование механизма налогообложения субъектов малого предпринимательства, улучшение специальных налоговых режимов.

Целью статьи является анализ упрощенной системы налогообложения для субъектов малого и среднего бизнеса и разработка предложений по ее совершенствованию в современных условиях.

Обзор литературы. Сегодня теория и методология проблемы налогообложения малого предпринимательства разработаны в трудах отечественных и зарубежных ученых. Основы теории предпринимательства и малого бизнеса заложены известными зарубежными экономистами: В. Петти, Ф. Кенэ, К. Марксом, А. Смитом, Д. Рикардо, А. Вагнером, М. Фридманом, А. Тьером, М. Лоренцем, Г. Стайном, А. Тривусом и др.

Создателем научной классической теории налогообложения по праву считается шотландский экономист и ученый А. Смит, который в своей работе «Исследование о природе и причине богатства народов» (1776 г.) выделяет главные принципы налогообложения, актуальные и на сегодняшний день:

- принцип справедливости, утверждающий всеобщность обложения и равномерность распределения налога между гражданами соразмерно их доходам;
- принцип определенности, требующий, чтобы сумма, способ и время платежа были заранее конкретно известны плательщику;
- принцип удобства, практикующий взимание налога в такое время и таким способом, которые представляют наибольшие удобства для плательщика;

¹ Охотин И. В. Субъекты малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. Материал подготовлен с использованием правовых актов по состоянию на 10 января 2018 года // Консультант-Плюс : справочно-правовая система (дата обращения: 14.02.2018).

– принцип экономии, заключающийся в сокращении издержек взимания налога, в рационализации системы налогообложения.

Становлению, функционированию и развитию системы налогообложения в условиях современной экономики России посвящены работы Н. Ю. Кругловой, И. В. Дуганцовой². Вопросы налогообложения малых форм хозяйствования раскрыты в статьях М. В. Голубниченко [2], Т. Е. Гварлиани, Е. К. Воробей [3], Ф. С. Агузаровой, Э. А. Хидировой [4]. Изучению экономической функции государства и проблем обеспечения экономических прав посвящены исследования В. С. Федоляк [5]. Особенности налогообложения малого и среднего бизнеса в зарубежных странах проанализированы М. С. Жверанцевой [6], Е. А. Соловьевой [7]. Изучение вопросов экономической безопасности деятельности предпринимателей, способы защиты их экономических прав представлены в трудах С. Э. Жилинского, В. В. Витрянского, А. В. Иванова, В. П. Грибанова и др. Глубоко анализируются проблемы ответственности малых и средних фирм за неисполнение своих налоговых обязательств (Г. А. Гаджиев, Л. И. Ефремова, А. В. Перова и др).

Среди международных исследований можно выделить разработки А. А. Анненкова и Д. К. Остроухова, которые проводят сравнительную оценку регулирующего воздействия на сектор малого бизнеса России и Китая, основанную на данных ежегодного доклада Всемирного банка «Ведение бизнеса» [8]. Е. И. Зацаринная и Н. А. Проданова проводят изучение изменений в налогообложении, связанных с уплатой имущественного налога при ЕНВД и налоговыми ставками [9]. М. Д. Рин с соавторами исследуют влияние налоговой политики на создание новых компаний. Их анализ основан на последних моделях того, как корпоративное налогообложение влияет на решение о регистрации фирмы [10]. В. Иордаци, М. Р. Тирлеа рассматривают вопрос налогового упрощения в отношении субъектов малого предпринимательства как эффективный инструмент соблюдения ими налогового законодательства и сокращения миграции таких фирм в нелегальный сектор экономики [11]. С. М. Бергнер, Дж. Х. Хекмейер доказывают, что возможность выбора упрощенных методов налогового учета является важным фактором при принятии решений в юридической форме [12].

Тем не менее, не смотря на наличие такого широкого круга исследований различных аспектов развития малого предпринимательства,

² Круглова Н. Ю., Дуганцова И. В. Влияние ассортиментной политики организации культуры на эффективность самофинансирования ее деятельности // Экономика социально-культурной сферы: актуальные вопросы : сб. науч. ст. преподавателей, выпускников и студентов Моск. гос. ин-та культуры. 2017. С. 6–21.

большинство работ посвящены преимущественно правовым аспектам налогообложения малого бизнеса, недостаточное внимание уделено экономическим предпосылкам и теоретическому обоснованию налогообложения малого и среднего бизнеса. Недостаточно изучен вопрос перспективного развития налогообложения малого и среднего бизнеса.

Материалы и методы. При подготовке статьи использовались труды отечественных и зарубежных ученых в области налогообложения, публикации по теме исследования в периодической печати, нормативно-правовые акты и документы в области налогообложения, материалы семинаров, посвященных проблеме налогообложения малого бизнеса, директивные документы Президента и Правительства РФ.

Методологическую основу исследования составили общие и специальные методы научного познания: аналитический, монографический, экономико-статистический, сравнительный, экономико-математический, графический методы, метод группировки и научного обобщения.

Информационной базой исследования послужили отчетно-аналитическая информация Управления ФНС России по Республике Мордовия, официальные данные Росстата, информационные ресурсы сети Интернет, публикации в экономических периодических изданиях, федеральные законы и законы Республики Мордовия.

На основании отчета 5-УСН, представленного на сайте Управления ФНС России по Республике Мордовия, был проведен анализ следующих показателей за последние пять лет: количества плательщиков единого налога, уплачиваемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения (УСН); поступлений в бюджет Республики Мордовия и бюджеты государственных внебюджетных фондов единого налога, уплачиваемого в связи с применением УСН; произведен расчет поступлений платежей по УСН в бюджет РМ, приходящихся на одного налогоплательщика.

На основании данных об исполнении консолидированного и республиканского бюджетов Республики Мордовия, представленных на сайте Министерства финансов Республики Мордовия, был проведен анализ структуры доходов бюджета Мордовии в 2014–2016 гг., а также осуществлен расчет структуры налогов на совокупный доход, поступивших в консолидированный бюджет РМ.

На основании проведенного анализа были выявлены имеющиеся на сегодняшний день проблемы, связанные с применением УСН в Республике Мордовия, предложены направления дальнейшего совершенствования данного налогового режима.

Результаты исследования. Проведенный анализ исполнения бюджета Республики Мордовия показал, что сумма налогов на со-

вокупный доход, поступивших в 2016 г. в территориальный бюджет региона, составила 741 438 тыс. руб., превысив показатель 2013 г. в 1,2 раза (в 2013 г. – 643 912,60 тыс. руб.), а показатель 2014 г. – в 1,05 раза (в 2014 г. – 707 170,2 тыс. руб.). Это свидетельствует о повышении роли налогов на совокупный доход, а также о наличии перспектив их роста в будущем.

Поступления от специальных налоговых режимов вызывают особый интерес, так как именно эти данные позволяют оценить приток налогов от субъектов малого предпринимательства. Доходы Республики Мордовия можно объединить в три группы (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Структура доходов бюджета Республики Мордовия в 2014–2016 гг.³
T a b l e 1. Structure of budget revenues of the Republic of Mordovia in 2014–2016

Наименование доходов / Source of revenues	Доходы бюджета Республики Мордовия, тыс. руб. / Budget revenues of the Republic of Mordovia, thousand rubles			Соотношение доходов, % / Revenue ratio, %	
	2014	2015	2016	2015 г. к 2014 г. / in 2015 to 2014	2016 г. к 2015 г. / in 2016 to 2015
Всего доходов / Total revenues	35 507 967	33 157 027	36 945 989	-6,62	11,43
Налоговые доходы, в том числе / Tax revenues, including:	23 180 997	19 261 482	22 073 689	-16,9	14,60
– налоги на совокупный доход / aggregate income taxes	707 170	744 147	741 438	5,23	-0,37
– налоги на совокупный доход в % к общей сумме налоговых доходов / aggregate income taxes as % of total tax revenues	3,05	3,86	3,36	-	-
– налоги на совокупный доход в % к общей сумме доходов бюджета / aggregate income taxes as % of total budget revenues	1,99	2,24	2,00	-	-
Неналоговые доходы / Non-tax revenues	411 149	488 109	776 245	18,72	59,03
Безвозмездные поступления / Uncompensated receipts	11 915 822	13 407 437	14 096 055	12,52	5,14

³ Таблица составлена на основе данных Министерства финансов Республики Мордовия. URL: <http://www.minfinrm.ru> (дата обращения: 14.02.2018).

Как видно из таблицы 1, налоговые поступления составляют основной источник доходов бюджета Республики Мордовия в течение 2014–2016 гг. Удельный вес налогов на совокупный доход в общем объеме налоговых доходов в 2014 г. составил примерно 3 %, в 2015 г. данный показатель увеличился до 3,9 %, а в 2016 г. достиг приблизительно 3,4 %. Доля налогов на совокупный доход в общей сумме доходов бюджета Республики Мордовия за анализируемый период колеблется на уровне 2 %.

Анализ структуры доходов от налогов на совокупный доход показал существенные изменения (табл. 2). Если в 2012 г. в структуре налогов на совокупный доход преобладали два налога: УСН и ЕНВД, то к 2016 г. доля ЕНВД уменьшилась до 37,64 %, т. е. почти на 4,5 %. Доля единого налога при УСН, напротив, увеличилась на 4,4 % и составила в 2016 г. 60,34 %. Поступления ЕСХ хоть и уменьшились, но в целом остались на уровне одного процента.

Т а б л и ц а 2. Динамика показателей структуры налогов на совокупный доход, поступивших в консолидированный бюджет РМ, %⁴

Table 2. Dynamics of the indicators of the structure of aggregate income taxes directed to the consolidated budget of the Republic of Mordovia, %

Налоги / Tax	Годы / Year				
	2012	2013	2014	2015	2016
Налоги на совокупный доход (всего) / Aggregate income taxes (total)	100	100	100	100	100
Единый налог при упрощенной системе налогообложения / Unified tax under the simplified taxation system	55,99	57,62	58,53	59,17	60,34
Единый налог на вмененный доход / Unified tax on imputed income	42,10	40,57	40,03	39,07	37,64
Единый сельскохозяйственный налог / Unified agricultural tax	1,71	1,14	0,98	1,30	1,42
Патентная система налогообложения / Patent system of taxation	0,19	0,67	0,46	0,47	0,60

Проведенный анализ показателей налогообложения субъектов малого и среднего бизнеса Республики Мордовия, применяющих УСН, за период с 2012 по 2016 гг. позволяет сделать следующие выводы. Из года в год увеличивается количество налогоплатель-

⁴ Таблица составлена на основе данных Министерства финансов Республики Мордовия. URL: <http://www.minfinrm.ru> (дата обращения: 14.02.2018).

щиков, применяющих данный режим налогообложения, в итоге за пять лет показатель увеличился на 845 ед./чел., достигнув в 2016 г. 10 474 ед./чел. (табл. 3).

Т а б л и ц а 3. Динамика показателей количества плательщиков единого налога в Республике Мордовия, уплачиваемого в связи с применением УСН⁵

Table 3. Dynamics of the indicators of the number of the unified tax payers in the Republic of Mordovia, the tax being paid due to the use of the simplified taxation system

Наименование показателей / Indicator	Годы / Year					Темп роста 2016 г. к 2015 г., % / Growth rate in 2016 to 2015, %
	2012	2013	2014	2015	2016	
Количество налогоплательщиков (ед./чел.), всего / Number of tax payers (units / people), total	9 629	9 380	9 481	10 414	10 474	100,6
Организации / Organizations	3 998	4 285	4 484	4 734	4 790	101,2
Индивидуальные предприниматели / Sole proprietors	5 631	5 095	4 997	5 680	5 684	100,1

Положительная динамика числа предпринимателей, перешедших на УСН, указывает на рост популярности среди них данного режима налогообложения. В то же время аналитики объясняют это следствием «дробления» крупных предприятий – разного рода ограничения налогового законодательства не позволяют им применять УСН, это также касается стратегически важных для развития экономики республики предприятий обрабатывающих производств, в том числе инновационной направленности. При этом увеличение субъектов, применяющих УСН, произошло за счет юридических лиц – их число возросло за исследуемый период на 792 ед., тогда как прирост индивидуальных предпринимателей (ИП) составил 53 чел. В общем количестве налогоплательщиков, применяющих УСН, преобладают именно ИП: их количество в 2016 г. составило 5 684 чел., что равняется 54,3 % от общего числа налогоплательщиков.

⁵ Таблица составлена на основе данных Федеральной налоговой службы Российской Федерации. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 14.02.2018).

Т а б л и ц а 4. Поступления в бюджеты Республики Мордовия и государственных внебюджетных фондов единого налога, уплачиваемого в связи с применением УСН, тыс. руб.⁶

Table 4. Receipts to the budgets of the Republic of Moravia and of state off-budget funds from the unified tax paid due to the use of the simplified taxation system, thousand rubles

Налоги / Tax	Годы / Years					Темп роста 2016 г. к 2015 г., % / Growth rate in 2016 to 2015, %/	
	2011	2012	2013	2014	2015		2016
Налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения (всего) / Tax levied due to the use of the simplified taxation system (total)	503 562	560 982	570 831	647 792	641 221	651 262	101,6
Единый налог с дохода / Unified tax on income	365 104	414 758	419 209	479 307	470 833	484 470	102,9
Единый налог с дохода в % к общей сумме единого налога / Unified tax on income as % of the total amount of the unified tax	72,5	73,9	73,4	74,0	73,4	74,4	
Единый налог с дохода за вычетом расходов / Unified tax on income, net of expenses	138 458	146 224	151 622	168 485	170 388	163 792	96,1
Единый налог с дохода за вычетом расходов, в % к общей сумме / Unified tax on income, net of expenses, as % of the total amount	27,5	26,1	26,6	26,0	26,6	25,1	
Единый минимальный налог / Unified minimum tax	71 010	79 766	78 386	106 009	83 410	90 141	108,1
Единый минимальный налог, в % к общей сумме / Unified minimum tax as % of the total amount	14,1	14,2	13,7	16,4	13,0	13,8	

⁶ Таблица составлена на основе данных Федеральной налоговой службы Российской Федерации. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 14.02.2018).

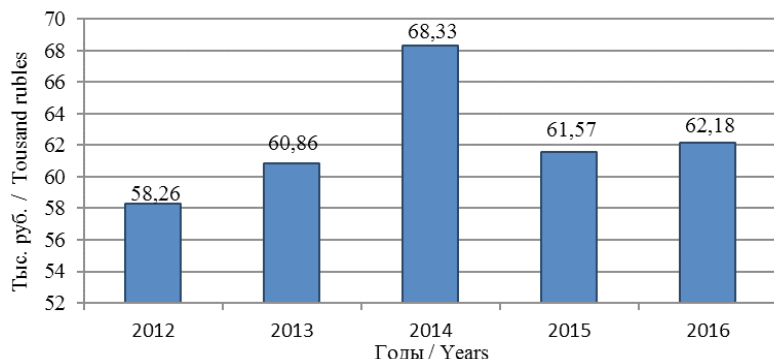
За счет увеличения количества налогоплательщиков и базы налогообложения, показатель объема платежей по УСН в бюджет РМ увеличился с 2011 по 2016 г. почти на 29,3 % (651 262 / 503 562 - 1 = 0,293, или 29,3 %), составив в 2016 г. 651 262 тыс. руб. В 2016 г. прирост налоговых поступлений по единому налогу к уровню 2015 г. составил 1,6 % (табл. 4). Причиной этого стали меры, принятые Правительством РФ в отношении субъектов малого предпринимательства: например, принятие закона Республики Мордовия от 22.12.2015 г. №97-3 «Об установлении налоговой ставки в размере 0 процентов для отдельных категорий налогоплательщиков – индивидуальных предпринимателей при применении упрощенной системы налогообложения и патентной системы налогообложения в Республике Мордовия».

В течение анализируемого периода темпы роста налоговых поступлений превосходили темпы роста количества налогоплательщиков. Так, например, в 2016 г. прирост поступлений единого налога составил 1,6 % по сравнению с аналогичным периодом 2015 г., тогда как прирост количества налогоплательщиков – лишь 0,6 %. Это говорит о том, что бизнес, перешедший на УСН, становится для Республики Мордовия более эффективным и ответственным налогоплательщиком. Налогоплательщики, обеспечивая приемлемую норму прибыли, предпочитают наращивать и выводить «из тени» свои обороты. Следовательно, УСН является не только выгодным и простым режимом для налогоплательщиков, но и более «прозрачным» и «собираемым», эффективным инструментом развития территории.

Данный вывод подтверждает и динамика налоговых поступлений, приходящихся на одного налогоплательщика. В 2016 г. поступления единого налога от одного налогоплательщика составили 62,18 тыс. руб. (на 0,61 % больше, чем в 2015 г., и на 3,92 % – чем в 2012 г.). В 2015 г. наблюдалось снижение налоговых поступлений почти на 6,76 % – до 61,57 тыс. руб. (рис. 1). Это обусловлено финансово-экономическим кризисом 2014–2015 гг., в ходе которого цены выросли, производство пошло на спад и многие предприятия вынуждены были замедлить свою работу, что отразилось и на бюджете.

На рост поступлений по налогу значительное влияние оказывают меры, принимаемые на федеральном и региональном уровнях. Так, в 2015 г. в законодательстве РФ было введено понятие «налоговые каникулы», которые дают право индивидуальным предпринимателям (зарегистрированным в первый раз) не платить налоги. Для них устанавливается ставка в размере 0 % на определенные виды деятельности. В Республике Мордовия принят закон об установлении налоговой

ставки в размере 0 % для индивидуальных предпринимателей при применении упрощенной системы налогообложения и патентной системы налогообложения. Данный закон устанавливает нулевую налоговую ставку для вновь зарегистрированных ИП, которые осуществляют деятельность в производственной, социальной или научной сферах. Данные налоговые каникулы направлены на то, чтобы помочь встать на ноги представителям частного бизнеса непосредственно в самом начале их деятельности. С 1 января 2015 г. были изменены и сроки уплаты налогов индивидуальными предпринимателями, применяющими ПСН. Так, если патент получен на срок до шести месяцев, то уплата налога производится в размере полной суммы не позднее срока окончания действия патента; если патент получен на срок от шести месяцев до календарного года, то необходимо заплатить налог в размере одной трети суммы не позднее 90 календарных дней после начала действия патента и в размере двух третей не позднее срока окончания действия патента.

Р и с. 1. Поступления платежей по УСН в бюджет РМ, приходящихся на одного налогоплательщика⁷

F i g. 1. Receipts of payments under the simplified taxation system to the budget of the Republic of Mordovia per one tax payer

Рассмотрим практику применения ПСН на территории Республики Мордовия.

Инспекциями ФНС России по Республике Мордовия в течение 2017 г. выдано 519 патентов. Основная их доля приходится на:

⁷ Расчеты на рисунке 1 сделаны на основе данных Федеральной налоговой службы Российской Федерации. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 14.02.2018).

– розничную торговлю, осуществляемую через объекты стационарной торговой сети, не имеющие торговых залов, а также через объекты нестационарной торговой сети (95 патентов);

– оказание автотранспортных услуг по перевозке грузов автомобильным транспортом (83 патента);

– оказание автотранспортных услуг по перевозке пассажиров автомобильным транспортом (36 патентов).

Патентная система налогообложения стартовала в 2013 году. За 4 года ее существования в Мордовии показатели выданных патентов были неоднозначными: в 2013 г. индивидуальными предпринимателями было получено 385 патентов, в 2014 – 246, в 2015 – 288, в 2016 – 358. Тем не менее в 2017 г. это число выросло почти в полтора раза (по сравнению с 2013 г.) и составило 519 единиц. Причем с 2016–2017 гг. в число получающих патенты вошли и предприниматели, применяющие патентную систему налогообложения с налоговой ставкой в размере 0 %. В прошлом году им было выдано 23 патента.

Увеличение динамики роста свидетельствует о том, что самозанятое населения постепенно выходит из тени. Именно на это, в первую очередь, и была направлена данная система, рассчитанная на индивидуальных предпринимателей с небольшим числом работников (до 15 чел.) и невысоким годовым доходом.

Несмотря на достаточно хорошие результаты состояния малого предпринимательства, некоторые положения главы НК РФ, регламентирующие УСН, создают проблемы, не позволяющие более широко и эффективно применять данную систему налогообложения. Рассмотрим основные трудности.

1. Одной из проблем для налогоплательщика является опровержение обвинений налоговых органов в построении схемы по дроблению бизнеса в целях применения упрощенной системы налогообложения.

Постоянный поиск налогоплательщиком способов оптимизации налогообложения и встречная работа налоговых органов по пресечению попыток получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды актуализируют необходимость адаптации сложившихся правоотношений к регулярно меняющейся судебной и ведомственной практике.

Одним из злободневных вопросов современного периода является проблема оспаривания правомерности применения упрощенной системы налогообложения юридическими лицами, связанными между собой по принципу взаимозависимости, если по итогам отчетного (налогового) периода доходы этой группы превысили 150 млн руб. (ст. 346.13 НК РФ).

Деятельность с использованием нескольких взаимозависимых юридических лиц, применяющих УСН, в идеале должна выглядеть следующим образом: каждое юридическое лицо осуществляет реальную хозяйственную деятельность самостоятельно и обособленно; у юридических лиц разные участники, единоличные исполнительные органы, главные бухгалтеры; каждое юридическое лицо самостоятельно ведет бухгалтерский и налоговый учет, имеет и контролирует свои финансовые потоки, их расчетные счета находятся в разных банках, распоряжаются ими разные лица; каждое юридическое лицо имеет свой штат работников, выполняющих необходимые функции, работники трудоустроены в соответствии с законодательством (знуют, в каком обществе они работают по основному месту, в каком – по совместительству и в чем заключаются их должностные обязанности в каждой организации); каждое юридическое лицо имеет обособленную материально-техническую базу, которую использует в своей деятельности; создание нескольких юридических лиц должно быть экономически целесообразным (например, для участия в торгах, в ходе раздела бизнеса между партнерами, для развития новых направлений деятельности, для охвата новых рынков и т. п.).

По данным на конец 2017 г. в Республике Мордовия (с учетом территориально-обособленных подразделений) экономическую деятельность осуществляли 72 средних предприятия. Среди них наибольшее число предприятий занимается обрабатывающим производством (30,6 % от общего количества). Значительная доля работала в области сельского хозяйства, охоты и предоставления услуг в этих областях – 26,4 %. Оптовой и розничной торговлей, ремонтом автотранспортных средств и мотоциклов занимались 15,2 % средних предприятий.

Оборот средних предприятий за отчетный период составил 28 395,8 млн руб., малых – 66 183,0 млн руб. 47,1 % оборота средних предприятий приходится на обрабатывающее производство, 35,5 % оборота малых предприятий – на оптово-розничную торговлю, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов.

Таким образом, любое малое или среднее предприятие, применяющее УСН и осуществляющее деятельность с использованием взаимозависимых юридических лиц, по итогам отчетного (налогового) периода может превысить доходы в размере 150 млн руб. и тем самым вызвать к себе повышенный интерес со стороны налогового органа. В ходе камеральной налоговой проверки у юридического лица будут запрашиваться дополнительные документы, подтверждающие его право применять данный налоговый режим. В случае возникновения

разногласий может быть назначена и выездная налоговая проверка, в ходе которой инспекторы смогут проверить сразу всю группу таких организаций: проанализировать сделки между зависимыми контрагентами, выявить дробление бизнеса, в том числе проведенное с целью остаться в режиме УСН.

Для решения данной проблемы необходимо ликвидировать запутанные положения, которые могут по-разному трактоваться налогоплательщиком и контролирующими органами, упростить систему налогообложения, сделать ее более прозрачной. Необходимо ввести определения «ошибка, которая не привела к неуплате налога в бюджет» и «незначительное нарушение», систематизировать неустранимые сомнения в пользу плательщика.

2. С 1 января 2016 г. для малого бизнеса на территории РФ начал действовать мораторий на проверки⁸, который также имеет некоторые недоработки и создает следующие проблемы:

- не распространяет свое действие на налоговые проверки, как в других странах [13]. Следует отметить, что именно в ходе проведения налоговых проверок налогоплательщик имеет наибольшее количество доначислений штрафных санкций, в результате чего предусматривается наибольшее количество поступлений средств в бюджет;

- действует лишь в случае самостоятельного обращения налогоплательщика в налоговый орган с заявлением о моратории на проверку (не действует автоматически). Это создает дополнительные трудности для налогоплательщиков. Кроме того, у предпринимателей отсутствует информация о планируемых проверках, ранее им не приходилось использовать механизм освобождения от проверок [14].

Права налоговых органов ежегодно расширяются, в то время как права налогоплательщиков остаются на прежнем уровне. Отсюда возникают следующие проблемы:

- в период кризиса предприниматели тратят много сил на доказывание своей правоты, вместо того чтобы заниматься развитием своего бизнеса, повышать прибыль и, как следствие, увеличивать налоги, поступающие в бюджет;

- полномочия налоговой службы расширились, что нарушает паритет прав налогового органа и налогоплательщика.

Так, по данным ФНС в Республике Мордовия за 2017 г. в отношении налогоплательщиков, применяющих УСН, было проведено

⁸ О внесении изменений в Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»: Федер. закон от 13.07.2015 № 246-ФЗ // Консультант-Плюс (дата обращения: 14.02.2018).

19 выездных налоговых проверок и 11 902 камеральные налоговые проверки, т. е. каждое предприятие ежегодно проверяется в ходе камеральной налоговой проверки и имеет вероятность того, что в отношении него будет открыта выездная налоговая проверка.

Зарубежная практика показывает, что «процедуры налоговых проверок в разных странах упрощаются, и это позволяет повысить доверие предпринимателей и компаний к налоговым органам и улучшить позицию страны в рейтинге Doing business» [15].

В качестве направления совершенствования моратория на проверки, а также устранения названных проблем предлагаем расширить круг освобожденных от плановых проверок предприятий: ввести мораторий на налоговые проверки субъектов малого и среднего бизнеса; расширить механизмы налогового мониторинга (это поможет свести к минимуму негативные последствия налоговой проверки); предоставлять налогоплательщику необходимые разъяснения, что позволит избежать случаев неуплаты налогов, ошибок в налоговой отчетности [16].

3. В гл. 26.5 «Патентная система налогообложения» НК РФ⁹ (на основании ФЗ от 30.11.2016 г. № 401-ФЗ¹⁰) внесены существенные изменения, вступившие в силу 1 января 2017 г. Так, законодательно урегулирован вопрос о том, на какой налоговый режим должен перейти индивидуальный предприниматель, совмещающий в своей деятельности патентную систему налогообложения и УСН. Ранее налогоплательщик, утративший право на применение ПСН, должен был перейти на общий режим налогообложения с начала налогового периода, на который ему был выдан патент, независимо от того, совмещает он несколько систем налогообложения или нет¹¹. Однако в том случае, когда ИП, потерявший право на применение ПСН, осуществлял еще какой-то вид деятельности и при этом использовал УСН, возникала достаточно абсурдная ситуация: с одной стороны, он должен был перейти на ОСН, с другой – одновременное применение общей системы налогообложения и УСН было недопустимо

⁹ Налоговый кодекс РФ. Часть 1 от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ. Часть 2 от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ [Электронный ресурс] : (с изм. и доп.) // Консультант-Плюс (дата обращения: 14.02.2018).

¹⁰ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 30.11.2016 № 401-ФЗ (последняя редакция) // Консультант-Плюс (дата обращения: 16.02.2018).

¹¹ Солодимова Т. Е. Патентная система налогообложения: новые изменения с прежними проблемами // Налоговая политика и практика. 2017. № 4 (172). С. 78–80. URL: <http://base.garant.ru/55889241/> (дата обращения: 27.02.2018).

(определение Конституционного Суда РФ от 16.10.2007 г. № 667-О-О, письма Минфина России от 08.09.2015 г. № 03-11-06/2/51596 и от 18.03.2013 г. № 03-11-12/33).

После внесенных в НК РФ изменений, если налогоплательщик утрачивает право на применение ПСН, он переходит либо на общую систему налогообложения, либо на УСН, либо на ЕСХН. Однако данная норма действует лишь на патенты, выданные после 1 января 2017 г.

Еще одним законодательным изменением в отношении ПСН является то, что с 1 января 2017 г. налогоплательщик не лишается права применять данный налоговый режим в случае несвоевременной уплаты налога по ПСН, как было ранее.

В случае неуплаты или частичной уплаты налога налоговый орган по окончании установленного срока обязан направить предпринимателю требование об уплате налога, пеней и штрафа [п. 2.1 ст. 346.51 НК РФ].

Ранее в аналогичном случае налогоплательщик терял право применять ПСН и должен был перейти на общую систему налогообложения. Тогда у налоговых органов возникала проблема зачета в счет НДС поступивших после срока уплаты сумм налога или его части по ПСН.

Внесенные изменения позволили решить не все проблемные вопросы: например, не урегулирован полностью вопрос о соблюдении сроков подачи заявления о переходе на ПСН. В настоящее время индивидуальный предприниматель, изъявивший желание перейти на ПСН, обязан подать соответствующее заявление в налоговый орган по месту жительства не позднее, чем за 10 рабочих дней [п. 2 ст. 346.45 НК РФ]. Однако российским законодательством не предусмотрена ответственность за несвоевременное предоставление индивидуальным предпринимателем такого заявления, а налоговые органы не вправе отказать в выдаче патента на этом основании [п. 4 ст. 346.45 НК РФ].

Таким образом, очевидна необходимость принятия мер по ужесточению контроля за соблюдением порядка применения патентной системы налогообложения. На наш взгляд, целесообразно внести изменения в п. 4 ст. 346.45 НК РФ, дополнив ее еще одним основанием для отказа в выдаче патента: нарушение сроков представления в налоговый орган заявления о применении ПСН.

Обсуждение и заключения. Анализ налогообложения за 2012–2016 гг. субъектов малого и среднего бизнеса Республики Мордовия, которые находятся на УСН, позволяет сделать следующие выводы.

Из года в год увеличивается количество налогоплательщиков, меняющих данный режим налогообложения. В итоге за пять лет показатель увеличился на 845 ед./чел., достигнув в 2016 г. 10 474 ед./чел. При этом количественный прирост субъектов УСН в первую очередь обеспечили юридические лица – их число возросло на 792 ед., тогда как прирост ИП – на 53 чел. Однако в общем количестве налогоплательщиков, применяющих УСН, преобладают именно индивидуальные предприниматели.

За счет роста количества налогоплательщиков и базы налогообложения, объем платежей по УСН в бюджет РМ увеличился с 2011 по 2016 г. почти на 29,3 %, составив в 2016 г. 651 262 тыс. руб. Этому послужили меры, принятые Правительством РФ в отношении субъектов малого предпринимательства.

Несмотря на достаточно хорошие результаты состояния малого предпринимательства, проведенный анализ показал, что некоторые положения главы НК РФ, регламентирующие УСН, вызывают определенные сложности и создают проблемы, которые не позволяют более широко и эффективно применять данную систему налогообложения. Возникающие трудности можно сгруппировать следующим образом:

- опровержение обвинений налоговых органов в построении схемы по дроблению бизнеса в целях применения упрощенной системы налогообложения;
- проблемы и недоработки, связанные с введением с 2016 г. моратория на проверки;
- недоработки патентной системы налогообложения.

Таким образом, возникает необходимость в подготовке конкретных рекомендаций по совершенствованию порядка применения упрощенной системы налогообложения. В статье нами были предложены конкретные меры поддержки, реализация которых на практике позволит повысить эффективность применения упрощенной системы налогообложения, доверие предпринимателей и компаний к налоговым органам, а также поднять позицию нашей страны в рейтинге благоприятности условий ведения бизнеса. Разработанные практические рекомендации по совершенствованию упрощенной системы налогообложения также могут быть использованы при проектировании нормативно-правовых актов по регулированию специальных налоговых режимов для малого бизнеса и в процессе преподавания экономических и финансовых дисциплин.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Горина Г. А. Патентная система налогообложения – методологический аспект // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2017. № 1. С. 78–80. URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=8488> (дата обращения: 27.02.2018).
2. Голубниченко М. В. К вопросу о льготном режиме налогообложения для субъектов малого предпринимательства в Саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2016. Вып. 3. С. 315–319. DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-315-319
3. Гварлиани Т. Е., Воробей Е. К. Малый и средний бизнес: европейский опыт и российская действительность // TERRA ECONOMICUS. 2011. Т. 9, № 4. Ч. 2. С. 48–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/malyiy-i-sredniy-biznes-evropeyskiy-opyt-i-rossiyskaya-deystvitelnost> (дата обращения: 27.02.2018).
4. Агузарова Ф. С., Хидирова Э. А. Тенденции развития налогообложения малого бизнеса в Российской Федерации // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 3-3. С. 407–410. URL: <http://applied-research.ru/ru/article/view?id=6555> (дата обращения: 19.02.2018).
5. Федоляк В. С. Саморазвитие регионов как способ реализации экономического потенциала // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2017. Вып. 4. С. 428–434. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-428-433
6. Жверанцева М. С. Реформирование налоговых систем в кризис и посткризисный период // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2017. Вып. 2. С. 192–196. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-2-192-196
7. Соловьева Е. А. Фирма как объект исследования в теории информационной экономики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2017. Вып. 1. С. 26–31. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-1-26-31
8. Анненкова А. А., Остроухова Д. К. Регулирующее воздействие государства на малое предпринимательство: сравнительная оценка России и Китая // Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences. 2017. № 1 (71). С. 10–15. DOI: 10.18551/rjoas.2017-11.01
9. Зацаринная Е. И., Проданова Н. А. Налогообложение малого бизнеса при ЕНВД // Торгово-экономический журнал. 2015. Т. 2, № 2. С. 111–120. DOI: 10.18334/tezh.2.2.571
10. Rin M. D., Giacomo M. D., Sembenelli A. Entrepreneurship, firm entry, and the taxation of corporate income: Evidence from Europe // Journal of Public Economics. 2011. Vol. 95, issue 9–10. Pp. 1048–1066. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2010.06.010
11. Iordachi V., Tirlea M. R. Use of presumptive taxation in facilitating small business tax compliance // Economie si sociologie: revista teoretico-stiintifica.

2016. No. 3. Pp. 11–19. URL: <https://ince.md/ro/complexul-editorial/publicatii-periodice/reviste-tiinifice/economie-si-sociologie-2/economie-si-sociologie-2-2016/journal-number-3rd-2016/967-use-of-presumptive-taxation-in-facilitating-small-business-tax-compliance.html> (дата обращения: 05.04.2018).

12. Bergner S. M., Heckemeyer J. H. Simplified tax accounting and the choice of legal form // *European Accounting Review*. 2017. Vol. 26, issue 3: Tax Research. DOI: 10.1080/09638180.2016.1264881

13. Курочкина Н. В., Падыганов А. В. Анализ практики применения упрощенной системы налогообложения субъектами малого бизнеса в странах содружества независимых государств // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2016. № 29 (311). С. 38–48. URL: <http://www.fin-izdat.ru/journal/fa/detail.php?ID=69403> (дата обращения: 27.02.2018).

14. Тимошенко В. А., Титова А. О. О совершенствовании налогообложения субъектов малого и среднего бизнеса // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право*. 2016. Вып. 1. С. 55–62. DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-1-55-62

15. Шестакова Е. В. Проблемы региональной дифференциации налогообложения в Российской Федерации в сфере малого бизнеса // *Налоги*. 2016. № 5. С. 36–41. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26556395> (дата обращения: 27.02.2018).

16. Богданова М. М., Носкова О. Г. Обзор поправок и изменений, внесенных в законодательные акты Российской Федерации по вопросам развития малого предпринимательства // *Финансовый бизнес*. 2016. № 4. С. 59–63. URL: <http://ankil.info/lib/4/184/1624/> (дата обращения: 27.02.2018).

Поступила 21.02.2018; принята к публикации 03.04.2018; опубликована онлайн 29.06.2018.

Об авторах:

Филиппова Наталья Алексеевна, профессор кафедры финансов и кредита ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор экономических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5369-4024>, nata.filipova.54@mail.ru

Шелудякова Ольга Юрьевна, аспирант кафедры финансов и кредита ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2860-1871>, sozolga@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Филиппова Наталья Алексеевна – научное руководство; развитие методологии; критический анализ и доработка текста.

Шелудякова Ольга Юрьевна – визуализация/представление данных в тексте; компьютерные работы; подготовка начального варианта текста; формализованный анализ данных; изучение концепции.

Для цитирования: Филиппова Н. А., Шелудякова О. Ю. Оценка современного состояния налогообложения субъектов малого и среднего бизнеса Республики Мордовия: на примере упрощенной системы налогообложения // *Регионоведение*. 2018. Т. 26, № 2. С. 256–277. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.256-277

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Gorina G.A. [Patent system of taxation: the methodological aspect]. *Finansovyy vestnik: finansy, nalogi, strakhovanie, bukhgalterskiy uchet* = Financial Bulletin: Finance, Taxes, Insurance, Accounting. 2017; 1:78-80. Available at: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=8488> (accessed 27.02.2018). (In Russ.)
2. Golubnichenko M.V. To the Question of Preferential Tax Treatment for Small Businesses in Saratov Region. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law. 2016; 3:315-319. DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-315-319 (In Russ.)
3. Gvarliani T.E., Vorobey E.K. [Small and medium-sized business: European experience and Russian reality]. *Terra Economicus*. 2011; 9(4-2):48-51. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/malyi-i-sredniy-biznes-evropeyskiy-opyt-i-rossiyskaya-deystvitelnost> (accessed 27.02.2018). (In Russ.)
4. Aguzarova F.S., Khidirova E.A. Trends in the development of small business in the Russian Federation. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2015; 3(3):407-410. Available at: <http://applied-research.ru/ru/article/view?id=6555> (accessed 19.02.2018). (In Russ.)
5. Fedolyak V.S. Regions self-development as way of realization of economic potential. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law. 2017; 17(4):428-433. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-428-433 (In Russ.)
6. Zhverantseva M.S. Reforming the tax system in crisis and post-crisis period. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law. 2017; 2:192-196. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-2-192-196 (In Russ.)
7. Solovyova E.A. Firm as the Research Object in the Theory of Information Economy. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* = Izvestiya Of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law. 2017; 1:26-31. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-26-31 (In Russ.)

8. Annenkova A.A., Ostroukhova D.K. Regulatory impact on small entrepreneurship: comparative assessment of Russia and China. *Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*. 2017; 11(71):10-15. DOI: 10.18551/rjoas.2017-11.01 (In Russ.)

9. Zatsarinnaya E.I., Prodanova N.A. Small business taxation with the single tax on imputed income. *Torgovo-ekonomicheskij zhurnal = Russian Journal of Retail Management*. 2015; 2(2):111-120. DOI: 10.18334/tezh.2.2.571 (In Russ.)

10. Rin M.D., Giacomo M.D., Sembenelli A. Entrepreneurship, firm entry, and the taxation of corporate income: Evidence from Europe. *Journal of Public Economics*. 2011; 95(9-10):1048-1066. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2010.06.010

11. Iordachi V., Tirlea M.R. Use of presumptive taxation in facilitating small business tax compliance. *Economie si sociologie: revista teoretico-stiintifica*. 2016; 3:11-19. Available at: <https://ince.md/ro/complexul-editorial/publicacii-periodice/reviste-tiinifice/economie-si-sociologie-2/economie-si-sociologie-2-2016/journal-number-3rd-2016/967-use-of-presumptive-taxation-in-facilitating-small-business-tax-compliance.html> (accessed 05.04.2018).

12. Bergner S.M., Heckemeyer J.H. Simplified tax accounting and the choice of legal form. *European Accounting Review*. 2017; 26(3):581-601. DOI: 10.1080/09638180.2016.1264881

13. Kurochkina N.V., Padyganov A.V. An analysis of the practice of application of the simplified system of taxation by small businesses in the Commonwealth of Independent States. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*. 2016; 29(311):38-48. Available at: <http://www.fin-izdat.ru/journal/fa/detail.php?ID=69403> (accessed 27.02.2018). (In Russ.)

14. Timoshenko V.A., Titova O.A. On improvement of taxation of small and medium business. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*. 2016; 1:55-62. DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-55-62 (In Russ.)

15. Shestakova E.V. Problems of regional taxation differentiation in the small business sphere in the Russian Federation. *Nalogi = Taxes*. 2016; 5:36-41. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26556395> (accessed 27.02.2018). (In Russ.)

16. Bogdanova M.M., Noskova O.G. Overview of amendments and changes made to the legislative acts of the Russian Federation on development of small businesses. *Finansovyyj biznes = Financial business*. 2016; 4:59-63. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26570154> (accessed: 27.02.2018). (In Russ.)

Submitted 21.02.2018; accepted for publication 03.04.2018; published online 29.06.2018.

About the authors:

Natalia A. Filippova, Professor of Department of Finance and Credit, National Research Ogarev Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Dr.Sci. (Economics), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5369-4024>, nata.filippova.54@mail.ru

Olga Yu. Sheludyakova, Postgraduate of Department of Finance and Credit, National Research Ogarev Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2860-1871>, sozolga@yandex.ru

Contribution of the authors:

Natalia A. Filippova – academic advising; development of methods; critical analysis and revision of the text of the article.

Olga Yu. Sheludyakova – visualization and presentation of the data in the text of the article; computer work; writing the initial version of the text of the article; formalized data analysis; study of the concept.

For citation: Filippova N.A., Sheludyakova O.Yu. Assessment of the Current State of Taxation of Small and Medium-Sized Businesses in the Republic of Mordovia: the Case Study of the Simplified Taxation System. *Regionologiya = Regionology*. 2018; 27(2):256-277. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.256-277

All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Халяльный маркетинг в поликультурном регионе

Н. В. Рычкова¹ Г. Р. Столярова² С. Ю. Рычков^{3*} Ж. Б. Шакнис⁴

¹ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (г. Казань, Россия)

²ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, Россия)

³ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова» (г. Казань, Россия),
*rychkovkazan@rambler.ru

⁴Институт истории Литвы (г. Вильнюс, Литовская Республика)

Введение. Халяль-рынок динамично развивается, перспективен, слабо исследован. Его потенциал в поликонфессиональном Татарстане связывают с растущим спросом на товары и услуги по канонам ислама, что стимулирует маркетинговую деятельность. Актуальность статьи заключается в необходимости научного осмысления маркетинговых аспектов деятельности субъектов стремительно развивающегося рынка продукции халяль. Цель статьи – на примере Республики Татарстан оценить состояние маркетинга на нескольких сегментах регионального рынка продукции халяль.

Материалы и методы. В ходе исследования применялись методы сравнения, анализа и синтеза; в качестве примеров использовались интернет-ресурсы и полевые материалы авторов.

Результаты исследования. Перечислены экономические и социокультурные условия развития индустрии халяль. Доказано, что популярность и перспективы развития тренда делают его привлекательным для бизнеса и обуславливают расширение сфер и форм применения маркетинговых инструментов для продвижения на рынке. Проанализирован мировой опыт развития халяль-индустрии, выявлены проблемы халяльного рынка, появление которых было вызвано имеющейся практикой применения маркетинговых инструментов. Сформулированы рамочные предложения о необходимости координации усилий государства и мусульманского сообщества в сфере защиты интересов

© Рычкова Н. В., Столярова Г. Р., Рычков С. Ю., Шакнис Ж. Б., 2018

потребителей продукции халяль, о централизации процедур сертификации халяльной продукции со стороны мусульманских организаций.

Обсуждение и заключения. Практическую значимость имеют выводы авторов о необходимости усиления взаимодействия государства и религиозных организаций в области контроля качества продукции халяль, а также предложения относительно внимательного изучения соответствующего опыта Литвы. Перспективы исследования связаны с углублением научного погружения в стабильно растущую практику маркетинга на рынке халяльной продукции. Статья будет полезна менеджерам фирм – субъектов халяльного рынка; специалистам по сертификации продукции в соответствии со стандартом «Халяль»; государственным и муниципальным служащим, ответственным за сферу регулирования потребительского рынка; ученым, занимающимся исследованиями исламской экономики.

Ключевые слова: халяльный маркетинг, индустрия халяль, мусульмане, стандарт «Халяль», Республика Татарстан

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-01-00285 «Религиозные детерминанты в культуре питания (на примере татар и таджиков г. Казани)».

Halal Marketing in a Multicultural Region

N. V. Rychkova^a, G. R. Stolyarova^b, S. Yu. Rychkov^c, Ž. B. Šaknys^d

^a Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia)

^b Kazan (Volga) Federal University (Kazan, Russia)

^c Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia),
*rychkovkazan@rambler.ru

^d Lithuanian Institute of History (Vilnius, Lithuania)

Introduction. While Halal market is a dynamically developing and promising one, it has not been sufficiently studied. Its potential in the multi-confessional Republic of Tatarstan is associated with the growing demand for goods and services that are in accordance with the canons of Islam, which stimulates marketing activities. The article is of particular relevance as it is essential to have better scientific understanding of marketing aspects of the rapidly developing Halal products market. The goal of the article is to assess the state of marketing in several segments of a regional market of Halal products using the case of the Republic of Tatarstan.

Materials and Methods. The research applied the methods of comparison, analysis and synthesis; Internet resources and the authors' field materials were used as examples.

Results. Economic, social and cultural conditions for the development of Halal industry are listed. It is proved that the popularity and development prospects of the trend make it very attractive for business and cause the expansion of areas and forms of application of marketing tools to promote it on the market. The international experience of Halal industry development is analyzed, the problems of Halal market, the emergence of which was caused by the existing practice of marketing tools application, are revealed. Formulated are the framework proposals concerning the need to coordinate the efforts of the state and the Muslim community in the field of protection of the interests of consumers of Halal products as well as those regarding the centralization of procedures for certification of Halal products by Muslim organizations.

Discussion and Conclusions. The authors' conclusions on the need to strengthen cooperation between the state and religious organizations in the field of quality control of Halal products, as well as proposals for a careful study of the relevant experience of Lithuania, have practical significance. The prospects of the research are in more thorough scientific examination of the steadily growing Halal products marketing practice. The article will be useful for managers of companies which are part of the Halal market, for specialists in certification of products in accordance with the standard of "Halal", for government and municipal officials responsible for the regulation of the consumer market as well as for scientists engaged in studies of the Islamic economy.

Keywords: Halal marketing, Halal industry, Muslims, standard of "Halal", Republic of Tatarstan

Acknowledgments. The article has been prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 16-01-00285 "Religious Determinants in the Culture of Nutrition (the Case Study of the Tatars and Tajiks Living in the City of Kazan)".

Введение. В современной России, где доля мусульман в населении весьма заметна, актуализируются различные сегменты исследовательского поля, связанные с проявлениями канонов ислама в жизнедеятельности людей. Применительно к экономической среде одним из важнейших вопросов является изучение халяльной индустрии, ее создания и развития как приоритетного сектора исламской экономики. Рынок халяль является предметом теоретического и научно-практического интереса по ряду оснований. Как любое культурно-обоснованное явление, халяль-индустрия нуждается в теоретическом осмыслении ее места и роли не только в исламской экономической среде, но и в общественном развитии в целом, выявлении предпосылок, взаимосвязей и динамических тенденций. Практический смысл подобных исследований заключается в большом потенциале, перспективах и возможностях развития самого феномена. Согласно российскому опыту последних десятилетий, перспективы халяльного рынка связаны с растущим спросом на товары и услуги по канонам ислама.

Потребительские группы, заинтересованные в халяльном рынке, формируются не только среди мусульман, но и среди представителей иных конфессиональных групп (в том числе неверующих) в связи с растущими ориентациями на здоровый образ жизни. Исследователями не раз отмечалось, что продукция халяль часто выступает синонимом экологически чистых продуктов, которым можно доверять¹.

Цель статьи – выявить проблемы сферы халяльного маркетинга на стадии его рождения в поликультурном регионе (основная экспери-

¹ Кадерова: «халяльная продукция завоевывает популярность в России». URL: <https://ru.sputniknews-uz.com/analytics/20151216/1337880.html> (дата обращения: 15.01.2018).

ментальная площадка – Республика Татарстан). В понимании авторов термин «халяльный маркетинг» синонимичен понятиям «маркетинг халяльной продукции», «маркетинг на рынке халяль индустрии». Масштаб и возможности халяльного рынка при формальном, статистическом анализе потенциальных потребителей вселяет уверенность в его перспективности. Однако содержательный анализ показывает наличие проблем в области формирования спроса и стимулирования сбыта халяльных товаров и услуг.

Обзор литературы. Проблематика научных публикаций достаточно разнообразна. Ученые рассматривают этико-правовые основы исламского бизнеса во взаимодействии с законами реального рынка [1]. Одна часть авторов исследует серьезный потенциал халяльных продуктов на различных потребительских рынках – банковских услуг [2–4], туризма [5], гостиничного бизнеса². В фокусе внимания других ученых находятся перспективы рынка халяльных пищевых продуктов³ [6; 7], в том числе и в Республике Татарстан [8; 9]. Получает развитие и идея о потреблении продукции, сертифицированной в соответствии со стандартом «Халяль», не только в силу конфессиональной приверженности, но и по причине ее соответствия все более распространяемым среди покупателей нормам здорового образа жизни⁴ [10]. Применительно к рынку продуктов питания эти нормы направлены на потребление пищи, произведенной из качественного сырья, без использования генно-модифицированного сырья, различных ферментов, пищевых добавок и пр. Растущий научный интерес вызывает проблематика постановки системы сертификации халяльной продукции на постсоветском пространстве [11; 12].

Публикаций непосредственно по маркетингу халяльной продукции у отечественных исследователей немного⁵ [13]. В основном данная тематика с выраженными концептуальным и инструментальным фокусами представлена зарубежными учеными. Абсолютное большин-

² Мальцева В. М., Тырина Т. Г. Программы персонализации в индустрии гостеприимства: Гостиницы по шариату // Актуальные проблемы науки: от теории к практике: материалы IV Всероссий. науч.-практ. конф. М., 2016. С. 27–33.

³ Проценко Н. Российский халяль: между ростом и профанацией [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/06/14/rossiyskiy-halyal-mezhdu-rostom-i-profanasiey> (дата обращения: 22.01.2018); Дашковский И. Конфессиональный маркетинг [Электронный ресурс] // Коммерсант Деньги. № 29 от 25.07.2016. С. 23. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3036715> (дата обращения: 28.01.2018); Мальшева О. Маркетинг или религия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eg.ru/daily/melochi/53853> (дата обращения: 22.01.2018).

⁴ Загоровская В. Халяль на экспорт // Птицепром. 2015. № 2 (26). С. 11–14. URL: <http://sfera.fm/editions/sfera/pticeprom/20> (дата обращения: 22.01.2018).

⁵ Мальцева В. М., Тырина Т. Г. Программы персонализации в индустрии гостеприимства...

ство авторов базируются на результатах исследований, проведенных в странах с преимущественно или быстрорастущим мусульманским населением [14–16]; многие из них отмечают близость концепций «зеленого», вегетарианского и халяльного маркетинга [17–19].

Научная новизна данной статьи состоит во впервые предпринимаемой авторами попытке оценить социально-культурные и экономические условия и сделать краткий обзор маркетинговой среды халяльного бизнеса на нескольких сегментах регионального (Республика Татарстан) потребительского рынка – продуктов питания, гостиничного бизнеса, медицинских услуг, кафе и ресторанов.

Основные трудности при разработке данной темы связаны с тем, что становление халяльного маркетинга в Республике Татарстан находится на начальном этапе и практика применения его инструментов недостаточна для проведения глубокого научного анализа. Сложности добавляют ограниченность числа научных публикаций и политизированность темы.

Материалы и методы. При написании статьи в рамках системного подхода использовались сравнительный метод, а также анализ и синтез. В процессе сбора информации применялись традиционный и контент-анализ документов (сайтов, интегрирующих информацию о хозяйственной деятельности субъектов различных сегментов рынка продукции халяль, портала «Духовное управление мусульман Республики Татарстан» и других интернет-источников), анализ данных государственной статистики, опрос в форме интервью.

Этноконфессиональный профиль потребителей халяль-рынка столицы Татарстана, формирующих спрос, выглядит следующим образом. В Казани проживают представители различных национальностей и вероисповедания (115 этнических групп). Ведущими (по численности верующих) религиозными общинами являются православная и мусульманская. Согласно переписи населения 2010 г., доля мусульманских групп приближается к 50 %⁶. По данным этносоциологических исследований, в Республике Татарстан отмечается динамика роста религиозного сознания, конфессиональной идентичности и конфессиональной солидарности татар. К началу 2010-х гг. верующими самоопределились около 84 % респондентов, из них около 93 % – как мусульмане. Чуть больше половины из них являются практикующими верующими, доля строго выполняющих предписания ислама составила в 2011–2012 гг. не более 6–8 %. Р. Н. Мусина, комментируя эту ситуацию, отмечает, что религиозное

⁶ Итоги Всероссийской переписи населения 2010. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Казань, 2013. С. 5–6. Подсчитано нами.

поведение чаще характеризуется эпизодическими приобщениями к повседневным религиозным практикам, выполнением религиозных обрядов семейного цикла, участием в религиозных праздниках⁷. Эту картину подтверждают данные этносоциологического опроса среди татар, проведенного нами в 2016–2017 гг. в г. Казани.

Результаты исследования. Сегодня можно выделить несколько сегментов халяльного рынка, которые мы условно назовем следующим образом: «продукты питания», «медицинские услуги», «гостиничный бизнес», «индустрия красоты (косметология)». Если первый сегмент достаточно энергично развивается в Татарстане, то остальные относительно него находятся на стадии становления.

Сегмент продуктов питания представлен товарами фирм, предлагающих потребителям мясо и мясопродукты, кондитерские изделия, молоко⁸. Основную часть данного сегмента составляют услуги общепита. В наши дни кафе и рестораны Казани и других городов и районов Татарстана предлагают своим клиентам разнообразную продукцию халяль – супы, роллы и суши, лапшу,пельмени, пиццу, салаты и закуску, десерты, фастфуд и др. Отметим также весьма активную деятельность этих субъектов бизнеса по продвижению в сети Интернет: некоторые организации сотрудничают с местными ресторанами и кафе и предлагают услуги по доставке продуктов халяль.

По данным портала HalalGuide, существуют три уровня доверия ресторанам/кафе халяль, определяемые контролерами уполномоченного органа:

– заведение сертифицировано (зеленый уровень) – высший уровень доверия – в эту категорию попадают только те заведения, которые прошли процедуру проверки и получили сертификат уполномоченного органа (2 ресторана и 24 кафе);

– заведение халяль (желтый уровень) – кафе и рестораны этой категории отвечают стандартам халяль, используют в своей работе качественное сырье, но их деятельность не сертифицирована соответствующим органом. Как правило, у них есть в наличии сертификаты «Халяль» от поставщиков мяса и других продуктов (3 ресторана и 111 кафе);

– заведение частично халяль (красный уровень) – в этой категории объединены кафе и рестораны, блюда которых соответству-

⁷ Мусина Р. Н. Этноконфессиональная ситуация в Республике Татарстан: акторы и факторы // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 257–262; Она же. Особенности этноконфессиональной ситуации в постсоветском Татарстане // Россия – Тюмень: векторы евразийского развития. Тюмень, 2015. С. 154–159.

⁸ Продуктовые магазины (халяль) в г. Казань [Электронный ресурс]. URL: <https://halalguide.me/kazan/produktoviy-magazin> (дата обращения: 15.01.2018).

ют требованиям и готовятся из халяльного сырья. Однако наряду с дозволенным меню здесь подается спиртное и кальяны (1 ресторан и 4 кафе)⁹.

Халяль индустрия в сфере питания очень разнообразна. Так, в феврале 2014 г. в Казани функционировало 65 заведений с халяльным меню¹⁰. Через 4 года, по нашим подсчетам, их стало 145. Аналогичную процедуру попадания на сайт HalalGuide с дальнейшими маркетинговыми действиями, прежде всего рекламного характера, проходят подразделения общепита отелей.

Переходя к краткой характеристике гостиничного сегмента индустрии халяля, обозначим ее основные нормы:

- в гостиничных номерах нет украшений интерьера в виде портретов или картин с изображением животных;
- в мини-баре отсутствует алкоголь;
- меню гостиничного ресторана не содержит алкоголь, свинину и т. д.;
- клиенту при заселении предоставляется набор с моельными четками, тубейка (для мужчин) или платок (для женщин), Коран, коврик для молитв;
- в номере обязательно находится кувшин для ритуального омовения;
- обслуживающий персонал одет в мусульманском стиле: девушки в платках и длинных платьях;
- в отеле предусмотрена отдельная комната для коллективных молитв.

В Казани отельная халяль индустрия представлена семью отелями, все они имеют «зеленый уровень» сертификации¹¹. Как правило, в таких гостиницах выделяется специальная зона (этаж, секция), оборудованная соответствующим образом: например, отдельными мужскими и женскими душевыми кабинками. Важно отметить, что в своей рекламе отели, предлагающие услуги халяля, в первую очередь делают акцент не на этот аспект, а на традиционные атрибуты качественного гостиничного сервиса.

Рынок медицинских услуг относится к тем секторам индустрии халяля, которые переживают лишь начальный этап своего жизненного цикла. Вот перечень основных исламских законов, или главных принципов халяльности, в медицине:

⁹ HalalGuide – мусульманский халяль справочник г. Казань [Электронный ресурс]. URL: <https://halalguide.me/kazan> (дата обращения: 16.01.2018).

¹⁰ МУП предоставил список образовательных учреждений г. Казани, где меню является «Халяль» [Электронный ресурс]. URL: <http://halalrt.com/newslist?i=3006> (дата обращения: 15.01.2018).

¹¹ Халяль отели, hostels в Казани [Электронный ресурс]. URL: <http://halalguide.me/kazan/otel> (дата обращения: 15.01.2018).

– лекарственные препараты не должны содержать вещества, запрещенные для употребления в пищу. Исключение составляют ситуации, когда не существует замены данному препарату либо состояние пациента сильно ухудшается без приема данного лекарства;

– правило разделения полов: женщине-мусульманке следует лечиться у врачей-женщин, мужчине – у врачей-мужчин. Допускается обращаться к врачам противоположного пола в следующих ситуациях: в местности отсутствует врач одного пола с пациентом; врач доступен, но он заведомо худший специалист, чем врач противоположного пола;

– соблюдение гаурата¹² при обследовании, как в поликлинике, так и в стационаре;

– халяльное питание, в том числе в период лечения;

– соблюдение ритуальной практики мусульманина (омовение, намаз, пост);

– захоронение органов и тканей человека. Это правило касается и действий медицинских работников.

Медицинская индустрия халяля в Казани представлена 15 субъектами бизнеса, из которых четыре – стоматологические клиники, а два оказывают преимущественно косметологические услуги. Результаты оценки маркетингового контекста деятельности данных организаций подтверждают наш вывод об относительной неразвитости данного сегмента рынка услуг халяля.

Косметологический сегмент, куда мы относим и парикмахерские, представлен 13 субъектами бизнеса. В их деятельности также соблюдаются базисные каноны ислама: использование только халяльных ингредиентов при изготовлении косметических препаратов, отдельное обслуживание мужчин и женщин и др.

При централизованной религиозной организации – Духовном управлении мусульман Республики Татарстан – действует Комитет по стандарту «Халяль»¹³. Эта организация выполняет роль конфессионального контролера развивающейся халяль-индустрии. На ее сайте можно найти информацию о процедуре сертификации предприятий, реестре сертифицированных предприятий, контролерах Комитета, а также задать интересующие вопросы. Здесь уместно провести аналогию с ролью органов государственного регулирования маркетинговой деятельности производителей и продавцов всей продукции, как не относящейся к категории халяля, так и входящей в нее.

¹² Гаурат – часть тела, которую необходимо покрывать одеянием.

¹³ Комитет по стандарту «Халяль» Республики Татарстан [Электронный ресурс]. URL: <http://halalrt.com> (дата обращения: 16.01.2018).

Сегодня специалисты активно исследуют результаты формирования и развития халяльного рынка¹⁴. На основе анализа маркетинговых нарративов обозначим круг проблем халяльной индустрии, которые можно решать, по мнению участников рынка, инструментами халяльного маркетинга.

1. Конкуренция на рынке халяль-продуктов возрастает. Участники этого рынка используют разные приемы конкурентных войн.

2. Выдача халяль-сертификатов стала прибыльным делом и в отдельных случаях превращается в бизнес. Маркировка «халяль» стала использоваться в маркетинговых целях.

3. Рынок халяль рассматривается производителями как перспективный, привлекательный, прибыльный (по некоторым позициям халяль-продукты дороже других аналогичных на 30–40 %). Часто трудно сохранить баланс между удовлетворением потребностей мусульман и получением прибыли.

4. Недобросовестное использование производителями маркировки «халяль». Появился термин «халяль с харамной начинкой».

5. Информация о прохождении процедуры сертификации, содержащаяся в Сети, не совпадает с соответствующей информацией на сайте Духовного управления мусульман Республики Татарстан.

6. «Халяль» становится модным рыночным трендом, источником прибыли для компаний, перспективной рыночной нишей.

Появление большинства проблем связано с правовыми и этическими аспектами взаимодействия потребителей и производителей халяльных товаров и услуг в маркетинговом пространстве. Халяльный бизнес в Татарстане развивается в уже сформировавшейся рыночной среде с определенной предпринимательской культурой, типом управленческого мышления, стереотипами экономического поведения. Целевые ориентации предпринимателей, бизнесменов, руководителей связаны с достижением высокой прибыльности бизнеса, увеличением товарооборота или активов компаний, повышением стоимости

¹⁴ Мальцев В. Как развивается исламская экономика в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.islam.ru/content/economica/48148> (дата обращения: 12.01.2018); Он же. Бизнес на вере: как развивается шариатская экономика в России [Электронный ресурс]. URL: http://life.ru/t/%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D1%8F/892948/biznes_na_vere_kak_razvivaetsia_shariatskaia_ekonomika_v_rossii (дата обращения: 28.01.2018); Проценко Н. Российский халяль: между ростом и профанацией [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/06/14/rossiyskiy-halyal-mezhdu-rostom-i-profanasiey> (дата обращения: 22.12.2017); Дашковский И. Конфессиональный маркетинг // Коммерсант Деньги. № 29 от 25.07.2016. С. 23. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3036715> (дата обращения: 28.01.2018); Малышева О. Маркетинг или религия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eg.ru/daily/melochi/53853/> (дата обращения: 22.01.2018).

акционерного капитала, формированием лояльности покупателей и т. д. Для достижения целей сегодня реализуются концепции таких видов маркетинга, как пассивный, активный, дикий, традиционный, латеральный и т. д. Все активнее применяются технологии провокационного, вирусного, партизанского, игрового, мобильного и другого маркетинга, которые противоречат этическим принципам поведения [20]. Одним из ярких примеров недобросовестного, неэтичного поведения производителей и продавцов является использование маркировки «халяль» на рынке алкогольных товаров¹⁵. По мнению отдельных исследователей, намечается тенденция снижения уровня доверия потребителей к товарам и маркировкам «халяль» [7]. Впрочем, мнения самих потребителей неоднозначны. Так, во время сбора полевых материалов были получены подобные высказывания: «Я не очень переживаю, если меня обманут с продуктом халяль. Мулла говорит, в таком случае это не мой грех, а грех того человека, кто допустил обман»¹⁶.

В рамках данной статьи интересен опыт Литвы в области сертификации национальных, в частности татарских, продуктов. Литовские татары представлены выходцами из Золотой Орды, Казани и Крымского ханства, переселившимися на территорию Великого княжества Литовского в конце XIV–XVI вв. По переписи населения 2011 г. в Литве проживало около 2 800 татар (0,09 % населения). После нескольких столетий социальной и культурной трансформации, под воздействием процессов интеграции, ассимиляции и аккультурации, литовские татары в новейшие времена создали единую диаспору, как локальные этнические общины они продолжают существовать в Литве, Беларуси и Польше и стремятся сохранить этническую и культурную самобытность [21].

Сегодня на территории Литвы находятся четыре действующие мечети – в Каунасе, Немежисе, Райжай и дер. Сорок Татар, а также несколько молельных домов. При мечетях созданы и действуют воскресные школы, в которых татарские дети имеют возможность познакомиться не только с основами религии, но также с татарской историей, культурой и языком¹⁷.

По словам С. Кричинского, в 1938 г. написавшего обзор этнографии и истории литовских татар, в конце 1930-х гг. в диаспоре соблюдались традиционные нормы ислама при употреблении пищи во время месяца

¹⁵ Халяльная водка вызвала культурный шок у мусульман [Электронный ресурс]. URL: <http://www.islamnews.ru/news-509868.html> (дата обращения: 08.01.2018).

¹⁶ Полевые материалы Г. Р. Столяровой. г. Казань, Республика Татарстан. 2017 г.

¹⁷ Мишкинене Г. Литовские татары. Историко-этнографический очерк [Электронный ресурс]. URL: http://www.vilnius.skytel.lt/story_t.html (дата обращения: 03.02.2018).

Рамадана, а также полный запрет на употребление в пищу свинины¹⁸. В начале XXI в., после почти полувековой политики атеизма (1940–1941, 1945–1990 гг.), многие традиции удалось сохранить. Результаты полевых исследований свидетельствуют о соблюдении литовскими татарами как общих, так и пищевых коранических поведенческих норм [22, с. 71], а также поста во время Рамадана¹⁹.

Через муфтият Литвы и религиозные общины проводится халяль контроль продуктов системы общественного питания²⁰. В 2007 г. Сейм Литвы принял закон о национальных продуктах (о национальном наследии). Община литовских татар сертифицировала уже 9 блюд как продукты национального наследия²¹. Сертификацию проводит Министерство сельского хозяйства Литвы, в качестве экспертов привлекаются ученые и сотрудники музеев, которые сотрудничают с общинами этнических меньшинств.

Опыт Литвы интересен сосуществованием систем государственной и конфессиональной сертификации, причем государственная сертификация подразумевает акцент на культурное национальное наследие национальных меньшинств помимо традиционного контроля качества всей пищевой продукции.

Республика Татарстан в наши дни активно продвигает себя в качестве межрегиональной, общероссийской и даже международной площадки для продвижения продукции с маркировкой «халяль». В рамках ежегодно проводящегося в столице республики Международного экономического российско-исламского форума KazanSummit организуется специальная секция по обсуждению проблем развития халяльной индустрии, проводится выставка-продажа сертифицированной по стандарту «Халяль» продукции. В региональных электронных СМИ все энергичнее рекламируются интернет-технологии с функцией сервиса «Халяль» для облегчения интеграции производителей и потребителей²².

Целью покупательского поведения является удовлетворение своих разнообразных желаний, запросов, потребностей. Современные маркетинговые технологии направлены на то, чтобы «вскрыть черный ящик потребительского сознания», привлечь потребителя

¹⁸ Kričinskis S. Lietuvos totoriai. Vertė iš lenkų k. T. Bairašauskaitė. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. Pp. 157–158.

¹⁹ Полевые материалы Ж. Б. Шахниса. Дер. Немежис, Литовская Республика. 2018 г.

²⁰ Там же.

²¹ Lietuvos tautinis paveldas. Tautinio paveldo produktai [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tautinispaveldas.lt/paieska?amatas=26&rajonas=15> (дата обращения: 25.02.2018).

²² BEGETON – сервис с функцией «Халяль» для бизнеса и его клиентов [Электронный ресурс]. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/371343?utm_source=important_box_week (дата обращения: 16.02.2018).

и удержать его. При этом отмечается низкая эффективность традиционных маркетинговых инструментов. Для успешной рыночной деятельности представители бизнеса сталкиваются с необходимостью учитывать факторы, влияющие на поведение потребителей, формирующие определенную модель поведения: культура, религия, ресурсы и т. д. С другой стороны, ситуация, в которой реализуются потребительские практики, влияет на систему потребительских ценностей, образ жизни, потребительскую культуру, в том числе и культуру питания.

Обсуждение и заключения. Халяльный маркетинг призван воздействовать на спрос. Первая его задача – оказывать воздействие на продавца с целью изменения его психологии, краеугольным камнем которой является концепция «покупатель – повелитель рынка». Речь идет о маркетинговых инструментах воздействия на потребителей. Будут ли они базироваться на принципах исламской культуры питания? Какие элементы этикета приема пищи будут положены в рекламные сюжеты? Как татары-мусульмане будут реагировать на содержательные элементы мероприятий по формированию спроса и стимулированию сбыта халяль-продуктов? Результаты авторского пилотного исследования позволили сделать вывод, что религиозная детерминанта является далеко не решающим фактором гастрономического поведения татар г. Казани. Все вышесказанное свидетельствует о необходимости научно обоснованного подхода к определению уровня, характера, структуры спроса на продукты халяль-индустрии для вопросов регулирования процессов формирования исламской экономической среды в Татарстане.

На взгляд авторов, назрела необходимость централизации процедуры сертификации товаров и услуг на соответствие стандарту «Халяль» со стороны мусульманского сообщества, а также взвешенной и продуманной координации усилий органов государственной власти и мусульманских организаций в сфере защиты прав потребителей в секторе исламской экономики. Формами этой координации могли бы стать обмен информацией по регулированию рынка и соответствию качества продукции существующим государственным и религиозным нормам; расширение сферы совместных мероприятий, направленное на продвижение халяльной продукции. Результатом этих усилий будет более полное удовлетворение интересов потребителей, что находится в полном соответствии с парадигмой маркетинга.

Перспективы дальнейших исследований темы предопределены тенденцией роста индустрии халяль. Необходимы скрупулезный мониторинг и системный анализ практики применения маркетинговых средств на рынке халяльной продукции; изучение мирового

и российского опыта сертификации в соответствии со стандартами «халяль»; научный анализ причин недобросовестного использования марки «халяль» отдельными предпринимателями и обоснование эффективности честного халяльного бизнеса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Калимуллина М. Э. Институциональные особенности исламского бизнеса и современная деловая практика: эффект финансовой колеи // Вестник Финансовой академии. 2010. № 6. С. 71–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-osobennosti-islamskogo-biznesa-i-sovremennaya-delovaya-praktika-effekt-finansovoy-kolei> (дата обращения: 22.01.2018).
2. Калимуллина М. Э. Социокультурные факторы в национальной модели экономики России (на основе социологического исследования по исламской экономике и финансам среди населения России и стран СНГ) // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2010. № 2 (42). С. 13–20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15206490> (дата обращения: 22.01.2018).
3. Ишмухаметов Н. С. О развитии исламских финансов в регионе и их роли в привлечении инвестиций // Финансы Башкортостана. 2014. № 1 (62). С. 23–28. URL: <http://fb.akforb.ru/journal/62/21> (дата обращения: 22.01.2018).
4. Каирденов С. С., Патласов О. Ю. Исламские банковские продукты: восприятие клиентов в светских государствах // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2013. № 4 (14). С. 25–33. URL: <http://journal.omg.su/archiv.php> (дата обращения: 22.01.2018).
5. Гусенова Д. А., Алиханова З.-Б. Т. Духовность, туризм и паломничество в исламе // Исламоведение. 2014. № 1. С. 45–53. URL: <http://islam.dgu.ru/archive.aspx?idS=373> (дата обращения: 22.01.2018).
6. Давыдова Р. Халяль движет рынком // Мясные технологии. 2012. № 8 (116). С. 36–41. URL: <http://www.meatbranch.com/magazine/archive/viewdoc/2012/8/1980.html> (дата обращения: 22.01.2018).
7. Кадрова В. А. Особенности поведения потребителей культурно обусловленных товаров: роль потребительского доверия в принятии решения о покупке // Инициативы XXI века. 2013. № 4. С. 70–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21153101> (дата обращения: 22.01.2018).
8. Габдрахманова Г. Ф. Формирование рынка халяль-продуктов в современной России на примере Татарстана // Россия и мусульманский мир. 2011. № 7. С. 36–46. URL: <https://www.litres.ru/valentina-schensnovich/rossiya-i-musulmanskij-mir-7-2011/chitat-onlayn/page-4/> (дата обращения: 22.01.2018).
9. Габдрахманова Г. Ф. Современный рынок мясных халяль-продуктов у татар // Этнографическое обозрение. 2011. № 1. С. 37–47. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15637042> (дата обращения: 22.01.2018).

10. Цикуниб С. М., Дубинина М. А. Современные тенденции развития рынка конфессиональных продуктов // Сфера услуг: Инновации и качество. 2017. № 29. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29438793> (дата обращения: 22.01.2018).
11. Богдан В. В., Кирикова А. А. Халяльная (адальная) продукция: Нормативное регулирование «религиозной» сертификации на потребительском рынке России и Казахстана: новации защиты прав потребителей в 2014–2015 гг. // Право и политика. 2016. № 1. С. 67–70. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.1.16169
12. Safiullin L. N., Galiullina G. K., Shabanova L. B. State of the market production standards “Halal” in Russia and Tatarstan: Hands-on review // Academy of Marketing Studies Journal. 2016. Vol. 20, no SI. Pp. 88–95. URL: <https://www.questia.com/library/journal/1G1-500134184/state-of-the-market-production-standards-halal-in> (дата обращения: 22.01.2018).
13. Воронцова Е. А. Брендинг продукции халяль // Мясные технологии. 2012. № 8 (116). С. 32–33. URL: <http://www.meatbranch.com/magazine/archive/viewdoc/2012/8/1978.html> (дата обращения: 22.01.2018).
14. Allam A. Marketing of halal meat in the United Kingdom: Supermarkets versus local shops // British Food Journal. 2008. Vol. 110, issue 7. Pp. 655–670. DOI: 10.1108/00070700810887149
15. Akyol M., Kilinc O. Internet and Halal tourism marketing // Turkish Studies – International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. 2014. Vol. 9/8. Pp. 171–186. DOI: 10.7827/TurkishStudies.7278
16. Tieman M. The application of Halal in supply chain management: in-depth interviews // Journal of Islamic Marketing. 2011. Vol. 2, issue 2. Pp.186–195. DOI: 10.1108/17590831111139893
17. Abdul-Talib A., Abd-Razak I. Cultivating export market oriented behavior in halal marketing: Addressing the issues and challenges in going global // Journal of Islamic Marketing. 2013. Vol. 4, issue 2. Pp. 655–670. DOI: 10.1108/17590831311329304
18. Wilson J., Liu J. Shaping the Halal into a brand? // Journal of Islamic Marketing. 2010. Vol. 1, issue 2. Pp. 107–123. DOI: 10.1108/17590831011055851
19. Awan H., Siddiquei A., Haider Z. Factors affecting Halal purchase intention – evidence from Pakistan’s Halal food sector // Management Research Review. 2015. Vol. 38, issue 6. Pp. 640–660. DOI: 10.1108/MRR-01-2014-0022
20. Рычков С. Ю., Рычкова Н. В. Правовые и этические аспекты взаимодействия в маркетинговом пространстве // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16, № 6. С. 242–247. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-i-eticheskie-aspekty-vzaimodeystviya-v-marketingovom-prostranstve> (дата обращения: 22.01.2018).
21. Bairašauskaitė T. Lietuvos totoriai // Lietuvos etnologijos ir antropologijos enciklopedija. Vilnius : LII leidykla, 2011. Pp. 265–269. URL: http://www.lvb.lt/primo_library/libweb/action/dlDisplay.do?vid=LDB&docId=TLITL.IV.03~2011~1367176066840&fromSitemap=1&afterPDS=true (дата обращения: 22.01.2018).

22. Šaknys Ž. Iniciaciniai ir kalendoriniai jaunimo papročiai // Lietuvos kultūra. Dzūkijos ir Suvalkijos papročiai. Vilnius : LII leidykla, 2009. Pp. 63–110. URL: <http://www.lvby.lt/primolibrary/libweb/action/dlDisplay.do?vid=LDB&docId=TLITLIB.03~2009~1367166213670&fromSitemap=1&afterPDS=true> (дата обращения: 22.01.2018).

Поступила 05.03.2018; принята к публикации 11.04.2018; опубликована онлайн 29.06.2018.

Об авторах:

Рычкова Надежда Васильевна, доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (420018, Россия, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68), кандидат исторических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9789-4597>, Scopus ID: 56114715700, Researcher ID: M-5473-2016, nadvas2@ Rambler.ru

Столярова Гузель Рафаиловна, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории междисциплинарных инновационных и научно-практических археологических и этнологических исследований Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18), доктор исторических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5905-8686>, Scopus ID: 56530730500, Researcher ID: M-2604-2013, guzelstol@mail.ru

Рычков Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой менеджмента ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова» (420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, д. 42), кандидат исторических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1999-5258>, Scopus ID: 57188642055, Researcher ID: Q-5837-2016, rychkovkazan@ Rambler.ru

Шакнис Жильвитис Бернардас, старший научный сотрудник отдела этнологии и антропологии Института истории Литвы (LT-01108, Литовская Республика, г. Вильнюс, ул. Кражю, д. 5), доктор гуманитарных наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2594-2155>, Scopus ID: 56600820600, Researcher ID: D-6445-2018, shaknys@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Рычкова Надежда Васильевна – формулирование цели, научной новизны и практической значимости исследования; выявление и анализ проблем в сфере регионального халяльного маркетинга.

Столярова Гузель Рафаиловна – разработка методологии исследования; сбор данных и доказательств; формулирование выводов; компьютерные работы.

Рычков Сергей Юрьевич – анализ литературы и интернет-источников по проблеме исследования; характеристика сегментов халяльного рынка.

Шакнис Жильвитис Бернардас – сбор данных и доказательств; разработка литовского кейса.

Для цитирования: Халяльный маркетинг в поликультурном регионе / Н. В. Рычкова [и др.] // Регионоведение. 2018. Т. 26, № 2. С. 278–295. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.278-295

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Kalimullina M.E. [Institutional features of Islamic business and modern business practice: The effect of financial rutting]. *Vestnik Finansovoj akademii* = Bulletin of the Financial Academy. 2010; 6:71-74. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-osobennosti-islamskogo-biznesa-i-sovremennaya-delovaya-praktika-effekt-finansovoy-kolei> (accessed 22.01.2018). (In Russ.)
2. Kalimullina M.E. [Sociocultural factors in the national model of the Russian economy (based on a sociological survey on the Islamic economy and finance among the population of Russia and CIS countries)]. *Jekonomika. Predprinimatelstvo. Okruzhajushhaja sreda* = Economy. Entrepreneurship. Environment. 2010; 2(42):13-20. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15206490> (accessed 22.01.2018). (In Russ.)
3. Ishmukhametov N.S. [On the development of Islamic finance in the region and their role in attracting investment]. *Finansy Bashkortostana* = Finances of Bashkortostan. 2014; 1(062):23-28. Available at: <http://fb.akforb.ru/journal/62/21> (accessed 22.01.2018). (In Russ.)
4. Kairdenov S.S., Patlasov O.Yu. Islamic banking products: customers perception in secular states. *Nauka o cheloveke: Gumanitarnye issledovaniya* = The Science of Person: Humanitarian Researches. 2013; 4(14):25-33. Available at: <http://journal.omg.su/archiv.php> (accessed 22.01.2018). (In Russ.)
5. Gusenova D.A., Alikhanova Z.-B.T. [Spirituality, tourism and pilgrimage in Islam]. *Islamovedenie* = Islamic Studies. 2014; 1:45-53. Available at: <http://islam.dgu.ru/archive.aspx?idS=373> (accessed 22.01.2018). (In Russ.)
6. Davydova R. [Halal moves the market]. *Mjasnye tehnologii* = Meat Technology. 2012; 8(116):36-41. Available at: <http://www.meatbranch.com/magazine/archive/viewdoc/2012/8/1980.html> (accessed 22.01.2018). (In Russ.)
7. Kaderova V.A. Peculiarities of consumer behaviour of culture-based products: Role of customer trust in the purchase decision. *Iniciativy XXI veka* = Initiatives of the XXI century. 2013; 4:70-72. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21153101> (accessed 22.01.2018). (In Russ.)
8. Gabdrakhmanova G.F. [Formation of the market of Halal products in modern Russia, the case study of Tatarstan]. *Rossija i musulmanskij mir* = Russia and the Moslem World. 2011; 7:36-46. Available at: <https://www.litres.ru/valentina-schensnovich/rossiya-i-musulmanskij-mir-7-2011/chitat-onlayn/page-4/> (accessed 22.01.2018). (In Russ.)
9. Gabdrakhmanova G.F. The present day market of Halal meat products among the Tatar. *Jetnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 2011; 1:37-47. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15637042> (accessed 22.01.2018). (In Russ.)

10. Tsikunib S.M., Dubinina M.A. Modern trends in the development of the market for religious products. *Sfera uslug: Innovacii i kachestvo* = Services: Innovations and Quality. 2017; 29:11. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29438793> (accessed 22.01.2018). (In Russ.)

11. Bogdan V.V., Kirikova A.A. Statutory regulation of “religious” certification of halal products in the consumer market in Russia and Kazakhstan: Legal developments in the protection of consumer rights in 2014–2015. *Pravo i politika* = Law and Politics. 2016; 1:67-70. (In Russ.) DOI: 10.7256/1811-9018.2016.1.16169

12. Safiullin L.N., Galiullina G.K., Shabanova L.B. State of the market production standards “Halal” in Russia and Tatarstan: Hands-on review. *Academy of Marketing Studies Journal*. 2016. 20(SI):88-95. Available at: <https://www.questia.com/library/journal/1G1-500134184/state-of-the-market-production-standards-halal-in> (accessed 22.01.2018). (In Russ.)

13. Vorontsova E.A. [Halal products branding]. *Mjasnye tehnologii* = Meat Technology. 2012; 8(116):32-33. Available at: <http://www.meatbranch.com/magazine/archive/viewdoc/2012/8/1978.html> (accessed 22.01.2018). (In Russ.)

14. Allam Ah. Marketing of halal meat in the United Kingdom: Supermarkets versus local shops. *British Food Journal*. 2008; 110(7):655-670. DOI: 10.1108/0007070081088714

15. Akyol M., Kilinc O. Internet and Halal tourism marketing. *Turkish Studies – International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*. 2014. 9/8:171-186. DOI: 10.7827/TurkishStudies.7278

16. Tieman M. The application of Halal in supply chain management: In-depth interviews. *Journal of Islamic Marketing*. 2011; 2(2):186-195. DOI: 10.1108/17590831111139893

17. Abdul-Talib A., Abd-Razak I. Cultivating export market oriented behavior in halal marketing: Addressing the issues and challenges in going global. *Journal of Islamic Marketing*. 2013; 4(2):655-670. DOI: 10.1108/17590831311329304

18. Wilson J., Liu J. Shaping the Halal into a brand? *Journal of Islamic Marketing*. 2010; 1(2):107-123. DOI: 10.1108/17590831011055851

19. Awan H., Siddiquei A., Haider Z. Factors affecting Halal purchase intention – evidence from Pakistan’s Halal food sector. *Management Research Review*. 2015; 38(6):640-660. DOI: 10.1108/MRR-01-2014-0022

20. Rychkov S.Yu., Rychkova N.V. [Legal and ethical aspects of interaction in the marketing space]. *Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta* = Bulletin of Kazan Technological University. 2013; 16(6):242-247. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-i-eticheskie-aspekty-vzaimodeystviya-v-marketingovom-prostranstve> (accessed 22.01.2018). (In Russ.)

21. Bairašauskaitė T. Lietuvos totoriai. In: Lietuvos etnologijos ir antropologijos enciklopedija. Vilnius: LII leidykla; 2011. p. 265-269. Available at: http://www.lvb.lt/primu_library/libweb/action/dIDisplay.do?vid=LDB&docId=TLITLIB.03~2011~1367176066840&fromSitemap=1&afterPDS=true (accessed 22.01.2018).

22. Šaknys Ž. Iniciaciniai ir kalendoriniai jaunimo papročiai. In: Lietuvos kultūra. Dzūkijos ir Suvalkijos papročiai. Vilnius: LII leidykla; 2009. p. 63-110.

Available at: http://www.lvb.lt/primu_library/libweb/action/dIDisplay.do?vid=LDB&docId=TLITLIB.03~2009~1367166213670&fromSitemap=1&afterPDS=true (accessed 22.01.2018).

Submitted 05.03.2018; accepted for publication 11.04.2018; published online 29.06.2018.

About the authors:

Nadezhda V. Rychkova, Associate Professor of Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University (68 Karl Marx St., Kazan 420018, Russia), Ph.D. (History), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9789-4597>, Scopus ID: 56114715700, Researcher ID: M-5473-2016, nadvas2@rambler.ru

Guzel R. Stolyarova, Leading Research Worker of Research Laboratory of Interdisciplinary Innovative and Scientific-Practical Archaeological and Ethnological Research, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga) Federal University (18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia), Dr.Sci. (History), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5905-8686>, Scopus ID: 56530730500, Researcher ID: M-2604-2013, guzelstol@mail.ru

Sergey Yu. Rychkov, Head of Department of Management, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (42 Moskovskaya St., Kazan 420111, Russia), Ph.D. (History), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1999-5258>, Scopus ID: 57188642055, Researcher ID: Q-5837-2016, rychkovkazan@rambler.ru

Žilvytis B. Šaknys, Senior Research Worker of Department of Ethnology and Anthropology, Lithuanian Institute of History (5 Kražių St., Vilnius, LT-01108, Lithuania), Dr.Sci (Humanities), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2594-2155>, Scopus ID: 56600820600, Researcher ID: D-6445-2018, shaknys@gmail.com

Contribution of the authors:

Nadezhda V. Rychkova – formulation of the goal, scientific novelty and practical significance of the research; identification and analysis of problems in the field of regional Halal marketing.

Guzel R. Stolyarova – development of the research methodology; collection of data and evidence; drawing conclusions; computer work.

Sergey Yu. Rychkov – analysis of literature and Internet sources on the research problem; characterization of the segments of the Halal market.

Žilvytis B. Šaknys – data and evidence collection; Lithuanian case study development.

For citation: Rychkova N.V., Stolyarova G.R., Rychkov S.Yu., Šaknys Ž.B. Halal Marketing in a Multicultural Region. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 27(2):278-295. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.278-295

All authors have read and approved the final version of the manuscript.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ
И ТЕХНОЛОГИИ / POLITICAL INSTITUTIONS,
PROCESSES AND TECHNOLOGIES**

УДК 321.015(470+571+494)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.296-313

ISSN 2413-1407 (Online)

**Распределение властных полномочий между
центром и регионами в Российской Федерации
и Швейцарской Конфедерации**

М. И. Колыхалов

*АНО ВО «Сибирский институт международных
отношений и регионоведения» (г. Новосибирск, Россия),
maxim_kolykhalov@mail.ru*

Введение. Распределение властных полномочий между центром и регионами является определяющей задачей федеративного государства. Проблема поиска оптимального уровня разграничения предметов ведения, а также обеспеченности соответствующих полномочий бюджетными ресурсами актуальна для Российской Федерации в настоящий момент. В этой связи показателен пример Швейцарской Конфедерации как государства с богатейшей историей федерализма и актуален сравнительный анализ государственного устройства Российской Федерации и Швейцарской Конфедерации. Цель статьи – определить общие черты и особенности в сфере распределения властных полномочий между центром и регионами России и Швейцарии.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования использованы современные труды отечественных и зарубежных ученых, действующая законодательная база, регламентирующая сферу распределения властных полномочий между центром и регионами государств; применены системный, конкретно-исторический, структурно-функциональный и сравнительный исследовательские методы.

Результаты исследования. Проведен сравнительный анализ состояния распределения властных полномочий между центром и регионами в Российской Федерации и Швейцарской Конфедерации. Выявлено различие в принципах формирования федерации и особенности в области принципов разграничения, статуса регионов во взаимоотношениях с федеральным центром, видов разграничения полномочий, особенностей реализации властных полномочий на федеральном и региональном уровнях, а также специфика бюджетного федерализма.

Обсуждение и заключения. Сравнительный анализ распределения властных полномочий между центром и регионами в России и Швейцарии позволяет внести вклад в оценку текущего состояния федерализма и регионализма нашего государства. Результаты исследования могут быть использованы при изучении особенностей государственного устройства и федеративной политики Российской Федерации, а также при осмыслении и выработке новых направлений региональной политики.

© Колыхалов М. И., 2018

Ключевые слова: федеративное государство, властные полномочия, разграничение полномочий, государственное устройство, статус региона, предметы ведения региона, субсидиарность

**Distribution of Powers between the Center
and Regions in the Russian Federation and
the Swiss Confederation**

M. I. Kolykhalov

*Institute of International Relations and Regional Studies
(Novosibirsk, Russia),
maxim_kolykhalov@mail.ru*

Introduction. Distribution of powers between the Center and the regions is the primary task of a federative state. The problem of finding the optimal level of demarcation of areas of responsibility, as well as that of provision of appropriate budgetary powers, is relevant for the Russian Federation at the moment. In this regard, the example of the Swiss Confederation, which is a state with a rich history of federalism, is indicative and the comparative analysis of the state system of the Russian Federation and the Swiss Confederation in this area is relevant. The purpose of the paper is to outline the common features and peculiarities in the sphere of distribution of powers between the Center and the regions in Russia and Switzerland.

Materials and Methods. The materials used in the study were the modern works of Russian and foreign scientists, the current legislative framework governing the distribution of powers between the Center and regions of the states. The systemic, specifically-historical, structural and functional, and comparative research methods were applied.

Results. A comparative analysis of the current state of distribution of powers between the Center and the regions in the Russian Federation and the Swiss Confederation was performed. The study revealed the differences in the principles of formation of the Federation and the features of demarcation, of the status of regions in their relations with the Federal Center, of the types of demarcation of powers, of the implementation of powers at the Federal and regional levels as well as the specifics of budget federalism.

Discussion and Conclusions. A comparative analysis of the distribution of powers between the Center and regions in Russia and Switzerland allows us to contribute to the assessment of the current state of federalism and regionalism in the Russian Federation. The results of the research may be used in the study of the peculiarities of the state system and federal policies of the Russian Federation, as well as in the understanding and development of new directions of regional policies.

Keywords: federative state, powers, demarcation of powers, state structure, status of a region, areas of responsibility of a region, subsidiarity

Введение. Россия как федеративное государство предоставляет своим регионам значительный объем полномочий. Проблема поиска оптимального уровня разграничения предметов ведения, а также обеспеченности соответствующих полномочий бюджетными ресурсами важна для Российской Федерации в настоящий момент. В этой связи стоит научная проблема осмысления и оценки федеративных

отношений и распределения властных полномочий между центром и регионами России.

В процессе развития федеративных отношений в России сформировалась определенная асимметрия федеративной модели и разностатусность регионов, ярко выражено смещение полномочий и обеспеченность бюджетными ресурсами в сторону центра. Большинство региональных бюджетов дефицитны. Таким образом, современную ситуацию в региональной политике России нельзя считать оптимальной, поэтому весьма интересен и показателен пример Швейцарской Конфедерации как государства с богатейшей историей федерализма. Исторически в Швейцарии также складывалась асимметричная федеративная модель, однако современное государственное устройство отличается равным статусом регионов во взаимоотношениях с центром и основано на принципах субсидиарности и бюджетного федерализма.

В связи с этим проведение сравнительного анализа распределения властных полномочий между центром и регионами в Российской Федерации и Швейцарской Конфедерации весьма актуально и позволяет внести вклад в оценку текущего состояния федерализма и региональной политики нашего государства.

Целью данной статьи является анализ категорий, характеризующих распределение властных полномочий между центром и регионами в России и Швейцарии, а именно: принципов формирования федерации, статуса регионов во взаимоотношениях с федеральным центром, видов разграничения полномочий, особенностей реализации властных полномочий на федеральном и региональном уровнях, специфики бюджетного федерализма, для выявления общего и особенного в этой сфере в Российском и Швейцарском федерализме.

Обзор литературы. Научное осмысление формирования федеративных отношений и региональной политики государства нашло отражение в трудах Р. Г. Абдулатипова [1], М. Т. Фарукшина [2], Р. Ф. Туровского¹, Ю. М. Почты [3]. Последний отмечает, что «современная Россия как государственная структура возникла сравнительно недавно, в 1980–90-х гг. Процесс развития государства, в том числе его федеральной структуры, продолжается» [3, с. 97]. Формирование современной Российской Федерации прошло этапы от существенной децентрализации (парад суверенитетов) в начале 1990-х гг. до существенной централизации власти в начале 2000-х гг. – как ответ

¹ Туровский Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений : моногр. М. : ГУ ВШЭ, 2006.

на дезинтеграционные процессы и смену политической элиты. По мнению Р. Г. Абдулатипова, «укрепление государственной власти и управление страной важно осуществлять не только через механизмы централизации, создания без ведома субъектов Федерации целого ряда надсубъектных органов управления (федеральных округов), но и прежде всего расширением прав, обязанностей и ответственности субъектов Федерации, органов местного самоуправления. На смену принципу централизма, который усиливает механизмы унификации не только территориального устройства, но и российского многонационального сообщества, должен прийти принцип федеративной демократии с расширением местных, региональных прав, с многообразием проявления государственной и общественной жизни в стране» [1, с. 9].

В исследованиях российских ученых процессы регионализма и распределения полномочий между центром и регионами проанализированы в трудах В. А. Дергачева, Л. Б. Вардомского², Н. П. Медведева [4], Т. В. Карадже [5], Р. А. Явчуновской [6]. А. Г. Гранберга, Е. Е. Скатерщиковой, И. М. Бусыгиной, П. А. Цыганкова³. По мнению Н. П. Медведева, важнейшим условием эффективности региональной политики, проводимой государственными органами, «является четкое разграничение полномочий между всеми уровнями власти. Несмотря на существование формальной сбалансированности распределения полномочий, заложенной в Конституции Российской Федерации, достижение реального баланса в условиях трансформации российской политической системы» в сторону открытости государства – процесс достаточно длительный и чрезвычайно сложный. Учитывая мировой опыт, многие вопросы, решаемые в 1990-е гг. посредством договоров между федеральным центром и регионами, могли бы регулироваться «федеральными законами. Проблема разграничения предметов ведения и полномочий в Российской Федерации должна решаться прежде всего путем принятия федеральных законов и последующего

² Дергачев В. А. Глобалистика : учеб. пособие. М. : Юнити-Дана, 2015. 303 с.; Вардомский Л. Б. Российское порубежье в условиях глобализации : моногр. М., 2009; Дергачев В. А., Вардомский Л. Б. Регионоведение : учеб. пособие. М. : Юнити-Дана, 2015. 463 с.

³ Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза : моногр. / А. Г. Гранберг [и др.]. М., 2007; Вардомский Л. Б., Скатерщикова Е. Е. Внешнеэкономическая деятельность регионов России. М. : АРКТИ, 2002. 319 с.; Бусыгина И. М. Региональная идентичность и региональная интеграция в современном мире: исследование взаимосвязи // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2013. № 3-4 (5-6). С. 16–30; Цыганков П. А. Политическая динамика современного мира: теория и практика : моногр. М., 2014. Сер.: Библиотека факультета политологии МГУ. 576 с.

создания на этой основе региональной нормативно-правовой базы на уровне каждого субъекта Федерации» [4, с. 121].

Существенный вклад в разработку методологии исследования политических процессов, а также методологии проведения компаративных политологических исследований внесли Ю. А. Нисневич [7], Т. В. Карадже, И. А. Василенко, К. С. Гаджиев⁴.

В исследованиях зарубежных авторов анализ формирования федеративных отношений и региональной политики в Швейцарии был проведен в трудах П. Бунди, Д. Эберли, С. Буетикофер [8], Ш. Мюллера [9], Э. Брауна [10].

Следует отметить исследования ученых Института федерализма Университета Фрибурга (Швейцария) Т. Флейнера [11], Н. Шмитта [12], в которых раскрыто развитие федерализма в Швейцарской Конфедерации, а также лингвистическая политика как важный аспект взаимодействия центра и регионов. Распределение властных полномочий между центром и регионами, бюджетный федерализм Швейцарии изучены в трудах Ф. Вассерфалена [13], П. Шварца [14].

По мнению швейцарских ученых, реализация властных полномочий федеральным центром в Швейцарии, относительно других федеративных государств, имеет важные особенности. Налицо существенная децентрализация власти, а Конфедерации переданы те полномочия, которые требуют единообразного регулирования. «Федеральные органы исполнительной власти в кантонах не образуются, а функции исполнения федерального законодательства и актов Союзного совета возлагаются на органы власти кантонов» [9, с. 93].

Материалы и методы. В качестве материалов исследования использованы современные труды ведущих отечественных и зарубежных ученых в области политических наук, а также действующая законодательная база, регламентирующая данную сферу – Конституция Российской Федерации и Швейцарской Конфедерации, соответствующие федеральные законы России и Швейцарии.

В работе использованы общие и специальные виды научных методов анализа политических процессов, обусловленные спецификой объекта и предмета исследования. Нами применялись следующие научные методы:

– системный и структурно-функциональный анализ – дали возможность выявить систему и уровни распределения властных полномочий в России и Швейцарии;

⁴ Карадже Т. В. Методология исследования политического. Основные подходы и направления : моногр. М., 2013. 193 с.; Василенко И. А. Сравнительная политология : учеб. пособие для вузов. М., 2015. ; Гаджиев К. С. Сравнительная политология. М., 2016.

– конкретно-исторический анализ – позволил изучить динамику и исторические аспекты данной проблематики;

– политико-правовой анализ – способствовал изучению правовой базы России и Швейцарии в данной сфере;

– сравнительный анализ – с его помощью определено общее и особенное по ряду критериев, характеризующих объект исследования.

Результаты исследования. В Российской Федерации разграничение предметов ведения и полномочий между регионами и федеральным центром осуществляется на основе Конституции и Федеральных законов. Конституция определяет предметы ведения, находящиеся в исключительной компетенции федерации, и совместные предметы ведения.

Вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти (ст. 73 Конституции РФ).

До принятия Конституции независимой России вопросы государственного устройства регулировались Федеративным договором⁵. Республики определялись как государства в составе России, обладающие всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти на своей территории, кроме полномочий, переданных в ведение федеральных органов. Территория и статус республики в составе Российской Федерации не могли быть изменены без ее согласия⁶. Кроме того, республики становились участниками международных и внешнеэкономических отношений. Земля и ее недра, воды, растительный и животный мир являются достоянием (собственностью) народов, проживающих на территории соответствующих республик. Вопросы их использования решаются на договорной основе⁷.

В то же время остальные субъекты федеративных отношений не имели особого государственного статуса, определялись как участники международных и внешнеэкономических связей, а вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными, лесными и другими природными ресурсами регулировались законодательством Российской Федерации.

⁵ Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации (Москва, 31 марта 1992 г.) [Электронный ресурс] // Гарант : информационно-правовой портал. URL: http://base.garant.ru/170280/#block_100 (дата обращения: 11.02.2018).

⁶ Там же. Раздел III, статья 1.

⁷ Там же. Раздел III, статьи 2, 3.

Договор породил проблему асимметрии субъектов Российской Федерации, их разностатусность. Само наличие трех составляющих Федеративного договора и, как следствие, выделение трех видов субъектов России, вело к рождению проблем в области федеративных отношений⁸.

Принятая 12 декабря 1993 г. Конституция Российской Федерации должна была решить проблему асимметрии федеративных отношений. Конституция провозгласила равноправие всех субъектов федерации. Согласно ст. 5, Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации. Во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны.

По словам профессора РУДН Ю. М. Почты, различие между этими двумя принципами формирования субъектов федерации проявляется в том, что формально равные регионы фактически имеют неравные права не только внутри страны, но и в отношении международных связей. Как и другие многонациональные демократические федерации, Российская Федерация является асимметричной. Напряженность между центром и регионами (в первую очередь национальными автономиями), стремящимися получить больше прав, была важным аспектом процесса дезинтеграции СССР и формирования нового государства – Российской Федерации – в 1990–1993 гг. В результате этих процессов отношения между регионами и федеральным центром в новом государстве значительно изменились. Произошло столкновение двух позиций относительно понимания характера федерации, которым является разделение и делегирование полномочий между федерацией и регионами. Это может быть сделано на основе договоров либо конституции. В результате в России в 1990–1993 гг. появилась модель федерации, сочетающая как конституционные, так и договорные подходы [3, с. 99].

Ст. 71 Конституции определяет, что в ведении Российской Федерации находятся вопросы принятия и изменения конституции, федеративное устройство, защита прав граждан, финансы, банковская система, федеральные налоги и бюджет, энергетическая система, космос, федеральный транспорт, внешняя политика, международные отношения, вопросы войны и мира, оборона и безопасность, судопроизводство, прокуратура, метрология и статистика.

⁸ Баскаева Е. В. Роль Федеративного договора 1992 года в формировании политических и межэтнических отношений // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2014. № 13. С. 66.

В совместном управлении Российской Федерации и регионов находятся вопросы обеспечения соответствия законодательства регионов нормам Конституции РФ и федеральным законам, защита прав национальных меньшинств, природопользование, охрана окружающей среды, социальная защита, борьба со стихийными бедствиями, административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах и охране окружающей среды, адвокатура и нотариат, организация системы органов государственной власти региона и местного самоуправления, координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, выполнение международных договоров Российской Федерации (ст. 72 Конституции РФ).

Ч. 5 ст. 76 Конституции определяет, что законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам. В случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон.

Порядок формирования органов власти и принятия законодательства регионов определяют федеральные законы, основные из них: Федеральный закон «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» (ФЗ № 119 от 24 июня 1999 г.) и Федеральный закон «Об общих принципах организаций законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (ФЗ № 184 от 6 октября 1999 г.).

В Федеральном законе № 184-ФЗ прописаны 72 полномочия органов государственной власти субъекта РФ по предметам совместного ведения, осуществляемым этими органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта (за исключением субвенций из федерального бюджета), и 31 вид региональной собственности, подробно определяется система органов государственной власти, экономическая, бюджетно-финансовая, социальная и организационная основы их деятельности. При этом практически остаются без внимания собственные полномочия субъектов РФ⁹.

⁹ Тхабисимов Х. А. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов Федерации как конституционный принцип российского федерализма // Конституция Российской Федерации: 20 лет спустя : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 2014. С. 80.

В сфере налогообложения значительные полномочия имеет федеральный центр. В настоящее время к налогам федерального центра отнесены 8 налогов и сборов, к региональным – 3 налога, к местным – всего 2 налога. «Устойчивым стало перераспределение налоговых доходов консолидированного бюджета Российской Федерации в пользу доходов, зачисляемых в федеральный бюджет, в результате чего в структуре налоговых доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ региональные и местные налоги имеют удельный вес не более 12 %. При этом доля безвозмездных поступлений от других бюджетов в доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ составляет 25 %, а в 14 субъектах РФ – свыше 50 %»¹⁰.

Основным принципом эффективного функционирования модели бюджетного федерализма является адекватность объема доходных полномочий регионов объему расходных. В российской практике возникают горизонтальные финансовые дисбалансы. На это оказывают непосредственное влияние такие факторы, как ресурсный потенциал, природно-климатические условия, сложившаяся структура производства, различные национальные и исторические особенности регионов. Наблюдается также вертикальный дисбаланс, который порожден высокой централизацией бюджетных средств в стране [15, с. 56].

Большая часть регионов России имеет дефицитный бюджет. Лишь немногие регионы достигают некоторой сбалансированности бюджета собственными средствами. В связи с этим возникла проблема не только экономического, но и политического характера. В современных условиях необходимо разделение федеральных налогов между центром и регионами с одновременным повышением эффективности их собираемости, за счет чего увеличится доходная часть бюджетов субъектов Федерации. Это позволит решить проблему асимметрии, а также укрепить основы федерализма в стране [15, с. 57].

Конституция Швейцарии закрепляет принцип субсидиарности при распределении властных полномочий. Согласно главному закону страны, кантоны суверенны, так как их суверенитет не ограничен Союзной конституцией; они осуществляют все права, не переданные Союзу (ст. 3) и сами определяют, какие задачи ими выполняются в рамках их компетенции (ст. 43). Федеральный центр принимает на себя задачи, требующие единообразного регулирования (ст. 42).

Исторически модель федерализма Швейцарии, как и в России, была асимметричной. «Наряду с полноправными кантонами в нее входили союзные земли с ограниченной автономией и зависимые

¹⁰ К новой модели российского федерализма : сб. ст. / под ред. А. В. Рябова, А. А. Захарова, О. М. Здравомысловой. М. : Весь Мир, 2013. С. 78.

территории без автономии. В швейцарской модели долгое время не было предусмотрено жесткое общегосударственное управление, т. е. конфедеративные начала преобладали над федеративными. Развитая и укорененная региональная идентичность затрудняла интеграцию в единое государство. Федеративное устройство закреплено в Швейцарии после Венского конгресса 1815 г. Тогда государство получило полную независимость, кантоны подписали союзный договор, была практически ликвидирована асимметрия территорий, и прежние земли с пониженным статусом стали полноправными кантонами. Полная верховная власть была передана центральному правительству Конфедерации» [16, с. 235].

Шесть кантонов, сформированных в результате исторических преобразований путем раздела более крупных кантонов, имеют право делегировать в верхнюю палату парламента (Совет Кантонов) лишь по одному своему представителю вместо двух, которых отправляют остальные 20 кантонов. Это единственный асимметричный элемент Швейцарской федеративной модели.

Анализ современной Конституции Швейцарии показал, что полномочия и предметы ведения могут быть разделены на 4 группы:

– предметы ведения, по которым Союз проводит законодательное обеспечение, а кантоны выполняют функцию исполнительной власти – экономическая деятельность (банковское дело и биржи), социальная защита населения, защита окружающей среды, транспортная, поставки и использование электроэнергии, дорожное движение, спорт, кинематограф;

– совместное законодательное регулирование – государственные языки, общественный мир между членами различных религиозных общин, внутренняя безопасность, строительство национальных дорог, создание условий для частного сектора экономики;

– исключительная компетенция кантонов – «кантональные и местные референдумы, организация государственной власти кантонов, регулирование отношений между церковью и государством, распоряжение водными ресурсами, охрана природы и культурного наследия», школьное и профессиональное образование, организация судебной власти, расчет и сбор налогов¹¹.

В сфере налогообложения кантоны имеют широкие права. Права Союза, по Конституции, на взимание налога на доходы ограничены: физические лица – не более 11,5 %, юридические – не более 9,8 %, причем при определении тарифов Союз должен учитывать обре-

¹¹ Ваганов Ю. Н. Современное конституционное развитие Швейцарской Конфедерации : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 91–94.

менение прямыми налогами в пользу кантонов. Налог собирается и распределяется кантонами, из валовой суммы Союзного налога 30 % также поступают кантонам (ст. 128 Конституции Швейцарии). Кантоны получают 10 % чистого дохода от налогообложения спиртных напитков (ст. 131), участвуют в чистом доходе от сбора тяжелого транспорта (ст. 85), имеют не менее 65 % чистой прибыли Швейцарского национального банка (ст. 99).

Кантоны могут вводить региональные налоги. По мнению Ф. Вассерфаллена, швейцарские кантоны находятся в сильной горизонтальной конкуренции друг с другом. Действительно, Швейцария является эмпирическим хрестоматийным примером для изучения бюджетного федерализма и налоговой конкуренции, поскольку кантоны имеют широкую автономию налогообложения, налоговые ставки и система существенно различаются между кантонами, а в небольшой по размерам стране для людей и бизнеса существует возможность перемещаться между кантонами с довольно небольшими транзакционными издержками [13, с. 539].

В этой связи рассматривается принцип горизонтальной справедливости, который обозначает равную налоговую нагрузку с учетом платежеспособности субъектов и уровня жизни в соответствующем кантоне. Способом достижения горизонтального равенства должна быть налоговая система, которая основана на региональной специфике [14, с. 114].

В 2008 г. в Швейцарии была проведена реформа межбюджетных отношений. Действующая сегодня система «базируется на двух основных принципах: ресурсного выравнивания и компенсации расходов. Последнее предполагает, что федеральный центр оплачивает расходы кантонов, которые сталкиваются с дополнительными инфраструктурными расходами в больших городах или горных районах» [17, с. 96].

Налоговые поступления субфедеральных бюджетов незначительно превышают поступления федерального уровня и составляют 52 % консолидированных бюджетов [17, с. 99].

Реализация властных полномочий федеральным центром в Швейцарии, по сравнению с другими федеративными государствами, имеет существенные особенности. Так, «федеральные органы исполнительной власти в кантонах не образуются, а функции исполнения федерального законодательства и актов Союзного совета возлагаются на органы власти кантонов» [9, с. 93]. Кантоны регулярно и широко включены в процедуры предварительных парламентских консультаций, многие законы даже не будут приняты в парламенте, если их заранее не одобрила Конференция кантональных правительств – неофициальная, но мощная ассоциация кантональных министров.

Кроме того, поскольку кантоны выполняют федеральные законы, кантональные суды и полиция действуют от имени Конфедерации. Все прямые налоги Швейцарии также собираются кантонами. Поэтому голос официальных представителей кантонов в лице Конференции кантональных правительств имеет значительный вес, особенно когда свою позицию высказывают все 26 кантонов [9, с. 86].

В Швейцарии отсутствуют формальные процедуры взаимодействия федеральных и кантональных властей. В этих условиях для реализации федеральных полномочий и проведения политики Конфедерации в кантонах центральные власти при принятии решений используют широкие предварительные консультации с кантональными администрациями. Решения принимаются на основе политического консенсуса.

Краткий сравнительный анализ распределения властных полномочий между центром и регионами в Российской Федерации и Швейцарской Конфедерации представлен в таблице 1.

Обсуждение и заключения. Проведенный анализ показал, что в Российской Федерации распределение властных полномочий осуществляется на основе принципа конституционности, верховенства федерального права и принципа согласования интересов Федерации и интересов регионов. Конституция определяет предметы ведения, находящиеся в исключительной компетенции федерации. Совместные предметы ведения, вне данных пределов ведения регионы России обладают всей полнотой государственной власти. Система органов власти регионов, экономическая, социальная и бюджетная основа их деятельности, а также полномочия органов государственной власти субъекта РФ по предметам совместного ведения подробно определены в федеральном законодательстве.

Распределение властных полномочий в Швейцарской Конфедерации происходит на основе принципа субсидиарности. Конфедерация сосредоточила в своей компетенции только задачи, требующие единообразного регулирования и законотворческую функцию федерального уровня. Кантоны самостоятельно действуют в рамках полномочий, не переданных Конфедерации, а также выполняют функцию исполнительных органов федеральной власти. В результате полномочия и предметы ведения в Швейцарской конфедерации можно разделить на следующие группы: «исключительная компетенция Конфедерации; предметы, по которым Конфедерация осуществляет законодательное регулирование, а на кантоны возлагается обязанность по реализации федеральных законов; предметы ведения, по которым законодательное регулирование осу-

Таблица 1. Сравнительный анализ распределения властных полномочий между центром и регионами в России и Швейцарии

Table 1. Comparative analysis of distribution of powers between the Center and regions in the Russian Federation and the Swiss Confederation

Критерий анализа / Criterion of analysis	Российская Федерация / Russian Federation	Швейцарская Конфедерация / Swiss Confederation
1	2	3
Принцип разграничения полномочий / Principle of demarcation of powers	Конституционный с договорными элементами / Constitutional with contractual elements	Субсидиарный / Subsidiary
Статус регионов / Status of regions	Разностатусные. Республики, образованные по национально-территориальному принципу, имеют ряд особых полномочий относительно других регионов – конституцию, государственный язык, порядок формирования органов власти, налоговые преференции / Different statuses. The republics, formed according to the ethno-territorial principle, have a number of special powers other regions do not have, such as the constitution, the official language, the procedure for the formation of local authorities and tax preferences	Равный статус (за исключением полномочий «полукантонов» по представительству в Верхней палате парламента) / Equal status (with the exception of the powers of “semi-cantons” for representation in the Upper House of Parliament)
Виды разграничения полномочий / Types of demarcation of powers	– Исключительная компетенция федерации / Exclusive competence of the Federation; – Совместные предметы ведения / Joint areas of responsibility; – Исключительная компетенция субъектов / Exclusive competence of the constituent entities	– Исключительная компетенция Конфедерации / Exclusive competence of the Confederation; – Предметы, по которым Конфедерация осуществляет законодательное регулирование, а на кантоны возлагается обязанность по реализации федеральных законов / The areas for which the Confederation exercises legislative control, and the cantons are responsible for enacting federal laws; – Предметы ведения, по которым законодательное регулирование осуществляется Конфедерацией и кантонами совместно / The areas for which legislative control is exercised jointly by the Confederation and the cantons; – Исключительная компетенция кантонов / Exclusive competence of the cantons

Окончание таблицы 1 / End of table 1

1	2	3
Особенности реализации властных полномочий / Features of the exercise of powers	Существенная централизация всех властных полномочий / Substantial centralization of all powers	Федеральные органы исполнительной власти в кантонах не образуются, а функции исполнения федерального законодательства и актов Союзного совета возлагаются на органы власти кантонов / Federal executive bodies in the cantons are not formed, and the functions of enacting federal legislation and acts of the Federal Council are vested in the cantonal authorities
Особенности бюджетного федерализма / Features of fiscal federalism	Значительные полномочия имеет федеральный центр. Региональные и местные налоги имеют удельный вес не более 12 % в консолидированном бюджете. Большинство региональных бюджетов дефицитны и покрывают дефицит за счет дотаций из федерального бюджета / The Federal Center has considerable authority. Regional and local taxes have a share of no more than 12 % in the consolidated budget. Most regional budgets are scarce and cover the deficit through subsidies from the federal budget	В сфере налогообложения кантоны имеют широкие права, вплоть до установления региональных налогов. Региональные и местные налоги имеют удельный вес более 50 % в консолидированном бюджете. Федеральный центр выравнивает доходы кантонов, компенсируя инфраструктурные расходы, связанные с региональными особенностями / In the field of taxation, cantons have broad rights: up to imposing regional taxes. Regional and local taxes have a share of more than 50 % in the consolidated budget. The Federal Center levels incomes of the cantons, compensating for the infrastructure costs associated with the regional features

ществляется Конфедерацией и кантонами совместно; исключительная компетенция кантонов»¹².

В России в сфере налогообложения значительные полномочия имеет федеральный центр, на долю региональных налогов приходится всего 12 % поступлений. Большинство российских регионов не могут самостоятельно наполнить свой бюджет и дотируются Федерацией. В сфере налогообложения Швейцарии кантоны имеют более широкие права; они могут вводить региональные налоги и находиться в горизонтальной конкуренции друг с другом в вопросе привлекательности для бизнеса. Права Союза на взимание налога на доходы ограничены.

Следовательно, швейцарская модель федерализма, которая складывалась столетиями и весьма показательна, отличается от российской

¹² Там же.

следующим: симметричность в отношениях регионов и центра, децентрализация власти, в том числе в вопросах реализации федеральной политики в регионах, политика бюджетного федерализма, позволяющая регионам самостоятельно реализовывать все имеющиеся полномочия.

Проведенное исследование посвящено изучению актуальной для России проблеме – совершенствованию федеративных отношений, поиску оптимального для нашего государства уровня распределения властных полномочий между центром и регионами. По нашему мнению, его результаты могут быть использованы при изучении российского федерализма и при разработке направлений региональной политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абдулатипов Р. Г., Михайлов В. А. Федеративная демократия и единство многонациональной страны // Публичное и частное право. 2014. № III. С. 7–18. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22658665> (дата обращения: 09.04.2018).
2. Фарукшин М. Х. Состояние российского федерализма: взгляд из региона // Политическая наука. 2011. № 4. С. 97–119. URL: http://legacy.inion.ru/index.php?page_id=186&id=511&jid=495&jj= (дата обращения: 09.04.2018).
3. Pochta Yu. M. Development of the Russian model of federalism: Relationships of center and regions in 2007–2016 // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2016. № 3. С. 97–105. URL: <http://journals.rudn.ru/political-science/article/view/13988> (дата обращения: 09.04.2018).
4. Медведев Н. П. Региональная политика современного государства: теория и практика // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 2 (21). С. 118–129. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20309296_49654824.pdf (дата обращения: 09.04.2018).
5. Карадже Т. В. Геоэкономический подход как методология анализа глобального мира // Вопросы политологии. 2013. № 3. С. 5–15. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21227191> (дата обращения: 09.04.2018).
6. Явчуновская Р. А. Мировые интеграционные процессы в постмодернизации мирового порядка // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2016. № 1 (15). С. 93–99. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26426273> (дата обращения: 09.04.2018).
7. Нисневич Ю. А. Современные методы политических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2011. № 2. С. 5–16. URL: <http://journals.rudn.ru/political-science/article/view/8863> (дата обращения: 09.04.2018).
8. Bundi P., Eberli D., Buetikofer S. Between occupation and politics: legislative professionalization in the swiss cantons // Swiss Political Science Review. 2017. Vol. 23, issue 1. P. 1–20. DOI: 10.1111/spsr.12228

9. Mueller S. Shared rule in federal political systems: Conceptual lessons from subnational Switzerland // The Journal of Federalism. 2014. Vol. 44, issue 1. Pp. 82–108. DOI: 10.1093/publius/pjt009
10. Brown A. J. Comparative federalism and intergovernmental agreements: Analyzing Australia, Canada, Germany, South Africa, Switzerland and the United States // The Journal of Federalism. 2015. Vol. 45, issue 4. Pp. E15–U24. DOI: 10.1093/publius/pjv030
11. Fleiner T. Recent developments of Swiss Federalism // The Global Review of Federalism. 2002. Vol. 32, no. 2. Pp. 97–123. URL: <http://www.jstor.org/stable/3330947> (дата обращения: 09.04.2018).
12. Schmitt N. Linguistic policy in Switzerland: the paradigm shifts but the complexity remains // Revista de Llengua i Dret. Journal of Language and Law. 2017. No. 67. Pp. 86–105. DOI: 10.2436/rld.i67.2017.2941
13. Wasserfallen F. The Cooperative capacity of Swiss Federalism // Swiss political Science Review. 2015. Vol. 21, issue 4. Pp. 538–555. DOI: 10.1111/spsr.12187
14. Schwarz P. Federalism and horizontal equity across Switzerland and Germany: A new rationale for a decentralized fiscal structure // Constitutional Political Economy. 2017. Vol. 28, issue 2. Pp. 97–116. DOI: 10.1007/s10602-017-9234-1
15. Игнатенко И. М. Современный этап перераспределения полномочий между федеральным центром и регионами России // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 48. С. 54–60. URL: <http://vestnik.pags.ru/vestnik/archive/vestnik-48.php> (дата обращения: 09.04.2018).
16. Орлинская О. М. Бельгийский и швейцарский опыт строительства федеративных отношений: сравнительный анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2011. № 2. С. 234–238. URL: <http://www.vestnik-mgou.ru/Articles/View/5846> (дата обращения: 09.04.2018).
17. Климчева М. Г., Умарова И. Я. Налоги в системе бюджетно-налогового федерализма в Швейцарии // Вестник РЭУ. 2012. № 3. С. 95–108. URL: <https://www.rea.ru/ru/org/managements/izdcentr/Pages/metadanye2.aspx> (дата обращения: 09.04.2018).

Поступила 10.04.2018; принята к публикации 11.05.2018; опубликована онлайн 29.06.2018.

Об авторе:

Колыхалов Максим Игоревич, аспирант кафедры международных отношений АНО ВО «Сибирский институт международных отношений и регионоведения» (630075, Россия, г. Новосибирск, ул. Народная, д. 14), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3137-1889>, Researcher ID: A-6083-2016, maxim_kolykhalov@mail.ru

Для цитирования: Колыхалов М. И. Распределение властных полномочий между центром и регионами в Российской Федерации и Швейцарской Конфедерации // Регионоведение. 2018. Т. 26, № 2. С. 296–313. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.296-313

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Abdulatipov R.G., Mikhailov V.A. Federal democracy and the multinational country unity. *Publichnoe i chastnoe pravo* = Public and private law. 2014; 3:7-18. Available at: <https://library.ru/item.asp?id=22658665> (accessed 09.04.2018). (In Russ.)
2. Farukshin M.Kh. The condition of Russian federalism: View from the region. *Politicheskaja nauka* = Political Science. 2011; 4:97-119. Available at: http://legacy.inion.ru/index.php?page_id=186&id=511&jid=495&jj= (accessed 09.04.2018). (In Russ.)
3. Pochta Yu.M. Development of the Russian model of federalism: Relations of center and regions in 2007–2016. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija* = RUDN Journal of Political Science. 2016; 3:97-105. Available at: <http://journals.rudn.ru/political-science/article/view/13988> (accessed 09.04.2018).
4. Medvedev N.P. Regional policy of the modern state: theory and practice. *Voprosy nacionalnyh i federativnyh otnoshenij* = Questions of National and Federative Relations. 2013; 2(21):118-129. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26435276> (accessed 09.04.2018). (In Russ.)
5. Karadzhe T.V. [Geoeconomic approach as a methodology for analyzing the global peace]. *Voprosy politologii* = Issues of Politology. 2013; 3:5-15. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21227191> (accessed 09.04.2018). (In Russ.)
6. Yavchunovskaya R.A. [World integration processes in post-modernization of the world order]. *Evrazijskij Sojuz: voprosy mezhdunarodnyh otnoshenij* = Eurasian Union: Problems of International Relations. 2016; 1(15):93-99. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26426273> (accessed 09.04.2018). (In Russ.)
7. Nisnevich Yu.A. The Modern methods of political research. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija* = RUDN Journal of Political Science. 2011; 2:5-16. Available at: <http://journals.rudn.ru/political-science/article/view/8863> (accessed 04.09.2018). (In Russ.)
8. Bundi P., Eberli D., Buetikofer S. Between occupation and politics: Legislative professionalization in the Swiss Cantons. *Swiss Political Science Review*. 2017; 23(1):1-20. DOI: 10.1111/spsr.12228
9. Mueller S. Shared rule in federal political systems: Conceptual lessons from subnational Switzerland. *The Journal of Federalism*. 2014; 44(1):82-108. DOI: 10.1093/publius/pjt009

10. Brown A.J. Comparative federalism and intergovernmental agreekolaevments: Analyzing Australia, Canada, Germany, South Africa, Switzerland and the United States. *The Journal of Federalism*. 2015; 45(4):E15-U24. DOI: 10.1093/publius/pjv030
11. Fleiner T. Recent Developments of Swiss Federalism. *The Global Review of Federalism*. 2002; 32(2):97-123. Available at: <http://www.jstor.org/stable/3330947> (accessed 04.09.2018).
12. Schmitt N. Linguistic policy in Switzerland: The paradigm shifts but the complexity remains. *Revista de Llengua i Dret. Journal of Language and Law*. 2017; 67:86-105. DOI: 10.2436/rld.i67.2017.2941
13. Wasserfallen F. The Cooperative capacity of Swiss Federalism. *Swiss Political Science Review*. 2015; 21(4):538-555. DOI: 10.1111/spsr.12187
14. Schwarz P. Federalism and horizontal equity across Switzerland and Germany: A new rationale for a decentralized fiscal structure. *Constitutional Political Economy*. 2017; 28(2):97-116. DOI: 10.1007/s10602-017-9234-1
15. Ignatenko I.M. Modern stage of redistribution of powers between federal center and regions of Russia. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravlenija* = Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2015; 48:54-60. Available at: <http://vestnik.pags.ru/vestnik/archive/vestnik-48.php> (accessed 09.04.2018). (In Russ.)
16. Orlinkaya O.M. [Belgian and Swiss experience in building federal relations: A comparative analysis]. *Vestnik MGOU. Serija: Istorija i politicheskie nauki* = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. 2011; 2:234-238. Available at: <http://www.vestnik-mgou.ru/Articles/View/5846> (accessed 09.04.2018). (In Russ.)
17. Klimcheva M.G., Umarova I.Ya. [Taxes in the system of fiscal federalism in Switzerland]. *Vestnik RJeU* = Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. 2012; 3:95-108. Available at: <https://www.rea.ru/ru/org/managements/izdcentr/Pages/metadanye2.aspx> (accessed 09.04.2018). (In Russ.)

Submitted 10.04.2018; accepted for publication 11.05.2018; published online 29.06.2018.

About the author:

Maxim I. Kolykhalov, Postgraduate of Department of International Relations, Siberian Institute of International Relations and Regional Studies (14 Narodnaya St., Novosibirsk 630075, Russia), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3137-1889>, Researcher ID: A-6083-2016, maxim_kolykhalov@mail.ru

For citation: Kolykhalov M.I. Distribution of Powers between the Center and Regions in the Russian Federation and the Swiss Confederation. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 27(2):296-313. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.296-313

The author has read and approved the final version of the manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 316.334.52:316.624(470+571)

http://regionsar.ru

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.314-337

ISSN 2413-1407 (Online)

Модели социальной превенции алкоголизации населения в регионах России с различными климатическими условиями

Ю. Ю. Белова

ФГБОУ ВО «Поволжский государственный
технологический университет» (г. Йошкар-Ола, Россия),
juliya01@mail.ru

Введение. Поскольку климатическое многообразие, свойственное территории России, дифференцирует склонность населения к употреблению алкоголя, актуальность темы исследования связана с недостаточностью учета климатического фактора при построении системы профилактики алкоголизации населения на региональном уровне. Цель статьи – определить потенциал моделей антиалкогольной профилактики в корректировании алкоголеобусловленных показателей с учетом климатических условий регионов. **Материалы и методы.** Методом исследования выступил качественный контент-анализ региональных официальных документов, содержащих меры антиалкогольной направленности. **Результаты исследования.** Определены сходные превентивные практики, характерные для регионов, сгруппированных по климатическому признаку и численности зарегистрированных алкоголезависимых граждан. Выявлены модели, свойственные регионам с разными климатическими условиями. Регионам с теплым и с холодным климатом и низкими показателями зарегистрированных алкоголезависимых граждан характерны идеологическая, ресурсная, комплексная, информационная модели и модель косвенного вмешательства; регионам с высокими общими показателями алкоголизма и алкогольного психоза, независимо от климатических условий, – формальная и неустойчивая модели. Доказано, что обусловленность подверженности алкоголизации населения климатическими условиями региона может быть скорректирована превентивными практиками, связанными с накоплением идеологического, социального и культурного капиталов, информационной и дополнительной ограничительной антиалкогольной политикой. **Обсуждение и заключения.** Выравнивание алкогольной ситуации в регионах с холодным климатом по отношению к регионам с теплым климатом и низкими алкоголеобусловленными показателями зависит от выбранной стратегии антиалкогольной превенции. Практическая значимость исследования состоит в предположении, что совершенствование региональных практик профилактики алкоголизации населения в России необходимо производить с учетом климатического фактора: чем прохладнее климат, тем более тщательной, комплексной и ресурсно-ориентированной должна быть профилактика.

© Белова Ю. Ю., 2018

Ключевые слова: профилактика, алкоголизация, алкоголизм, модели профилактики, предотвращение, программы профилактики

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (проект МК-6274.2018.6).

Models of Social Prevention of Alcohol Abuse in Russia's Regions with Different Climatic Conditions

Yu. Yu. Belova

Volga State University of Technology
(Yoshkar-Ola, Russia),
juliya01@mail.ru

Introduction. Since the climatic diversity characteristic of the territory of Russia differentiates the propensity of the population to drink alcohol, the relevance of the research topic is related to the inadequacy of the consideration of the climatic factor in the construction of a system of preventing increase in alcohol abuse at the regional level. The purpose of the research is to determine the potential of models of alcoholism prevention in correcting alcohol-related indicators, taking into account the climatic conditions of the regions. **Materials and Methods.** The research applied the method of qualitative content analysis of regional official documents pertaining to prohibitionist alcohol policies.

Results. Similar models of prevention characteristic of regions grouped according to climatic characteristics and the number of registered alcohol-addicted people were identified as well as models characteristic of regions with different climatic conditions. Regions with warm and cold climates and low rates of registered alcohol-addicted people are characterized by the ideological, resource, integrated and information models as well as by the indirect intervention model. Regions with high overall rates of alcoholism and alcoholic psychosis, regardless of climatic conditions, are characterized by the formal and unstable models. It is proved that the conditionality of the exposure of the population to alcohol by the climatic conditions of the region can be corrected by preventive practices related to the accumulation of ideological, social and cultural capital, information and additional restrictive alcohol policy.

Discussion and Conclusions. Leveling the alcoholism rates in regions with a cold climate in relation to the regions with a warm climate and low alcohol addiction indicators depends on the chosen strategy of alcoholism prevention. The practical significance of the study consists in the assumption that the improvement of regional practices of preventing increase in alcohol abuse in Russia needs to be made taking into account the climatic factor: the cooler the climate, the more thorough, comprehensive and resource-oriented prevention should be.

Keywords: prevention, increase in alcohol abuse, alcoholism, prevention models, prohibiting, prevention programs

Acknowledgments. The study was conducted with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for the state support of young Russian scientists, Candidate of Sciences degree holders (project МК-6274.2018.6).

Введение. За десять лет антиалкогольной ограничительной политики в России уровень потребления алкоголя сократился на 3,5 л и составил в 2016 г. 13,9 л на душу взрослого населения старше 15 лет¹. Однако это не гарантировало стабилизации алкогольной ситуации. Сохраняются тенденции омоложения возраста первой пробы алкоголя, велика доля женщин, вовлеченных в пьянство, алкоголизация по-прежнему характерна для лиц трудоспособного и репродуктивного возраста, наблюдаются высокие показатели пьяной преступности, доля потребителей алкоголя, как и ранее, является очень значительной (в 2017 г. – 70 %)². Таким образом, несмотря на предпринимаемые политикой государства шаги, общие тенденции потребления алкоголя в России все еще имеют характер национальной беды. Возможно, это связано с недостаточностью реализации только лишь рестриктивных мер. В повсеместном внедрении и совершенствовании нуждается и система мягкой профилактики, которая официально провозглашена приоритетным направлением государственной политики³.

В соответствии с характерным для социологии, максимально широким пониманием профилактики как процесса, направленного на предотвращение социально негативных явлений в обществе, социальная превенция алкоголизации населения объединяет как «мягкие», так и «жесткие» способы влияния на алкогольную ситуацию. В субъектах Российской Федерации разрабатываются и утверждаются собственные региональные программы профилактики, отчего существуют различные подходы к ней. Кроме того, в соответствии с законодательством РФ, регионы наделены правом введения дополнительных мер ограничительной политики в отношении алкоголя,

¹ World health statistics 2017: monitoring health for the SDGs, Sustainable Development Goals. France: WHO, 2017. P. 44.

² Употребление алкоголя // Пресс-выпуск Левада-центра. 2017 (18 мая). URL: <https://www.levada.ru/2017/05/18/upotreblenie-alkogolya/> (дата обращения: 25.01.2018).

³ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018); Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 30.12.2009 № 2128-р // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018); План мероприятий («дорожной карты») по стабилизации ситуации и развитию конкуренции на алкогольном рынке, утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 26.11.2015 № 2413-р // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018); Указ Президента РФ от 08.08.2016 № 398 «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно-полезных услуг» // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018).

поэтому их опыт может существенно отличаться соотношением как «мягких», так и «жестких» превентивных воздействий. С учетом свойственных территории России разнообразных климатических условий, которые обуславливают различную подверженность населения алкоголизации, возможность корректировать систему ее превенции в соответствии с региональными потребностями является безусловным плюсом. Однако на практике профилактика не воспринимается как корректирующий фактор, не принимается во внимание, что в одинаковых климатических условиях может наблюдаться различный уровень потребления алкоголя. И, наоборот, регионы с различными климатическими условиями могут характеризоваться одинаково низкими алкоголеобусловленными показателями. Возможно, это говорит о том, что одни регионы внедряют более эффективные модели социальной превенции алкоголизации населения, чем другие.

Анализ показателей зарегистрированных людей с диагнозами «алкоголизм» и «алкогольный психоз» в разрезе регионов показывает, что высокая их доля может быть присуща регионам не только с холодным, но и с теплым климатом. Напротив, существуют примеры, когда суровые климатические условия не являются помехой для сокращения масштабов алкоголизации населения. Таким образом, можно предположить, что влияние климатических условий на алкогольную ситуацию корректируется социальными факторами – особенностями профилактики алкоголизации населения, свойственными тому или иному региону. Знание региональных практик в этой области позволит определить наиболее успешные модели улучшения алкогольной ситуации, которые могут ориентировать в выборе путей совершенствования профилактики алкоголизации населения России. В связи с этим цель исследования состоит в выявлении потенциала моделей антиалкогольной превенции в корректировании алкоголеобусловленных показателей, с учетом климатических условий регионов.

Обзор литературы. Социологический анализ стратегий социальной контроля алкоголизации населения в России производился И. Н. Гурвичем⁴. С его точки зрения, наиболее эффективной является модель общественного здоровья, которая наряду с другими факторами учитывает климатические условия развития алкоголизации населения. Дифференцированный подход к профилактике в таком случае – наиболее желательный выбор превентивной стратегии. Он позво-

⁴ Гурвич И. Н. Социальный контроль алкоголизации // Социальный контроль над девиантностью. СПб. : Филиал Ин-та социол. РАН, Балт. ин-т экологии, политики и права, 1998. С. 32–45.

ляет учитывать множественность факторов алкогольной ситуации и в соответствии с ними выстраивать антиалкогольную политику.

Вопросы учета климата как фактора планирования особых превентивных воздействий очень редко анализируются современными исследователями. Между тем учеными подтверждается существенное влияние на алкогольную ситуацию климатических условий, свойственных тому или иному региону⁵ [1, с. 28–30; 2], выделяются типы потребления алкоголя, характерные для южных и северных территорий [3, с. 85–89], проводятся исследования влияния климатических условий на алкогольную заболеваемость и смертность⁶ [2], в том числе в связи с сезонной цикличностью⁷.

Среди зарубежных исследователей генетические и этнические факторы потребления алкоголя северными народами рассматривают М. А. Инок, Б. Албау [4], К. Г. Чартьер, М. Н. Хесселброк, В. М. Хесселброк [5]. Роль социально-культурных подходов в сокращении уровня потребления алкоголя на северных территориях подчеркивают австралийские ученые Р. Рамамурти, Р. Джайарадж, Л. Нотарас, М. Томас [6]. Объяснение сезонных колебаний потребления алкоголя в северных широтах приводят М. Е. Левин, Л. К. Даффи, Р. Т. Бойер [7]. По их мнению, повышенная утомляемость в зимнее время провоцирует увеличение уровня потребления алкоголя. Большинство отечественных и зарубежных исследований посвящено анализу пьянства коренных народов северных территорий, однако в них слабо представлен анализ мер профилактики данного явления с учетом климатических условий.

В последние годы в России публикуются Национальные рейтинги трезвости субъектов Российской Федерации, составленные экспертами Федерального проекта «Трезвая Россия» и Экспертно-аналитическим центром при Общественной палате Российской Федерации. Согласно рейтингу 2017 г.⁸, наиболее трезвыми являются южные регионы (как исламские – Чеченская Республика, Ингушетия, Дагестан, так

⁵ Корченев В. В. О причинах алкоголизации малочисленных народов Севера // Социально-медицинские проблемы пьянства и алкоголизма в регионах проживания малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока : материалы I науч.-практ. конф. Архангельск : Правда Севера, 1992. С. 54–56.

⁶ Халтурина Д. А., Кортаев А. В. Русский крест. Факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. М. : Либроком, 2012. 127 с.

⁷ Немцов А. В., Нечаев А. К. Климатические факторы заболеваемости алкогольными психозами // Климат, качество атмосферного воздуха и здоровье москвичей : сб. М., 2006. С. 197–213.

⁸ Рейтинг трезвости российских регионов // РИА Новости (выпуск от 27.11.2017 г.). URL: <https://ria.ru/infografika/20171127/1509696354.html> (дата обращения: 25.01.2018).

и православные – Ставропольский край, Белгородская область). Напротив, неблагополучная алкогольная ситуация характерна для северных регионов (Магаданская область, Чукотский автономный округ, Республика Коми). Показателями, которые использовались для составления рейтинга, является статистическая информация и данные об ограничении доступности алкоголя (рестриктивных мерах) в виде количества часов и дней запрета продажи алкоголя. В докладе Роспотребнадзора «Влияние потребления алкоголя и табакокурения на здоровье населения» также указывается, что уровень продаж алкоголя выше в Магаданской области, Москве и Сахалинской области. Напротив, в Республике Ингушетия, Чеченской Республике и других кавказских регионах спиртное пользуется наименьшим спросом⁹. Таким образом, согласно приведенной информации, алкоголизация населения северных регионов значительнее, чем южных.

Трудности при разработке темы связаны с тем, что наряду с подтверждением в исследованиях и официальных документах воздействия климата на подверженность алкоголизации населения в России отсутствуют современные работы, связанные с оценкой влияния социальной превенции на обусловленность алкогольной ситуации климатическими условиями.

Выявление региональных моделей социальной профилактики алкоголизации населения позволит определить, при каких условиях возможно существенное снижение потребления алкоголя в регионах с холодным и теплым климатом.

Материалы и методы. Для исследования выбран метод качественного контент-анализа региональных программ, планов и концепций, содержащих положения о профилактике, противодействии потреблению алкоголя, а также его снижению, принятые и реализуемые региональными властями в 2015–2016 гг., а также завершившие к этому времени свое действие (N = 28). Это связано с необходимостью определения возможного влияния программ или их отсутствия на обусловленные потреблением алкоголя показатели здравоохранения в 2016 г. Источником информации о региональных документах послужил электронный фонд правовой и нормативно-технической документации «Консорциум “Кодекс”». Вместе с тем исследование не предполагает оценку непосредственной профилактической деятельности государственных органов исполнительной власти, обществен-

⁹ Роспотребнадзор назвал самые пьющие регионы России // Известия. 07.06.2017 г. URL: <https://www.rbc.ru/society/07/06/2017/593792b19a794727331f0e0e> (дата обращения: 25.01.2018).

ных организаций, религиозных общин, инициативных групп. Также оно не имеет целью оценить соответствие реальной проводимой в регионе антиалкогольной превенции положениям анализируемых официальных документов.

При отборе регионов для исследования применялся основной статистический показатель, использующийся для оценки алкогольной ситуации в стране – количество зарегистрированных лиц с диагнозами «алкоголизм» и «алкогольный психоз». Согласно статистическому учету, контингент пациентов с алкоголизмом и алкогольным психозом – это совокупность всех лиц, страдающих данными заболеваниями, которые обратились в лечебно-профилактическое учреждение как в текущем, так и в предыдущие годы (т. е. это общее число зарегистрированных граждан с диагнозами «алкоголизм» и «алкогольный психоз»). Выбор данного показателя обусловлен также его высокой чувствительностью к совокупному воздействию антиалкогольной политики в виде мягких и жестких мер. Кроме того, в Концепции по снижению масштабов злоупотребления алкоголем подразумевается корректировка именно этого показателя мерами рестриктивного и превентивного воздействия.

Итак, контингент лиц с данными диагнозами – основной статистический индикатор алкогольной ситуации в стране и показатель результативности региональных программ, которыми предусмотрено предотвращение потребления алкоголя населением. В то же время данные заболевания характеризуют наиболее стойкие нарушения здоровья, вызванные интенсивным употреблением алкоголя. Регистрация пациентов происходит в случае их обращения в амбулаторные организации к психиатру либо к психиатру-наркологу. Следовательно, сокращение данного контингента зарегистрированных возможно достичь за счет эффективной терапевтической и реабилитационной помощи алкоголезависимым гражданам.

Поскольку анализу подвергается прежде всего система социальной превенции алкоголизации населения, т. е. в узком смысле предотвращения заболеваемости алкоголизмом и алкогольным психозом, следует также учитывать первичную заболеваемость алкоголизмом и алкогольным психозом и пагубное употребление алкоголя населением, в том числе подростками 15–17 лет. В Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ-10), пагубное употребление алкоголя (употребление алкоголя с вредными последствиями, злоупотребление алкоголем (F10.1) являются причиной физического или психического ущерба здоровью. При этом характер употребления алкоголя сохраняется по

меньшей мере 1 месяц или периодически повторяется на протяжении 12 месяцев. Пагубное употребление алкоголя не диагностируется при наличии зависимости и психотических расстройств, связанных с употреблением алкоголя¹⁰. Следовательно, эти показатели могут изменяться под воздействием мягких, социально-ориентированных превентивных воздействий. В соответствии с этим анализировалась связь направленности социальной превенции с особенностями прироста первичной заболеваемости. Прирост был рассчитан для всех выбранных регионов по всем алкоголеобусловленным показателям, используемым в исследовании.

В зависимости от среднемесячной температуры воздуха и количества зарегистрированных случаев алкоголизма и алкогольного психоза регионы были сгруппированы следующим образом (табл. 1):

- 1) регионы с теплым климатом и высокими показателями зарегистрированных алкоголезависимых граждан;
- 2) регионы с теплым климатом и наименьшими показателями зарегистрированных алкоголезависимых граждан;
- 3) регионы с холодным климатом и высокими показателями зарегистрированных алкоголезависимых граждан;
- 4) регионы с холодным климатом и наименьшими показателями зарегистрированных алкоголезависимых граждан;
- 5) регионы с умеренным климатом и средними значениями зарегистрированных алкоголезависимых граждан.

Результаты исследования. В ходе контент-анализа программ, планов и концепций, содержащих положения о профилактике, противодействии потреблению алкоголя, а также его снижению, в группах регионов выявлены следующие превентивные практики, которые сопоставлены с алкоголеобусловленными показателями.

1. Группа регионов с теплым климатом и высокими показателями зарегистрированных алкоголезависимых граждан (Брянская область, Тамбовская область, Республика Адыгея): «Разнородная бессистемная профилактика, не соответствующая целям программы»; «Формальный подход к показателям превентивной деятельности».

Несмотря на обширный список мероприятий программы Брянской области¹¹, большинство из них имеют абстрактные формулировки, которые могут давать повод подводить под них текущую деятель-

¹⁰ Употребление с вредными последствиями // ВОЗ. URL: http://www.who.int/substance_abuse/terminology/definition2/ru/ (дата обращения: 25.01.2018).

¹¹ Программа «Профилактика алкоголизма и формирование здорового образа жизни населения Брянской области» (2013–2015 годы), утвержденная постановлением администрации Брянской области от 21 августа 2012 года № 783 // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018).

Т а б л и ц а 1. Группы регионов в зависимости от среднемесячной температуры воздуха и количества зарегистрированных лиц с диагнозами «алкоголизм» и «алкогольный психоз» за 2016 г.

Table 1. Groups of regions depending on the average monthly air temperature and the number of registered individuals diagnosed with “alcoholism” and “alcoholic psychosis” for 2016

Регион / Region	Общий контингент, на 100 тыс. населения / Total contingent, per 100 thousand population			
	Среднемесячная t воздуха (°С), 2016 г. / Average monthly air t (°C) for 2016		Число алкоголезависимых людей ² / Number of registered alcohol-dependent people	
	1	2	3	4
<i>Группа 1. Регионы с теплым климатом и высокими показателями зарегистрированных алкоголезависимых граждан / Group 1. Regions with a warm climate and high rates of registered alcohol-dependent citizens</i>				
Брянская область / Bryansk Region	-8,6 / +20,5		1987,2	-6,67
Тамбовская область / Tambov Region	-9,9 / +21,9		1697,9	-7,13
Республика Адыгея / Republic of Adygeya	-0,7 / +22,3		1595,6	-10,33
<i>Группа 2. Регионы с теплым климатом и наименьшими показателями зарегистрированных алкоголезависимых граждан / Group 2. Regions with a warm climate and the lowest indices of registered alcohol-dependent citizens</i>				
Республика Ингушетия / Republic of Ingushetia	-2,0 / +21,7		8,9	+2,30
Чеченская Республика / Chechen Republic	-1,7 / +23,1		214,2	-7,39
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	-1,7 / +20,8		246,5	-7,82
Краснодарский край / Krasnodar Territory	-0,5 / +23,8		569,1	-17,90
Республика Северная Осетия – Алания / Republic of North Ossetia – Alania	-2,2 / +22,0		642,0	-1,77
Волгоградская область / Volgograd Region	нет данных / no data		654,9	-20,87

Окончание табл. 1 / End of table 1

Белгородская область / Belgorod Region	-8,7 / +22,1		780,9	-5,33
Ставропольский край / Stavropol Territory	-2,5 / +21,1		854,5	-3,61
<i>Группа 3. Регионы с холодным климатом и наибольшими показателями зарегистрированных алкоголезависимых граждан / Group 3. Regions with a cold climate and high rates of registered alcohol-dependent citizens</i>				
Чукотский АО / Chukotka Autonomous Area	-23,8 / +10,6		3504,5	-1,08
Магаданская область / Magadan Region	-27,7 / +15,0		2465,5	-4,52
Камчатский край / Kamchatka Territory	-16,3 / +14,2		2198,7	-18,00
Сахалинская область / Sakhalin Region	-12,7 / +14,1		2081,9	-7,28
<i>Группа 4. Регионы с холодным климатом и наименьшими показателями зарегистрированных алкоголезависимых граждан / Group 4. Regions with a cold climate and the least indicators of registered alcohol-dependent citizens</i>				
Ханты-Мансийский АО / Khanty-Mansi Autonomous Area - Yugra	-20,6 / +20,1		773,1	-8,02
Красноярский край / Krasnoyarsk Territory	-22,8 / +16,8		742,9	-13,92
Республика Бурятия / Republic of Buryatia	-25,5 / +18,5		728,8	+2,13
Кемеровская область / Kemerovo Region	-20,9 / +20,0		722,8	-3,59
Новосибирская область / Novosibirsk Region	-21,7 / +19,9		580,7	-18,12
Томская область / Tomsk Region	-23,2 / +19,8		573,1	-5,48
<i>Группа 5. Регионы с умеренным климатом и средними значениями зарегистрированных алкоголезависимых граждан (на примере ПФО) / Group 5. Regions with moderate climate and average values of registered alcohol-dependent citizens (for example, PFD)</i>				
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	-11,1 / +20,6		1162,2	-7,34
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	-12,7 / +21,1		1457,0	-8,07

ность, не связанную с непосредственным исполнением программных мероприятий. Наряду с высокой численностью алкоголезависимых граждан и положительным приростом заболеваемости алкоголизмом и алкогольным психозом в 2016 г. в Брянской области на 22 и 100 % соответственно возросло число подростков 15–17 лет с впервые в жизни выявленными диагнозами пагубного употребления алкоголя, а также алкоголизма и алкогольного психоза¹². Следовательно, имеющаяся профилактическая деятельность не ориентирована на молодое поколение региона.

В государственной программе Тамбовской области по развитию здравоохранения наряду с присутствием индикаторов, связанных со снижением уровня потребления алкоголя отсутствуют непосредственные мероприятия для этой цели¹³. В то же время в регионе действуют дополнительные ограничения по месту и времени продажи алкоголя. Возможно, поэтому из всех показателей отрицательный прирост касается только лишь заболеваемости алкоголизмом и алкогольным психозом¹⁴, тогда как пагубное употребление алкоголя возросло¹⁵.

Можно предположить, что в данной группе регионов с теплым климатом высокие показатели алкоголизации населения, в том числе подросткового, обусловлены слабым социально-профилактическим воздействием на алкогольную ситуацию. Например, в программе по здравоохранению Республики Адыгея наряду с массой приведенных антиалкогольных показателей, предусмотрена лишь «профилактика развития зависимостей, включая сокращение потребления табака, алкоголя, наркотических средств»¹⁶.

В 2016 г. ни в одном из рассматриваемых регионов не действовала специализированная превентивная программа, однако имеется дополнительная ограничительная политика¹⁷, которая, вероятно,

¹² Киржанова В. В., Григорова Н. И., Киржанов В. Н. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2015–2016 годах : статистический сборник. М. : ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского Минздрава России», 2017. С. 146–147.

¹³ Государственная программа Тамбовской области «Развитие здравоохранения Тамбовской области» на 2013–2020 годы, утвержденная постановлением администрации Тамбовской области от 30 апреля 2013 г. № 447 // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018).

¹⁴ Киржанова В. В., Григорова Н. И., Киржанов В. Н. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2015–2016 годах. С. 128.

¹⁵ Там же. С. 136

¹⁶ Государственная программа Республики Адыгея «Развитие здравоохранения» на 2014–2020 годы, утвержденная постановлением кабинета министров Республики Адыгея от 22 ноября 2013 г. № 280 // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018).

¹⁷ Справка об ограничении времени продажи алкогольной продукции // ГАРАНТ : информ.-прав. обеспечение (дата обращения: 25.01.2018).

влияет на отрицательный прирост общего контингента алкоголезависимых людей.

2. Группа регионов с теплым климатом и наименьшими показателями зарегистрированных алкоголезависимых граждан (Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Дагестан, Краснодарский край, Волгоградская область, Ставропольский край, Белгородская область): «Многоканальная профилактика с опорой на патриотическое и духовно-нравственное воспитание»; «Комплексная профилактика с опорой на социальные капиталы»; «Комплексная мягкая профилактика с недостаточно жесткой ограничительной политикой»; «Активная информационная политика».

Анализ программ регионов с теплым климатом и относительно низкими показателями алкогольной заболеваемости, содержащих мягкие превентивные практики в отношении потребления алкоголя, показал, что большое значение в них отводится немедицинским моделям профилактики алкоголизации населения. Большинство реализуемых мер связаны с содействием накоплению социального капитала граждан через духовно-нравственное воспитание, организацию волонтерской и физкультурно-спортивной деятельности, проведение конкурсов превентивных моделей и методик, а также посредством существенной информационной политики. Те регионы, в которых одновременно с мягкой превентивной моделью реализуется дополнительная ограничительная политика в отношении алкоголя¹⁸, имеют более устойчивое сокращение алкоголеобусловленных показателей, как общих, так и первичных, среди взрослых и подростков¹⁹.

Кроме того, возможно, опыт кавказских национальных республик по укреплению духовности и нравственности молодежи как фактор косвенной профилактики алкоголизации населения играет более значимую роль, чем реализация целенаправленной антиалкогольной профилактики. В то же время следует учесть, что там, где сильно развита традиционная культура, влияние этого фактора наиболее выражено. Поэтому косвенная профилактика в России скорее может быть дополнительной. С другой стороны, включение в разные государственные программы регионов задачи предотвращения алкоголизации населения способно привлечь внимание к проблеме со стороны различных потенциальных субъектов социальной превенции и повысить уровень ответственности и реализуемость мероприятий.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Киржанова В. В., Григорова Н. И., Киржанов В. Н. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2015–2016 годах. С. 128, 136, 146, 154.

Эффективность такого подхода может быть связана и с дополнительным финансовым обеспечением антиалкогольной профилактики за счет средств, выделенных на реализацию разных программ.

3. Группа регионов с холодным климатом и высокими показателями зарегистрированных алкоголезависимых граждан (Чукотский автономный округ, Магаданская область, Камчатский край, Сахалинская область): «Признание безсходности ситуации с формальным подходом к ее преодолению»; «Преимущественно медико-ориентированная превенция алкоголизации населения с заявкой на комплексность»; «Формальная превенция алкоголизации населения»; «Умеренное внимание к ситуации с резкой сменой приоритетов».

Проблема алкоголизации Чукотки лежит на поверхности, она приобрела настолько острый характер и настолько сложно поддается контролю, что власти вынуждены были об этом открыто заявить в тексте региональной целевой программы²⁰. В то же время на Чукотке действует существенная дополнительная ограничительная политика в отношении ночной продажи алкоголя²¹. В регионе наблюдается сокращение пагубного потребления алкоголя подростками²² с одновременным увеличением среди них первичной заболеваемости алкоголизмом и алкогольным психозом²³. Возможно, это связано с отсутствием механизма мягкой профилактики, а также с масштабами незаконной продажи алкоголя в регионе, которая слабо контролируется, о чем указывалось в ранее действовавшей программе. Напротив, сокращение общей первичной алкогольной заболеваемости может быть объяснено наличием дополнительной ограничительной политики²⁴.

В программе Камчатского края²⁵ указываются высокие показатели алкоголепотребления в регионе и недостатки ее контроля, отводится большая роль медицинским аспектам лечения и реабилитации алкоголезависимых людей (ранее выявление заболеваемости алкоголиз-

²⁰ Долгосрочная региональная целевая программа «Снижение потребления алкоголя, профилактика алкоголизма и его последствий в Чукотском автономном округе на 2010–2014 годы», утвержденная постановлением Правительства Чукотского автономного округа от 06 апреля 2010 г. № 100 // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018).

²¹ Справка об ограничении времени продажи алкогольной продукции.

²² Киржанова В. В., Григорова Н. И., Киржанов В. Н. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2015–2016 годах. С. 155.

²³ Там же. С. 147.

²⁴ Справка об ограничении времени продажи алкогольной продукции.

²⁵ Подпрограмма 4 «Профилактика наркомании и алкоголизма в Камчатском крае» Государственной программы Камчатского края «Профилактика правонарушений, терроризма, экстремизма, наркомании и алкоголизма в Камчатском крае на 2014–2018 годы», утвержденной постановлением Правительства Камчатского края от 29 ноября 2013 г. № 522-П // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018).

мом, наркологическая помощь в составе выездных бригад, лекции и методы лечения для алкоголезависимых людей). Следует также отметить, что при высокой численности людей, зарегистрированных с диагнозами «алкоголизм» и «алкогольный психоз», в регионе наблюдается существенное сокращение всех алкоголеобусловленных показателей. Возможно, это связано с действием в регионе дополнительной антиалкогольной ограничительной политики²⁶.

В Магаданской области профилактика алкоголизации населения отдельной программой не была предусмотрена, ее необходимость упоминается только лишь в некоторых нормативно-правовых актах в контексте антинаркотической профилактики и развития здравоохранения²⁷. Указанные в программах превентивные меры в отношении алкоголя практически полностью дублируются, имеют медицинскую направленность, формальны по своему содержанию и ограничиваются участием специалистов в соответствующих мероприятиях, проведении единого дня профилактики употребления психоактивных веществ, изготовлением печатных материалов по профилактике потребления алкоголя.

Антиалкогольная превенция Сахалинской области, начатая в 2013 г.²⁸, была сведена к абстракциям в виде формирования здорового образа жизни и совершенствования системы наркологической помощи. К 2016 г. произошло снижение всех анализируемых показателей, касающихся алкоголизации населения. Достигнутые результаты вызваны скорее мягкими превентивными мерами, реализованными ранее, и дополнительными ограничительными мерами²⁹.

²⁶ Справка об ограничении времени продажи алкогольной продукции.

²⁷ Государственная программа Магаданской области «Обеспечение безопасности, профилактика правонарушений, коррупции и противодействие незаконному обороту наркотических средств в Магаданской области» на 2014–2019 годы, утвержденная постановлением администрации Магаданской области от 20 ноября 2013 г. № 1144-па // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018); Государственная программа Магаданской области «Развитие здравоохранения Магаданской области» на 2014–2020 годы», утвержденная постановлением администрации Магаданской области от 31 октября 2013 г. № 1049-па // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018); Целевая программа «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на территории Магаданской области» на 2013–2015 годы», утвержденная постановлением администрации Магаданской области от 25 октября 2012 г. № 769-па // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018).

²⁸ Долгосрочная целевая программа «Снижение масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактика алкоголизма среди населения» Сахалинской области на 2013–2015 годы», утвержденная постановлением Правительства Сахалинской области от 20 декабря 2012 г. № 642 // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018).

²⁹ Справка об ограничении времени продажи алкогольной продукции.

Произошедшее переключение с одних принципов предотвращения алкоголизации населения на противоположные говорит о крайней неустойчивости ее системы.

В целом для регионов третьей группы характерен формальный подход к превенции алкоголизации населения, медикализация соответствующих мер, а также их реализация в составе антинаркотической и силовой деятельности.

4. Группа регионов с холодным климатом и наименьшими показателями зарегистрированных алкоголезависимых граждан (Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Бурятия, Красноярский край, Новосибирская, Томская, Кемеровская области): «Косвенная профилактика, направленная на накопление социального капитала»; «Сочетание силовой и медицинской модели социальной превенции алкоголизации населения»; «Активная информационная политика»; «Комплексная превенция алкоголизации населения, включающая накопление социального и культурного капитала»; «Двойственная антиалкогольная профилактика, включающая формирование трезвого образа жизни и накопление социального капитала с одновременным лоббированием культуры потребления вина»; «Комплексная профилактика, с направленностью на накопление социального капитала».

В Ханты-Мансийском автономном округе мероприятия в большей степени имеют социально-ориентированную направленность и способствуют наращиванию объема социального капитала в обществе³⁰. Кроме того, на территории округа действует временное ограничение продажи алкоголя. На фоне относительно невысоких показателей общей (см. табл. 1) и первичной алкогольной заболеваемости³¹ происходит дальнейшее сокращение алкоголизации как взрослого, так и подросткового населения³².

В Республике Бурятия складывается противоречивая ситуация, связанная с невысокими значениями зарегистрированных граждан с диагнозами «алкоголизм» и «алкогольный психоз» (см. табл. 1) и положительным приростом показателей общей и первичной заболеваемости населения³³, а также пагубного употребления алкоголя

³⁰ Распоряжение правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 7 марта 2014 г. №113-рп «О комплексном плане мероприятий по профилактике детского алкоголизма, наркомании и табакокурения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2014–2016 годы» // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018).

³¹ Киржанова В. В., Григорова Н. И., Киржанов В. Н. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2015–2016 годах. С. 129.

³² Там же. С. 129, 147.

³³ Там же. С. 129, 137.

подростками в 2016 г. Наряду с тем, что в Бурятии введены серьезные ограничения продажи алкоголя по месту и времени, не уделено должного внимания программам социальной профилактики алкоголизации населения. Скорее всего, жесткая ограничительная политика, первоначально оказав влияние на существенное сокращение уровня потребления алкоголя населением, без мягких превентивных воздействий быстро исчерпывает себя.

Судя по показателям Красноярского края, усиленная превентивная информационная политика³⁴ одинаково эффективно влияет на ситуацию алкоголизации молодого поколения и в южных, и в северных регионах. В Красноярском крае наряду с невысокими показателями алкоголизма и алкогольного психоза (см. табл. 1) сокращается первичная заболеваемость, в том числе связанная с пагубным употреблением алкоголя³⁵. Кроме того, в регионе действуют дополнительные, преимущественно территориальные, ограничения продажи алкоголя.

Следует отметить оригинальность подходов, комплексность и дифференцированность мероприятий, представленных в программе Новосибирской области³⁶. Можно предположить, что реализация заявленных в ней мер внесла существенный вклад в алкогольную ситуацию Новосибирской области, которая при суровых климатических условиях характеризуется сравнительно невысокими показателями общей и первичной заболеваемости алкоголизмом и алкогольным психозом, а также их сокращением среди не только взрослых, но и подростков³⁷. В комплексе с мягкими превентивными воздействиями в Новосибирской области дополнительно ограничена доступность

³⁴ Государственная региональная программа Красноярского края «Профилактика правонарушений и укрепление общественного порядка и общественной безопасности», утвержденная постановлением Правительства Красноярского края от 14 февраля 2014 г. № 37-п // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018); Постановление Законодательного Собрания Краснодарского края от 12 июля 2005 г. № 1600-п «О дополнительных мерах по профилактике распространения пьянства и алкоголизма как факторов социального неблагополучия среди населения Краснодарского края» // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018).

³⁵ Киржанова В. В., Григорова Н. И., Киржанов В. Н. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2015–2016 годах. С. 129, 137.

³⁶ Долгосрочная целевая программа «Профилактика алкоголизма, снижение тяжести медико-социальных последствий злоупотребления алкогольной продукцией среди населения Новосибирской области на 2011–2015 годы», утвержденная постановлением Правительства Новосибирской области от 22 сентября 2011 г. № 408-п // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018).

³⁷ Киржанова В. В., Григорова Н. И., Киржанов В. Н. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2015–2016 годах. С. 129, 137, 147, 155.

алкоголя по месту и времени. Нечто подобное характерно для Кемеровской³⁸ и Томской³⁹ областей.

Анализ статистических данных и превентивных практик регионов показывает, что в суровых климатических условиях алкогольная ситуация может быть поправлена, но требует комплексного программного подхода, сочетающего в себе жесткие и мягкие меры социальной превенции.

5. Группа регионов с умеренным одинаковым климатом и различными значениями зарегистрированных алкоголезависимых граждан (на примере ПФО) (Республики Мордовия и Марий Эл): «Формальная профилактика».

В специальной программе Республики Мордовия⁴⁰ указывается приоритетность межотраслевой профилактики алкоголизации населения при активном участии общественных организаций, предлагаются социально-ориентированные меры. В то же время формулировки перечня мероприятий носят абстрактный характер («информационно-пропагандистские мероприятия антиалкогольного содержания», «проведение молодежных акций по пропаганде здорового образа жизни», «конкурс плакатов, рисунков, выставка работ о здоровом образе жизни», «внедрение новых методов...» и т. п.). Встречаются и очень формальные мероприятия («организация мониторинга...», «проведение ежегодного анализа...», «участие в работе комиссий...», «подготовка предложений...» и т. п.). В регионе действуют дополнительные ограничения продажи алкоголя по времени и месту⁴¹, принят специальный закон, регулирующий отношения в сфере профилактики⁴². В Мордовии наблюдается отрицательный прирост общей (см. табл. 1) и первичной заболеваемости населения

³⁸ Программа по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Кемеровской области на период до 2020 г., утвержденная постановлением коллегии администрации Кемеровской области от 02 сентября 2010 г. № 365 Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018).

³⁹ Концепция реализации политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Томской области на период до 2020 г., одобренная распоряжением администрации Томской области от 30 июля 2010 г. № 661-ра // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018).

⁴⁰ Республиканская целевая программа «Снижение масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактика алкоголизма среди населения Республики Мордовия» на 2013–2015 гг., утвержденная постановлением Правительства Республики Мордовия от 24 декабря 2012 г. № 477 // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018).

⁴¹ Справка об ограничении времени продажи алкогольной продукции.

⁴² Закон Республики Мордовия о профилактике алкоголизма, наркомании и токсикомании в Республике Мордовия от 04 февраля 2009 г. № 11-3 // Консорциум «Кодекс» (дата обращения: 25.01.2018).

алкоголизмом и алкогольным психозом и случаев пагубного потребления алкоголя⁴³, который, однако, не является очень существенным.

В Республике Марий Эл алкогольная ситуация является менее благоприятной, поскольку численность зарегистрированных алкоголезависимых граждан выше, чем в Мордовии. Кроме того, регион отличается большим числом подростков с пагубным употреблением алкоголя (1 066,6 чел. на 100 тыс. подросткового населения)⁴⁴. По этому показателю Марий Эл занимает третье место в России после Курганской и Воронежской областей. Следует предположить, что такая негативная ситуация с подростковым потреблением алкоголя связана с отсутствием мягкой первичной профилактики и дополнительной антиалкогольной ограничительной политики в регионе. В то же время профилактические мероприятия были предусмотрены целевой программой, закончившей свое действие в первой половине 2014 г. Вместе с тем в республике наблюдается незначительное сокращение показателей общей (см. табл. 1) и первичной алкогольной заболеваемости, случаев пагубного употребления алкоголя населением⁴⁵. Следует предположить, что это достигнуто за счет федеральных ограничений продажи алкоголя, действующих на территории региона.

Итак, выявленные практики были объединены в следующие превентивные модели.

1. Формальная модель («Разнородная бессистемная профилактика, не соответствующая целям программы»; «Формальный подход к показателям превентивной деятельности»; «Признание безысходности ситуации с формальным подходом к ее преодолению»; «Преимущественно медико-ориентированная превенция алкоголизации населения с заявкой на комплексность»; «Формальная превенция алкоголизации населения»; «Сочетание силовой и медицинской модели социальной превенции алкоголизации населения»).

Для данной модели характерны в целом пессимистичный настрой в отношении преодоления алкоголизации населения, формальный подход к реализации мероприятий, связанный с отчетностью и привязкой к финансированию, отсутствие идейных принципов превентивной деятельности, несформированность ее идеалов для субъектов профилактики. Смысловое значение данной модели очень хорошо отражает мысль И. В. Журавлевой: «Отношение к общественному

⁴³ Киржанова В. В., Григорова Н. И., Киржанов В. Н. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2015–2016 годах. С. 129, 137, 155.

⁴⁴ Там же. С. 155.

⁴⁵ Там же. С. 129, 137.

здоровью характеризуется отсутствием государственной идеологии здоровья при доминировании интересов больных людей и вниманием к болезням, а не здоровью»⁴⁶.

2. Неустойчивая модель («Умеренное внимание к ситуации с резкой сменой приоритетов»).

Неустойчивая модель профилактики алкоголизации населения характеризуется резким переходом региона от сформированной системы профилактики к формальной модели. Это может быть связано как с недостаточным финансированием мероприятий, так и с переключением на реализацию других проектов и программ. Часто осуществление мер сопряжено с возможностями финансового обеспечения программных мероприятий, а при их отсутствии не сформирована заинтересованность в их осуществлении.

3. Информационная модель («Активная информационная политика»).

В рамках данной модели в регионах устанавливаются количественные и качественные параметры создания превентивных медиапродуктов (охват аудитории, хронометраж, экспертность и т. д.), сроки их внедрения, а также определяются конкретные каналы коммуникации, которые должны быть задействованы в превентивной деятельности. Для разработки соответствующих медиапродуктов привлекаются различные субъекты профилактики алкоголизации населения, разрабатываются технологии подачи информационных материалов.

4. Модель косвенного вмешательства («Косвенная профилактика, направленная на накопление социального капитала»).

Модель косвенного вмешательства отражает влияние на алкогольную ситуацию религиозных традиций, особенностей местной культуры, духовно-нравственного и военно-патриотического воспитания. С другой стороны, отсутствие какой-либо стратегии профилактики алкоголизации в регионе при перечисленных условиях является отрицательным фактором. В таких регионах отрицательный прирост алкогольной заболеваемости незначителен, поэтому наряду с косвенной профилактикой необходима реализация комплексной и ресурсной модели социальной превенции алкоголизации населения.

5. Комплексная модель («Комплексная профилактика с опорой на социальные капиталы»; «Комплексная мягкая профилактика с недостаточно жесткой ограничительной политикой»).

Модель подразумевает профилактику не только проблемного, но и нормативного потребления алкоголя, а также формирование

⁴⁶ Журавлева И. В. Отношение к здоровью индивида и общества. М.: ИС РАН; Наука, 2006. С. 14.

здорового образа жизни всеми доступными средствами и методами. Профилактика алкоголизации населения не концентрируется в поле деятельности только лишь узких специалистов, а является, в том числе, задачей ведомств, которые могут косвенно влиять на алкогольную ситуацию. В рамках комплексной модели поощряется сочетание мер профилактики различной направленности.

6. Ресурсная модель («Комплексная превенция алкоголизации населения, включающая накопление социального и культурного капиталов»; «Двойственная антиалкогольная профилактика, включающая формирование трезвого образа жизни и накопление социального капитала с одновременным лоббированием культуры потребления вина»; «Комплексная профилактика с направленностью на накопление социального капитала»).

Ресурсная модель профилактики алкоголизации населения подразумевает целенаправленное накопление преимущественно социальных капиталов через системы воспитания и образования, физкультуры и спорта, информационной политики, развития волонтерской деятельности и т. д. Поскольку от объема тех или иных капиталов, располагаемых индивидом, зависит его социальная позиция, ресурсная модель при созидательной направленности является наиболее востребованной из доступных в современном российском обществе.

7. Идеологическая модель («Многоканальная профилактика с опорой на патриотическое и духовно-нравственное воспитание»).

Идеологическая модель направлена на преодоление алкоголизации населения как социокультурной угрозы. Близка к ней косвенная модель, которая может обогатить идеологическим капиталом, способным ориентировать людей в целях, ценностях и нормах. Однако последняя не включает целенаправленные модели: ресурсную, комплексную и информационную. Напротив, идеологическая модель объединяет в себе ресурсную, комплексную и косвенную модели.

Обсуждение и заключения. Исходя из результатов качественного контент-анализа, регионам с низкими алкогелеобусловленными показателями характерны идеологическая, ресурсная, комплексная, информационная модели и модель косвенного вмешательства. Регионы с высокими показателями зарегистрированных случаев алкоголизма и алкогольного психоза демонстрируют свою принадлежность к формальной и неустойчивой моделям.

Регионам с благоприятными климатическими условиями для снижения уровня алкоголизации населения иногда достаточно приложить незначительные усилия, чтобы добиться запланированных результатов. Если же эти усилия значительны (Республика Ингушетия), то эффект превосходит все ожидания. Напротив, в регионах

с холодным климатом успех обеспечивается за счет целенаправленной всесторонней превентивной деятельности, опирающейся на совокупность программных воздействий, наделенных четким скоординированным механизмом.

При прочих равных условиях, регионы, опирающиеся в превентивной деятельности на накопление идеологических и социальных капиталов, информационную политику, комплексную, многоканальную, дифференцированную профилактику, сочетающие ее с дополнительной антиалкогольной ограничительной политикой, имеют наибольший успех в предотвращении алкоголизации населения. Идеология поощрения индивидуальных практик трезвости на социоструктурном уровне, их подкрепление социально-структурными идеологическими механизмами превенции алкоголизации населения может целенаправленно ориентировать население на ведение трезвого образа жизни.

Вместе с тем, вероятно, усиленная медицинская профилактика способна увеличивать продолжительность ремиссии алкоголезависимых и тем самым сокращать число зарегистрированных «больных», но при этом медицинская профилактика вряд ли влияет на первичную заболеваемость, особенно среди подростков 15–17 лет и в отношении «пагубного потребления алкоголя». Поэтому она скорее эффективна для случаев тяжелого пьянства. Косвенная, комплексная, ресурсно ориентированная и идеологическая профилактика в большей степени влияет на молодое поколение и тех, кто еще не является зависимым, но уже имеет проблемы с алкоголем. Если говорить не о снижении числа алкоголезависимых, а о снижении уровня потребления алкоголя в обществе, в том числе нормативного, то медицинская профилактика не способна быть серьезным фактором преодоления алкоголизации населения. Кроме того, в этом плане она часто носит формальный характер. Как отмечают Э. Фрейдзон и И. К. Зола, медицина подчинила себе функции социального контроля, что существенно влияет на общественное сознание и здоровье [8; 9].

Региональные паттерны потребления алкоголя имеют свою специфику в зависимости от климатических условий территории региона. Таким образом, существует пространственный градиент процесса алкоголизации населения в России, специфика которого должна учитываться при внедрении превентивных программ и проектов.

Проведенный контент-анализ показал, что обусловленность подверженности алкоголизации населения климатическими условиями региона может быть скорректирована комплексными превентивными воздействиями, направленными на накопление идеологического, со-

циального и культурного капиталов, обогащенными активной информационной политикой и косвенной профилактикой при обязательном присутствии дополнительной ограничительной политики в отношении алкоголя. Предполагается, что достижение наилучшего эффекта связано с внедрением идеологической модели, объединяющей лучшие практики ресурсной, комплексной, информационной и косвенной моделей профилактики алкоголизации населения при одновременном усилении рестриктивной политики региона в отношении алкоголя.

Результаты исследования можно использовать в процессе реконструкции региональных моделей социальной превенции алкоголизации населения. Вместе с тем исследование ограничено качественным анализом лишь части региональных официальных документов, также оно не учитывает профилактическую деятельность в регионах, которая проводится независимо от их содержания, а поэтому может быть продолжено в целях получения новых данных и совершенствования полученных выводов.

Статья предназначена для представителей органов законодательной и исполнительной власти, политиков, научных работников, преподавателей, специалистов по работе с людьми с девиантным поведением и молодежью, психологов, а также всех тех, кто интересуется темой антиалкогольной профилактики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Разводовский Ю. Е. Алкоголь как фактор регионального градиента уровня насильственной смертности в Беларуси // Тюменский медицинский журнал. 2017. Т. 19, № 1. С. 25–32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29206418> (дата обращения: 25.01.2018).
2. Мартынов М. Ю., Мартынова Д. Ю. Ситуация с алкоголизмом в северном городе // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 119–121. URL: http://www.isras.ru/socis_2011_07.html (дата обращения: 25.01.2018).
3. Корнекова С. Ю., Байкова Е. В. Потребление алкогольной продукции в современной России: региональный уровень // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. № 2 (98). С. 85–89. URL: <http://unecon.ru/izdaniya/zhurnal-izvestiya/arhiv-nomerov> (дата обращения: 25.01.2018).
4. Enoch M.-A., Albaugh B. J. Review: Genetic and environmental risk factors for alcohol use disorders in American Indians and Alaskan Natives // The American Journal on Addictions. 2017. Vol. 26, issue 5. Pp. 461–468. DOI: 10.1111/ajad.12420
5. Chartier K. G., Hesselbrock M. N., Hesselbrock V. M. Conclusion: Special issue on genetic and alcohol use disorder research with diverse racial/

ethnic groups: Key findings and potential next steps // *The American Journal on Addictions*. 2017. Vol. 26, issue. 5. Pp. 532–537. DOI: 10.1111/ajad.12585

6. Ramamoorthi R., Jayaraj R., Notaras L., Thomas M. Epidemiology, etiology, and motivation of alcohol misuse among Australian aboriginal and Torres Strait islanders of the northern territory: a descriptive review // *Journal of Ethnicity in Substance Abuse*. 2015. Vol. 14, issue 1. Pp. 1–11. DOI: 10.1080/15332640.2014.958642

7. Levine M. E., Duffy L. K., Bowyer R. T. Fatigue, sleep and seasonal hormone levels: implications for drinking behavior in northern climates // *Drugs & Society*. 2008. Vol. 8, issue 2. Pp. 61–70. DOI: 10.1300/J023v08n02_04

8. Freidson E. Profession of medicine: A study of the sociology applied knowledge. Chicago : University of Chicago Press, 1988. 420 p. URL: <http://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/P/bo3634980.html> (дата обращения: 25.01.2018).

9. Zola K. Medicine as an institution of social control // *Sociological Review*. 1972. Vol. 20, issue 4. Pp. 487–504. DOI: 10.1111/j.1467-954X.1972.tb00220.x

Поступила 28.02.2018; принята к публикации 30.03.2018; опубликована онлайн 29.06.2018.

Об авторе:

Белова Юлия Юрьевна, доцент кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет», (424000, Россия, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 3), докторант кафедры социологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2866-328X>, Researcher ID: N-4076-2016, juliya01@mail.ru

Для цитирования: Белова Ю. Ю. Модели социальной превенции алкоголизации населения в регионах России с различными климатическими условиями // *Регионология*. Т. 26, № 2. С. 314–337. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.314-337

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Razvodovsky Yu.E. Alcohol as a factor of spatial regularity of violent mortality in Belarus. *Tyumenskij meditsinskij zhurnal* = Tyumen Medical Journal. 2017; 19(1):25-32. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29206418> (accessed 25.01.2018). (In Russ.)

2. Martynov M.Yu., Martynova D.Yu. [The situation with alcoholism in a northern city]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2011;

7:119-121. Available at: http://www.isras.ru/socis_2011_07.html (accessed 25.01.2018). (In Russ.)

3. Kornekova S.Yu., Baikova E.V. The consumption of alcoholic beverages in the modern Russia: The regional level. *Izvestia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomiceskogo universiteta* = Bulletin of the Saint-Petersburg University of Economics. 2016; 2(98):85-89. Available at: <http://unecon.ru/izdaniya/zhurnal-izvestiya/arhiv-nomerov> (accessed 25.01.2018). (In Russ.)

4. Enoch M.A., Albaugh B.J. Review: Genetic and environmental risk factors for alcohol use disorders in American Indians and Alaskan Natives. *The American Journal on Addictions*. 2017; 26(5):461-468. DOI: 10.1111/ajad.12420

5. Chartier K.G., Hesselbrock M.N., Hesselbrock V.M. Conclusion: Special issue on genetic and alcohol use disorder research with diverse racial/ethnic groups: Key findings and potential next steps. *The American Journal on Addictions*. 2017; 26(5):532-537. DOI: 10.1111/ajad.12585

6. Ramamoorthi R., Jayaraj R., Notaras L., Thomas M. Epidemiology, etiology, and motivation of alcohol misuse among Australian aboriginal and Torres Strait islanders of the northern territory: A descriptive review. *Journal of Ethnicity in Substance Abuse*. 2015; 14(1):1-11. DOI: 10.1080/15332640.2014.958642

7. Levine M.E., Duffy L.K., Bowyer R.T. Fatigue, sleep and seasonal hormone levels: Implications for drinking behavior in northern climates. *Drugs & Society*. 2008; 8(2):61-70. DOI: 10.1300/J023v08n02_04

8. Freidson E. Profession of medicine: A study of the sociology of applied knowledge. Chicago: University of Chicago Press. 1988. 440 p.

9. Zola I.K. Medicine as an institution of social control. *Sociological Review*. 1972; 20:487-504. DOI: 10.1111/j.1467-954X.1972.tb00220.x

Submitted 28.02.2018; accepted for publication 30.03.2018; published online 29.06.2018.

About the author:

Yuliya Yu. Belova, Associate Professor of Department of Social Sciences and Technologies, Volga State University of Technology (3 Lenina Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russia), Doctoral Candidate, Department of Sociology, National Research Ogarev Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2866-328X>, Researcher ID: N-4076-2016, juliya01@mail.ru

For citation: Belova Yu.Yu. Models of Social Prevention of Alcohol Abuse in Russia's Regions with Different Climatic Conditions. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 27(2):314-337. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.314-337

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Образ Татарстана и стратегии его брендинга в представлениях и оценках населения региона

Г. И. Макарова

ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан»
(г. Казань, Россия),
makarova_guzel@mail.ru

Введение. Вступление регионов России в логику взаимной конкуренции стимулирует конструирование их узнаваемых брендов, в том числе выстраивание публичных этнокультурных образов.

Цель статьи – на примере Татарстана раскрыть, каким видят образ республики ее жители, как он соотносится с предлагаемым элитами и как это влияет на социальное самочувствие, солидаризацию различных групп населения в масштабах региона, страны. Актуальность работы связана со значимостью учета социокультурных последствий регионального брендинга.

Материалы и методы. Исследование осуществлялось методом опроса в городах и сельских районах Республики Татарстан. Опросу предшествовал анализ дискурса элит (экспертных интервью).

Результаты исследования. Опрос показал, что видение образа республики жителями Татарстана отражает основные тренды в ее репрезентации элитами. Выявлена в целом высокая оценка деятельности руководства Татарстана по формированию имиджа региона, хотя сами официальные бренды мало знакомы населению. Определена значимость для его различных групп большего внимания к социальным вопросам, к обеспечению максимально комфортного проживания в нем.

Обсуждение и заключения. Относительно высокий уровень социального самочувствия населения и степени самоотношения респондентами себя к региону, при сохранении приверженности государственно-гражданской общности, позволяет говорить об успешности стратегий регионального брендинга в Республике Татарстан. Материалы исследования, опыт Татарстана в использовании этнокультурного компонента при выстраивании его брендов может быть полезен другим регионам и ученым, занимающимся аналогичными разработками.

Ключевые слова: этнокультурный образ, региональный брендинг, властные и символичные элиты, этнокультурная стратегия, региональная идентичность, российская идентичность, Татарстан

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект №16-03-00071 а «Брендинг территории в условиях общероссийской интеграции: стратегии формирования этнокультурного образа Татарстана».

© Макарова Г. И., 2018

The Image of Tatarstan and the Strategy of its Branding in the Views and Judgments of the People of the Region

G. I. Makarova

Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia),
makarova_guzel@mail.ru

Introduction. Application of the logic of competition between the regions of Russia stimulates construction of their recognizable brands, including the building of public ethno-cultural images. The purpose of the article is to illustrate, using Tatarstan as an example, how the people living there perceive the image of the republic, how it compares with the one proposed by the elites, and how this affects the social well-being and solidarity of different population groups in the region and in the country. The work is of relevance because of the importance of taking into account the socio-cultural consequences of regional branding.

Materials and Methods. The study was conducted in the cities and rural areas of the Republic of Tatarstan and it employed the survey method. The survey was preceded by an analysis of the discourse of elites (expert interviews).

Results. The survey showed that the perception of the image of the republic by the residents of Tatarstan reflected the main trends in its representation by the elites. A generally high assessment of the activities of the leadership of Tatarstan on the formation of the image of the region was revealed, although the official brands themselves were not widely known to the population. The importance of paying more attention to social issues, to ensuring the most comfortable living in the region for various groups of its population has been indicated.

Discussion and Conclusions. The relatively high level of the social well-being of the population and the degree of self-referral of respondents to the region, while maintaining the commitment to the state-civil community, is indicative of the successful regional branding strategies in the Republic of Tatarstan. The materials of the study as well as the experience of Tatarstan in using the ethno-cultural component in building its brands can be useful to other regions and scientists involved in similar research.

Keywords: ethno-cultural image, regional branding, power and symbolic elites, ethno-cultural strategy, regional identity, Russian identity, Tatarstan

Acknowledgments. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 16-03-00071 a “Territory Branding in the Conditions of All-Russian Integration: Strategies for the Formation of the Ethno-Cultural Image of Tatarstan”.

Введение. В последние годы Республика Татарстан (РТ) привлекает к себе внимание инициативами элит по реализации социально-экономических и культурных проектов, проведению масштабных мероприятий, по выстраиванию образа и брендов территории, особая роль среди которых отводится публичным этнокультурным образам. Цель настоящего исследования – раскрыть, каким видят данный образ сами жители Татарстана: какие смыслы и ассоциации связаны с регионом у них, что значит для них «проживать в нем», «быть татарстанцем/

казанцем». Цель связана также с определением того, как ими – «рядовыми» пользователями, относящими себя к различным этнокультурным группам – воспринимаются усилия регионального руководства по его символизации, и как это сказывается на их чувстве и осознании тождественности с республикой, с Россией.

Изучение кейса Татарстана важно для понимания ситуации в российских регионах в целом, поскольку данный субъект РФ наиболее активен в конструировании имиджа и брендов территории, на его деятельность в этом направлении во многом ориентируются другие субъекты. Актуальность исследования обусловлена также тем, что республика в прошлом имела опыт «политизации этничности» рубежа 1980–90-х гг. Поэтому она может рассматриваться в качестве типичной и в то же время особенной социальной модели для изучения обозначенной проблемы, а полученные выводы могут быть полезны для остальных национально-территориальных образований России. Значимость темы стала тем более очевидной в свете последнего активного обсуждения в РТ этноязыковых вопросов, начатого после выступления Президента В. В. Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям в г. Йошкар-Ола 20 июля 2017 г.¹. Несмотря на то, что используемый в статье опрос проводился до упомянутого заседания, его результаты все же позволяют понять некоторые тенденции в современном социокультурном развитии территории, дадут возможность для сравнительного анализа и могут помочь в оптимизации стратегий республики по ее брендированию в контексте общероссийской интеграции.

Обзор литературы. Характерное для последних лет включение регионов России во взаимную конкуренцию простимулировало конструирование их узнаваемых брендов и соответственно рост интереса к данной теме специалистов различных областей знания. В странах Запада всплеск внимания к этой проблематике проявился еще в 1970-е гг.; тогда авторы рассматривали ее преимущественно с экономической точки зрения. Так, Ф. Котлер [1], С. Анхолт² трактуют брендинг как инструмент монетизации символического образа места; Д. Аакер, Э. Браун, Я. Эшуис [2] анализировали соответствующие эффекты формирования регионального и городского бренда. Из отечественных ученых подобное направление развивается И. С. Важениной [3], Д. В. Визгаловым³, А. В. Мазуренко⁴, О. М. Олефиренко [4] и др.

¹ Заседание Совета по межнациональным отношениям [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109> (дата обращения: 28.08.2017).

² Анхолт С. Брендинг: дорога к мировому рынку. М.: Кулиц-Образ, 2004.

³ Визгалов Д. В. Брендинг города. М.: Ин-т экономики города, 2011.

⁴ Мазуренко А. В. Формирование ключевых показателей оценки эффективности брендинга территорий: автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. СПб., 2014.

Сторонники политологического подхода раскрывают роль властей региона/страны в конструировании образов-брендов, проявление в стратегиях их репрезентации интенций властных и символических элит⁵. В качестве инструмента формирования конкурентоспособной идентичности нации и продвижения страны на глобальном рынке их исследуют С. Анхолт, В. А. Горохов, М. Каваратзис, как механизм достижения социального консенсуса – С. Броунинг [5] и др. Применительно к России и ее конкретным территориям данная тематика анализируется В. Я. Гельманом [6], О. Б. Подвицевым [7], М. В. Назукиной и некоторыми другими учеными.

В свою очередь, географы и этнологи занимаются изучением геокультурных и этнокультурных оснований формирования региональных имиджей-брендов⁶ [8–10]. Некоторые авторы рассматривают репрезентируемые образы как послание населению, средство конструирования региональной идентичности (О. А. Богатова [11], Г. И. Макарова⁷, Г. Л. Тульчинский [12] и др.).

Трудности при изучении регионального брендинга заключаются в том, что представители различных научных сфер понимают его по-разному. Многие публикации представляют собой обсуждения, направленные на выработку конкретных программ, связанных с развитием территорий, туризмом или менеджментом; концептуальные выводы в них встречаются редко.

В данной статье сконцентрируем внимание на рассмотрении социокультурных последствий реализуемых в Татарстане стратегий конструирования его образов и брендов, на анализе того, насколько видение республики представителями разных социокультурных групп связано или отличается от предлагаемого властями, на уточнении восприятия ими региона и установок на то, чтобы остаться в нем / уехать, на раскрытии проявлений в этом контексте их региональной и российской идентичностей. Подобный ракурс по отношению к другим территориям РФ разрабатывают О. А. Богатова [11], О. Н. Чиркова [13], В. П. Воробьев, О. Л. Голубовская [14] и другие

⁵ Об их понимании см.: Мухаметшина Н. С. Трансформации национализма и «символическая элита»: российский опыт: автореф. дисс. ... д-ра полит. наук. Самара, 2004.

⁶ Культура и пространство. Книга первая. Образы российских республик в Интернете / под ред. В. К. Мальковой, В. А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2009; Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / под ред. В. К. Мальковой, В. А. Тишкова. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2012.

⁷ Макарова Г. И. Стратегии формирования этнокультурного образа Татарстана в контексте укрепления российской гражданской нации // Этносоциология вчера и сегодня / отв. ред. и сост.: Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 255–260.

авторы⁸. При этом мы будем придерживаться широкой трактовки регионального брендинга – как процесса формирования позитивного имиджа территории. Однако будет анализироваться и отношение населения к официальным брендам РТ, т. е. к тому, что связано с брендингом в узком его толковании – как коммодифицированного образа, представленного в логотипах.

В понимании природы изучаемых образов мы опираемся на теоретические подходы, разработанные П. Бурдые [15]. «Идею» региона (по сути его образ) он трактует как конструируемую в борьбе разных политических и интеллектуальных сил, особо подчеркивая роль «объективированных репрезентаций», т. е. «манифестирования» себя для других и для самих себя (что и составляет суть регионального брендинга). Данные репрезентации, в свою очередь, могут, согласно П. Бурдые, «породить в реальности те самые вещи, которые они представляют» [15, с. 55], в том числе способствовать созданию образа территории в сознании населения. В связи с этим ученый предлагает выйти «за пределы оппозиции между репрезентацией и реальностью» [15, с. 50], подчеркивая, что они неразрывно связаны друг с другом.

Материалы и методы. Изучение формирования образа Татарстана с позиции его жителей проходило с помощью опроса. Он проводился в мае – июне 2017 г. и охватил 850 чел. 18–59 лет⁹ (генеральная совокупность¹⁰ – население РТ указанного возраста на начало 2016 г. – 2 317 889 чел.). Использовалась многоступенчатая стратифицированная выборка.

На первом этапе было воспроизведено соотношение городского и сельского населения республики¹¹. Среди городов отобраны: Казань – крупнейший город (миллионник), столица РТ, экономический, политический и культурный центр со смешанным населением; Набережные Челны – крупный (свыше 500 тыс. чел.) относительно молодой город, промышленный центр со смешанным национальным составом; Альметьевск – большой город (более 150 тыс. чел.), центр нефтяной промышленности,

⁸ См., напр.: Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля / И. В. Задорина [и др.]. М., 2016.

⁹ Взрослое население активного возраста, которого в наибольшей мере касаются проекты, проводимые региональными властями в изучаемом направлении.

¹⁰ Генеральная совокупность была рассчитана на основе таблицы «Распределение численности населения Республики Татарстан по полу и возрастным группам на 1 января 2016 года», размещенной на сайте Территориального органа Федеральной службы Государственной статистики по Республике Татарстан. URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/ru/statistics/population (дата обращения: 06.04.2017).

¹¹ Городское население региона (указанного возраста) составило в названный период 78 % от генеральной совокупности, сельское – 22 %.

больше половины населения которого – татары; Чистополь – средний (более 60 тыс. чел.) старый город региона с преимущественно русским населением; Буинск – малый (более 20 тыс. чел.) относительно старый город со смешанным населением при преобладающей доле татар¹². Также были опрошены жители п. Васильево, где преобладают русские. Тем самым выбор конечных единиц отбора среди городов осуществлялся на основе: их типа по численности; представленности различных экономических зон Татарстана (Казанской, Набережночелнинской агломераций, Юго-восточной, Закамской и Предволжской зон соответственно); их этнического состава и культурно-исторической специфики.

Кроме того, опрос охватил жителей сел Арского, Кукморского (большинство населения – татары) и Верхнеуслонского районов (большая часть – русские). Выбор двух районов с преимущественно татарским населением и одного с преимущественно русским позволил воспроизвести пропорции татар, русских и других национальностей в сельском населении республики (по переписи 2010 г. татары составляли здесь 67 %, русские – 21, другие национальности – 12 %). Таким образом, в основу их отбора был положен принцип расселения представителей наиболее многочисленных этнических групп РТ.

На второй ступени выборки применялся квотный отбор по ряду критериев: возрасту, полу, уровню образования и национальности (предполагаемой этнической идентичности). Анкета включала блоки вопросов:

- касающихся представлений населения о республике, ее столице и татарстанцах, о ее символах;
- связанных с оценками усилий местного руководства по формированию образа и брендов территории;
- направленных на выяснение отношения респондентов к региону, городу/селу, в котором они проживают, их региональной и общероссийской идентичностей.

Предшествующее анкетированию изучение стратегий элит РТ¹³ позволило представить его контекст и провести параллели между конструируемым ими и складывающимся в сознании самих жителей Татарстана образом.

Результаты исследования. Опрос подтвердил гипотезу о том, что видение образа республики населением в целом отражает основные

¹² Национальный состав населения Республики Татарстан. URL: <http://www.tatstat.ru/VPN2010/DocLib8/Forms/AllItems.aspx> (дата обращения: 10.04.2017). Согласно результатам той же переписи, к татарам отнесли себя 53,2 % населения Татарстана, к русским – 39,7 %; на долю других этнических групп пришлось 7,1 %.

¹³ В рамках проекта РФФИ (16-03-00071 а) были проведены экспертные интервью, дискурс-анализ официальных документов и речей руководства РТ, буклетов, видеороликов и телепередач о Татарстане и Казани.

тренды современных стратегий ее репрезентации местными элитами. В том числе это касается выдвижения на первый план социально-экономических характеристик территории при сохранении значимости этнокультурных. Так, отвечая на вопрос «Татарстан – какой он для Вас?», примерно равные доли респондентов – если сложить показатели по соответствующим характеристикам – выбрали варианты, связанные с его социально-экономическим и этнокультурным развитием (предлагалось отметить не более двух вариантов). К первой группе можно отнести всех, кто выделил «стабильный» (33 %), «инновационный» (20), «комфортный для проживания, безопасный» (18), туристический (14 %); ко второй – «многонациональный» (30 %), «толерантный» (22), «татарский/мусульманский» (13), «многоконфессиональный» (9), «светский» (5), «русский/православный» (1 %). Несомненно, это связано с влиянием происходившей в 2000-е гг. постепенной переориентации внимания властей РТ (как и других республик в составе РФ) с вопросов отстаивания политического статуса республики, в том числе путем артикуляции ее этнокультурной самобытности, на экономические задачи (привлечения инвестиций, развития новых технологий, инфраструктуры и туризма).

Распределение ответов респондентов, отметивших этнические и конфессиональные особенности региона, показало, что среди них наиболее востребованы продвигаемые сегодня на официальном уровне идеи его многонациональности (30 % русских, 29 – татар, 34 – представителей других национальностей) и толерантности (22, 21 и 26 % соответственно) (десятая доля всех опрошенных также выделила «многоконфессиональность»). 17 % татар указали, что республика – «татарская/мусульманская». В этом также в определенной мере отражены стратегии элит РТ, параллельно с названными, продвигающих его идею как центра татарской культуры, точки притяжения татар всего мира. Республиканские элиты в своей нынешней политике пытаются совместить два варианта «управления региональной идентичностью» (выделены О. А. Богатовой [11]): репрезентацию культурного многообразия республики, с одной стороны, и сохранение элементов этнизации, реализующейся сегодня в Татарстане больше в форме поддержки инициатив общественных организаций, – с другой.

Схожими были и ответы на аналогичный вопрос об образе (имидже) Казани: видят ее «третьей столицей» страны около половины всех респондентов (44 % татар, 56 – русских и 40 % – представителей других этнических групп), «спортивной столицей России» – четвертая их часть (26, 24 и 25 % соответственно); «комфортным для проживания городом» – пятая их доля (18, 21 и 23 %). Представленные

характеристики вновь связаны в основном с социально-экономическим развитием главного города республики; в них же – признание ее включенности в общероссийские контексты. В то же время примерно равная часть опрошенных отметили что, Казань – это «многонациональный (мультикультурный) город» (12 %); «место пересечения Востока и Запада, Европы и Азии» (12), «пространство диалога татарской и русской культур» (8 %). Для 14 % всех респондентов Казань – это «центр развития татарской культуры, столица всех татар»¹⁴, для 9 % – «центр исламской культуры в России».

Ответы на открытый вопрос о символах, с которыми ассоциируется Татарстан, обнаружили эффективность технологий продвижения региональными элитами его официальной символики (к примеру, популяризации изображенного на гербе Татарстана Ак Барса способствует то, что его имя носит известная хоккейная команда). Так, 39% татар, 32 % русских и 37 % представителей других национальностей выделили официально утвержденные знаки, связанные с территорией и ее столицей. В том, что около четверти респондентов, относящих себя к разным этническим группам, обозначили элементы татарской национальной культуры (чак-чак, тубетейку и др.), в чем можно усмотреть влияние этнокультурной политики 1990-х – начала 2000-х гг. с характерным для нее выдвижением на первый план задач сохранения и развития культуры татар, а также артикуляции ее этнокультурной специфики в современном брендинге. Это подтверждается тем, что около 15 % опрошенных назвали следующие связанные с татарской/мусульманской культурой сооружения: мечеть Кул Шариф, башню Сююмбике, Булгарское городище и др.

Приведенные данные позволяют провести параллели с другими республиками РФ. В частности, к выводу о том, что «“этническое” (мордовское) является основой для региональной символично-смысловой системы идентичности жителей» Мордовии, пришли в ходе ее исследования А. С. Солдатов и Е. В. Ширманов [17, с. 51]. О. А. Богатова пишет о в целом позитивной оценке информантами «символических... технологий этнизации республиканской идентичности» в части ее репрезентации в публичном пространстве (согласно данным фокус-групп) [11, с. 68]. В обозначенном контексте лишь 4 % русских и 1 % татар указали среди символов РТ те, что относятся к русской и православной культуре; 10 % всех опрошенных

¹⁴ В ходе опроса 2013 г., проводившегося с нашим участием среди посетителей мероприятий Культурной Универсиады (n = 418), 34 % татар и 17 % русских среди предлагаемых характеристик столицы республики также выбрали «Казань – это центр татарской государственности и столица всех татар» [16].

отметили Казанский кремль, где мусульманская и православная, русская и татарская культуры соседствуют.

Среди людей и персонажей, с которыми ассоциируется регион, наиболее часто упоминались первый президент РТ М. Ш. Шаймиев – 23 % (чаще он назывался татарами (26 %), статус которых существенно поднялся в период его правления)¹⁵ и нынешний Президент Татарстана Р. Н. Минниханов – 18 % всех респондентов. Это говорит о достаточно высоком уровне популярности среди населения официальных лиц республики. Одновременно у 30 % опрошенных, относящих себя к разным национальностям, территория ассоциируется с деятелями татарской культуры, науки (Г. Тукаем, М. Джалилем и др.) и татарскими представителями современной российской культуры, у 15 % – с героями татарских сказок и легенд (Шурале и др.). Лишь 3 % участников опроса написали имена представителей русской/российской культуры, науки, истории, чья деятельность связана с регионом (Д. Менделеева, А. Бутлерова, М. Горького, М. Цветаевой и др.).

Подробнее остановимся на рассмотрении того, насколько выстраиваемые элитами РТ официальные бренды отвечают видению жителей республики. В последние годы здесь были созданы две программы: «Наследие Татарстана» (2014 г.) и Visit Tatarstan (2016 г.). В первой, декларируемой как обобщение понимания татарстанцами себя, сформулированы важные качества, направленные на мобилизацию населения на решение задач модернизации: скорость, пытливость, чутье, устремленность, выносливость, мастерство, упорство; сакцентированы значимые для «сохранения» культурной самобытности региона свойства: достоинство, единство, традиция. Их призваны закрепить и разработанные логотипы: скачущий лучник-кочевник, явно отсылающий к предыстории татар, а также элемент характерного для них орнамента – тюльпан. Visit Tatarstan позиционируется как образ республики «вовне». Он выстраивается вокруг идей открытости (распахнутые ворота башни Сююмбике), гостеприимства («Татарстан – заботливый как мама»), разнообразия впечатлений («1001 удовольствие») и культурной отличительности (айдентика бренда).

Данные опроса показали, что население региона мало знакомо с содержанием вышеуказанных брендов. «Наследие Татарстана» хорошо знают 18 % респондентов, Visit Tatarstan – 10 %. Половина опрошенных в первом случае и более трети во втором что-то

¹⁵ Здесь вновь можно провести параллели с Мордовией, где участниками фокус-групп нередко называлось имя экс-главы республики Н. И. Меркушкина [17, с. 58].

слышали о разработанных программах; более их четверти и половины соответственно ничего не могут сказать о них. Вопросы, касающиеся их визуального воплощения (респондентам показывали иллюстрации) дали близкие результаты. Более четверти респондентов признались, что впервые видят представленные им изображения, связанные с «Наследием Татарстана», две пятых – с Visit Tatarstan. Таким образом, формируя бренды, элиты региона не предприняли должные шаги по их популяризации среди самих жителей.

С другой стороны, создателям программ удалось отразить в них некоторые современные представления татарстанцев о себе (хотя сами эти представления, по П. Бурдые, уже в определенной мере являются результатом всей осуществляемой элитами деятельности по репрезентации их образа). Среди отмеченных при ответе на вопрос «Татарстанцы – они, по-Вашему, какие?» вариантов на первые позиции вышли: «целеустремленные, активные, предприимчивые» (30 %) и «работоспособные, выносливые» (26 %) – т. е. качества, идентичные выделяемым в «Наследии Татарстана». Указывалась и значимая для развития туристической дестинации характеристика (культивируемая в последние годы в жителях региона, особенно среди молодежи, в связи с проведением мегасобытий) – «гостеприимные, дружелюбные» (27 %). С небольшим отставанием идут варианты «любящие свою землю, сохраняющие традиции» – 24 % и «толерантные, готовые принять человека другой национальности, религии» – 23 %.

Интересна обнаруженная при этом разница в позициях относящих себя к различным этническим группам. Так, представители других национальностей (не русские и не татары) чаще указывали, видимо, более значимые для них качества – «толерантные...» (31 %) и «гостеприимные, дружелюбные» (32 %). Татары оказались в большей мере готовыми назвать татарстанцев «культурными, интеллигентными» – 26 % (среди русских таковых было 15 %, среди других национальностей – 18 %). Показательно, что в ходе интервью некоторые эксперты из числа представителей титульной группы стремились подчеркнуть именно эту черту по отношению к самим татарам.

Среди связанных с брендами визуальных образов, предлагаемых для оценки, в наибольшей мере соответствующим представлению респондентов о регионе оказался используемый в «Наследии Татарстана» мотив традиционного татарского орнамента в виде тюльпана. В качестве такового его определили большинство опрашиваемых – 73 % татар, 70 % русских, 66 % представителей других национальностей. Последнее подтверждает обозначенный выше тезис о том, что многие

русские и представители других проживающих в РТ народов готовы сегодня принять элементы культуры титульной группы в качестве символов территории. Осовремененный вариант тех же цветочно-растительных мотивов, продвигаемый Visit Tatarstan, признала ощутимо меньшая доля участников опроса – 56, 40 и 52 % соответственно. Оценили находку в виде открывающихся ворот башни Сююмбике, образующих букву «Т», 61 % татар, 55 % русских и 66 % представителей других национальностей; всадника с луком (свящаемого с золотоордынскими корнями татар, артикулируемыми в последние десятилетия) – 56, 55 и 63 % опрошенных соответственно.

Значимым инструментом брендинга Татарстана стала в последние годы и его репрезентация в ходе мегасобытий (Универсиада – 2013, Чемпионат мира по водным видам спорта – 2015, Чемпионат мира по футболу – 2018, WorldSkills – 2019 и др.). Положительно и скорее положительно относятся к их проведению 87 % представителей различных этнических групп (в данном случае их мнения практически совпали), причем половина опрошенных дала однозначно позитивный ответ. Десятая их часть (11 %) указали, что им все равно; и только 2 % ответили отрицательно.

В преддверии Чемпионата мира по футболу – 2018 было также важно узнать мнение населения о возможном влиянии данного международного события на образ/имидж региона. Наиболее популярными оказались ответы «будет способствовать экономическому развитию республики / развитию спорта, спортивной инфраструктуры» (46 %) и содействовать увеличению «популярности Татарстана, привлечению туристов» (43 %). То, что это приведет к росту «чувства гордости его жителей за республику», признали четверть опрошиваемых (25 %). Одновременно 6 % принявших участие в исследовании вновь посчитали, что событие «вызовет негативную реакцию в связи с дополнительными финансовыми тратами и неудобствами», а еще 5 % указали, что это никак не скажется на имидже/бренде региона.

Таким образом, опрос подтвердил выводы, полученные нами еще в 2013 г. (в период проведения универсиады в г. Казани [16]), о в целом положительном отношении населения к проводимой в республике проектной политике.

Определенный интерес в связи с изучаемой проблематикой представляют ответы респондентов на вопрос об открытии в Татарстане Иннополиса – наукограда, направленного на развитие современных технологий. Большинство опрошенных с воодушевлением оценили его перспективы, указав, что это будет способствовать привлечению

в регион молодых образованных специалистов (44 %) и повышению рейтинга Татарстана (36 %). Еще 10 % отметили, что открытие наукограда даст дополнительные возможности для заработка. Тем не менее мы вновь имеем около десятой доли тех, кто выразил несогласие с данной стратегией региональных властей, отметив вариант ответа «не понимаю, зачем тратить деньги, лучше бы их пустили на другие нужды».

Отношение различных групп населения к своему проживанию на территории Татарстана может трактоваться как косвенный показатель соответствия стратегий региональных властей, в том числе осуществляемой ими имиджевой политики, ожиданиям и устремлениям жителей. По данным опроса, уровень удовлетворенности проживанием в регионе наиболее высок у представителей так называемой титульной группы республики: 75% татар ответили положительно на вопрос о том, нравится ли им жить в Татарстане; у русских этот показатель составил 65 %, у других национальностей – 57 %. Последнее в определенной мере может трактоваться как следствие названной выше политики «этнизации региональной идентичности» [11]. Тем не менее если суммировать ответы «да» и «скорее да», мы получим абсолютное большинство респондентов – 97, 92 и 90 % соответственно.

Результаты ответа на вопрос, почему респондентам нравится жить в республике, показали схожесть мотивации опрошиваемых, относящих себя к разным этносам. Однако и здесь имеются различия (табл. 1). В частности, для татар более значима привязка к месту, к родным и друзьям; ими чаще указывалось, что здесь живут люди их национальности и есть возможности для сохранения своего языка и культуры. Русские же, как и представители других народов, чаще татар выбирали варианты ответов, связанные с преимуществами экономического и социального развития территории.

Свидетельством в целом позитивного социального самочувствия населения РТ является тот факт, что большинство опрошенных не готовы переехать в другие регионы России. Так, если представится возможность, переехать в Москву, Санкт-Петербург, другой регион России либо за границу согласны лишь 16 % татар, 22 % русских и 18 % представителей других этносов. Только 5 % татар, 10 % русских и представителей других национальностей отметили, что не хотели бы или скорее не хотели бы, чтобы их дети жили и работали в Татарстане.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Если Вам нравится жить в Татарстане, то почему?» (2017 г.), %

Table 1. Distribution of answers to the question “If you like to live in Tatarstan, specify why?” (2017), %

Варианты ответов / Answer choice	Татары / Tatars	Русские / Russians	Другие национальности / Other ethnic groups
Я здесь родился и вырос / I was born and grew up here	59,4	48,3	44,1
Это развитый в экономическом плане регион / This is an economically developed region	17,9	21,8	20,4
Здесь относительно высокий уровень жизни, зарплата / Living standards and salaries are relatively high here	11,9	16,8	18,3
В регионе в мире и дружбе живут представители различных народов, религий / People of various ethnic groups and religions live in this region in peace and friendship	12,2	11,2	17,2
Здесь живут мои родственники, друзья / My relatives and friends live here	37,2	28,7	29,0
Здесь живут представители моей национальности, есть возможности для сохранения языка и культуры моего народа / People of my ethnic group live here; there are opportunities for preserving the language and culture of my ethnic group here	21,1	10,9	14,0
В республике созданы комфортные условия для жизни, отдыха, развлечения, занятий спортом, воспитания детей / There are comfortable conditions for life (for recreation, entertainment, sports, raising children) in the Republic of Tatarstan	14,0	22,1	22,6
Это инновационный регион, центр развития современных технологий / It is an innovative region, a center for the development of modern technologies	5,7	5,9	3,2
Людей, которые здесь живут, мне легче понять, а им понять меня / It is easier for me to understand the people living here, and for them to understand me	7,6	4,7	7,5
Здесь больше возможностей для получения образования / There are more educational opportunities here	2,8	1,6	1,1
Другое / Other	0	0,9	1,1
Затрудняюсь ответить / Not sure	2,3	1,6	4,3
Вопрос не задавался ¹⁶ / The question was not asked	2,5	5,9	4,3

¹⁶ Вопрос не задавался респондентам, ответившим, что им не нравится жить в Татарстане.

Оценка участниками исследования деятельности руководства региона по продвижению его привлекательного образа составила в среднем семь баллов из десяти (у всех этнических групп). Это демонстрирует лояльность населения территории ее властям и одновременно показывает, что здесь есть возможности для дальнейшего роста. Так, при ответе на открытый вопрос о том, что еще можно сделать в данном направлении, по 11 % респондентов написали о важности решения разного рода социальных проблем и развитии инфраструктуры, транспорта, качества услуг. Это говорит о том, что некоторым жителям республики не хватает внимания к их насущным повседневным нуждам. Еще 11 % указали на необходимость дальнейшего развития в регионе туризма, спорта, проведения мегасобытий и рекламных компаний, презентующих его вовне.

В завершение анализа охарактеризуем результаты анкетирования, касающиеся региональной и российской идентичностей. Для населения Татарстана свойственна значительная степень их актуализации. На вопрос «Ощущаете ли Вы единство с республикой?» «да» и «скорее да» ответили 91 % татар, 80 % русских и 84 % представителей иных этнических групп. Однако резерв для совершенствования есть. Во-первых, ответили положительно лишь 51 % татар, 35 % русских и 35 % представителей других национальностей (подобная большая степень «республиканской идентификации» относящих себя к титульной национальности характерна и для других регионов России [11, с. 57]). Во-вторых, 13 % русских, 9 % представителей других национальностей и 4 % татар указали, что не чувствуют общности с Татарстаном. Возможно, их не устраивает политика властей и ее реализация. Относительно обстоятельств проявления региональной идентичности отметим, что опрошенные ощущают единство с территорией, когда на ней «происходят значимые международные события (Универсиада и пр.)» и когда речь идет «о памятных для республики исторических датах» – 30 % респондентов; «когда слышат о достижениях в области культуры, науки, искусства» – 25 % опрошенных; когда говорится об успехах «спортсменов и спортивных команд» РТ – 20 % (предлагалось отметить любое число ответов).

Исследование продемонстрировало высокую степень приверженности жителей республики государственно-гражданской общности. Отвечая на аналогичный вопрос относительно единства со страной, с Россией, «да» и «скорее да» указали 89 % татар, 86 % русских и 83 % респондентов других национальностей. Причем здесь половина опрошенных всех этнических групп однозначно выделила положительный ответ, отрицательно ответили только 2 %. Среди обстоятельств, при которых возникает это чувство, назывались

в первую очередь: «памятные исторические даты (победа в Великой отечественной войне и др.)» – 40 % опрошенных; «значимые международные события (Олимпиада, Чемпионат мира по футболу и др.)» – 30 % респондентов; выступления «политиков, министров, в которых говорится о наших успехах в международной политике» – 30 %. Причем ответы на данный вопрос обнаружили высокую степень консолидированности мнений представителей различных этнических групп РТ.

Анкетирование показало, что инициативы элит в области формирования регионального образа и брендов в целом не препятствуют общероссийской интеграции. Хотя при сравнительной постановке вопроса была замечена разница в соотношении макро- и локальной идентичностей у татар и русских Татарстана (для первых на передний план несколько чаще выходит региональная идентичность, для вторых – российская).

Обсуждение и заключения. Резюмируя вышеизложенное, сделаем ряд выводов.

1. Исследование подтвердило гипотезу о том, что видение образа республики, соотношение его составляющих у различных групп населения в целом отражает основные тренды в стратегиях региональных элит второго десятилетия XXI в., в том числе выдвижение на первый план социально-экономических характеристик региона при сохранении значимости этнокультурных. Среди последних наиболее востребованной является декларируемая в настоящий период местными властями его трактовка как «многонационального» и «толерантного», хотя для некоторой доли татар остается важной выдвинутая еще в 1990-е гг. идея территории как центра развития татарской культуры, места притяжения всех татар.

2. Региональным элитам в целом удалось воспроизвести представления жителей Татарстана о самих себе в конструируемых имиджах и брендах, направив их на модернизацию социума. Находит отклик населения и стремление сохранить традиции при выстраивании современных стратегий развития. Однако, предприняв шаги по созданию официальных брендов, местные власти не позаботились в должной мере о том, чтобы их знали и продвигали сами татарстанцы. В ходе исследования стала очевидной значимость дальнейших мер по их популяризации в республике.

3. Оценки респондентами визуального воплощения и логотипов брендов продемонстрировали готовность большей части населения принять в качестве таковых элементы татарской культуры. Об этом говорят и ответы на вопрос о символах и персонажах, с которыми ассоциируется Татарстан.

4. Опрос свидетельствует об относительно высоком (на период его проведения) уровне социального самочувствия жителей республики и поддержки ими усилий элит по формированию образа и имиджа региона. Однако обнаружена некоторая разница в факторах позитивной оценки этих усилий представителями различных этнических групп, прежде всего наиболее многочисленных в республике татар и русских: первыми ощутимо чаще, чем русскими, выделялись в качестве таковых возможности развития в РТ их языка и культуры. Респондентами также указывалась необходимость большего внимания территориальных властей к социальным вопросам, чтобы сделать проживание в регионе максимально комфортным. Это подсказывает пути дальнейшего совершенствования стратегий руководства РТ в изучаемом направлении.

5. Абсолютное большинство опрошенных в той или иной мере ощущают единство с республикой. В целом это не противоречит высокой степени приверженности жителей республики государственно-гражданской общности.

Проведенное исследование позволило раскрыть социальные эффекты осуществляемых в Татарстане шагов по брендированию территории. Выявленные позитивные моменты и противоречия могут быть полезны при выстраивании стратегий управления этнорегиональным развитием как в самом Татарстане, так и в других регионах России. В ходе осуществления проекта стала очевидной необходимость рассмотрения политики формирования локальных образов и брендов РТ, дополняющих и конкретизирующих региональный.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Kotler P., Haider D. H., Rein I. Marketing places: Attracting investment, industry, and tourism to cities, states, and nations. New York : The Free Press, 1993. URL: https://books.google.ru/books/about/Marketing_places.html?id=luTtAAAAMAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 07.09.2017).
2. Eshuis J., Braun E., Klijn E. H. Place marketing as governance strategy: An assessment of obstacles in place marketing and their effects on attracting target groups // Public Administration Review. 2013. Vol. 73, issue 3. Pp. 507–516. DOI: 10.1111/puar.12044
3. Важенина И. С. Имидж и репутация территории как основа продвижения в конкурентной среде // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 6. С. 82–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-i-brend-regiona-suschnosti-osobennosti-formirovaniya> (дата обращения: 07.09.2017).
4. Олефиренко О. М., Карпищенко М. Ю. Проблемы теории и практики брендинга территорий на примере концепции формирования бренда

Сумской области // Маркетинг и менеджмент инноваций. 2011. № 4-2. С. 30–40. URL: http://mmi.fem.sumdu.edu.ua/ru/journals/2011/4_2/30-40 (дата обращения: 11.09.2017).

5. Browning C. S. Nation branding, national self-esteem, and the constitution of subjectivity in late modernity // *Analysis*. 2015. Vol. 11, issue 2. Pp. 195–214. DOI: 10.1111/fpa.12028

6. Гельман В. Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2003. Том VI, № 2. С. 91–105. URL: http://jourssa.ru/?q=ru/2003_2 (дата обращения: 11.09.2017).

7. Подвинцев О. Б. Политика региональной идентичности в Пермском крае: новые внешние вызовы // *Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований*. 2016. № 5. С. 86–91. URL: <https://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2016/12/Podvintsev.pdf> (дата обращения: 11.09.2017).

8. Замятин Д. Н. Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы // *Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований*. 2013. № 5. С. 11–23. URL: <https://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2016/12/Podvintsev.pdf> (дата обращения: 11.09.2017).

9. Романова Е. Н., Игнатъева В. Б. Якутский национальный праздник Ысыах в ситуации перехода: исторический миф, этнокультурный образ и современный праздничный нарратив // *Этнографическое обозрение*. 2011. № 4. С. 29–40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16691428> (дата обращения: 11.09.2017).

10. Рыжакова С. И. «Сделано в Латвии»: к вопросу об этнокультурных особенностях национальных брендов // *Этнографическое обозрение*. 2009. № 3. С. 159–184. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12227434> (дата обращения: 11.09.2017).

11. Богатова О. А. Социальные технологии управления республиканской и российской идентичностью в оценках населения Республики Мордовия: опыт качественного социологического исследования // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2017. Т. 1, № 1. С. 54–70. URL: <http://ru.sociology.vestnik.udsu.ru/archive/show/7-2017-1-6> (дата обращения: 11.09.2017).

12. Тульчинский Г. В. Брендинг как социальное партнерство и консолидация городского социума // *Экономика. Налоги. Право*. 2013. № 6. С. 76–80. URL: <http://www.fa.ru/org/div/edition/enp/Pages/archive.aspx> (дата обращения: 13.09.2017).

13. Чиркова О. Н., Богатова О. А. Формирование этнокультурного образа Республики Мордовия в региональном брендинге // *Регионоведение*. 2013. № 3. С. 72–79. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1145> (дата обращения: 13.09.2017).

14. Воробьев В. П., Голубовская О. Л., Еремина Е. В. Роль региональных брендов в формировании региональной идентичности и имиджа территории // *Власть*. 2014. № 11. С. 122–127. URL: http://www.isras.ru/vlast_2014_11.html (дата обращения: 13.09.2017).

15. Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 49–60. URL: <https://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?idlang=2&state=shown&idnumb=18> (дата обращения: 13.09.2017).

abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?idlang=2&state=shown&idnumb=18 (дата обращения: 13.09.2017).

16. Яцык А. В., Макарова Г. И. Культурная универсиада – 2013 в оценках ее посетителей и участников [Электронный ресурс] // *Гуманитарные науки в XXI веке*. 2014. № 3. С. 87–96. URL: http://humanist21.kgasu.ru/files/N3-YUcykMakarova_KGASU-Kulturnaya-Universiada-2013.pdf (дата обращения: 02.09.2017).

17. Солдатова А. С., Ширманов Е. В. Соотношение общенационального, этнического и регионального в идентичности жителей Мордовии (по материалам прикладного исследования) // *Ars administrandi*. 2015. № 1. С. 51–60. URL: <http://ars-administrandi.com/abstracts.php?id=441> (дата обращения: 02.09.2017).

Поступила 05.03.2018; принята к публикации 13.04.2018; опубликована онлайн 29.06.2018.

Об авторе:

Макарова Гузель Ильясовна, ведущий научный сотрудник Отдела этнологических исследований ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, Россия, г. Казань, ул. Батурина, д. 7), доктор социологических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3912-0961>, Researcher ID: A-8213-2018, makarova_guzel@mail.ru

Для цитирования: Макарова Г. И. Образ Татарстана и стратегии его брендинга в представлениях и оценках населения региона // *Регионоведение*. 2018. Т. 26, № 2. С. 338–357. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.338-357

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

2. Eshuis J., Braun E., Klijn E.H. Place marketing as governance strategy: An assessment of obstacles in place marketing and their effects on attracting target groups. *Public Administration Review*. 2013; 73(3):507-516. DOI: 10.1111/puar.12044

3. Vazhenina I.S. [The image and reputation of a territory as the basis for promotion in a competitive environment]. *Marketing v Rossii i za rubezhom = Marketing in Russia and Abroad*. 2006; 6:82-98. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-i-brend-regiona-suschnost-i-osobennosti-formirovaniya> (accessed 07.09.2017). (In Russ.)

4. Olefirenko O.M., Karpishchenko M.Yu. Theoretical and practical problems of territorial branding at the example of Sumy region brand forming. *Marketing i menedzhment innovatsij = Marketing and Management of Innovations*. 2011;

4(2):30-40. Available at: http://mmi.fem.sumdu.edu.ua/ru/journals/2011/4_2/30-40 (accessed 11.09.2017). (In Russ.)

5. Browning C.S. Nation branding, national self-esteem, and the constitution of subjectivity in late modernity. *Analysis*. 2015; 11(2):195-214. DOI: 10.1111/fpa.12028

6. Gelman V. [Political elites and strategies of regional identity]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii* = The Journal of Sociology and Social Anthropology. 2003; 6(2):91-105. Available at: http://jourssa.ru/?q=ru/2003_2 (accessed 11.09.2017). (In Russ.)

7. Podvintsev O.B. Regional identity policy in Perm region: New external challenges. *Labirint: zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovanij* = Labyrinth: Journal of Philosophy and Social Sciences. 2016; 5:86-91. Available at: <https://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2016/12/Podvintsev.pdf> (accessed 11.09.2017). (In Russ.)

8. Zamyatin D.N. Geo-cultural branding of territories: The conceptual grounds. *Labirint: zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovanij* = Labyrinth: Journal of Philosophy and Social Sciences. 2013; 5:11-23. Available at: <https://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2016/12/Podvintsev.pdf> (accessed 11.09.2017). (In Russ.)

9. Romanova E.N., Ignatieva V.B. The yakut national festival of Ysyakh in transition: Historical myth, ethnic-cultural image and modern celebratory narrative. *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 2011; 4:29-40. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16691428> (accessed 11.09.2017). (In Russ.)

10. Ryzhakova S.I. Made in Latvia: On the issue of ethnic and cultural specificity of national brands. *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 2009; 3:159-184. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12227434> (accessed 11.09.2017). (In Russ.)

11. Bogatova O.A. Social technologies of management of republican and russian identity in estimations of the population of the Republic of Mordovia: Experience of qualitative social research. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* = Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2017; 1(1):54-70. Available at: <http://ru.sociology.vestnik.udsu.ru/archive/show/7-2017-1-6> (accessed 11.09.2017). (In Russ.)

12. Tulchinskiy G.V. [Branding as social partnership and consolidation of urban society]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* = Economics, Taxes & Law. 2013; 6:766-80. Available at: <http://www.fa.ru/org/div/edition/enp/Pages/archive.aspx> (accessed 13.09.2017). (In Russ.)

13. Chirkova O.N., Bogatova O.A. [The formation of ethno-cultural image of the Republic of Mordovia in the regional branding]. *Regionologiya* = Regionology; 2013; 3:72-79. Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/1145> (accessed 13.09.2017). (In Russ.)

14. Vorobiev V.P., Golubovskaya O.L., Eremina E.V. The role of regional brands in formation of regional identity and image of territory. *Vlast* = The

Authority. 2014; 11:122-127. Available at: http://www.isras.ru/vlast_2014_11.html (accessed 13.09.2017). (In Russ.)

15. Bourdieu P. Identity and representation: Elements for critical reflection on the idea of region. *Ab Imperio*. 2002; 3:49-60. Available at: <https://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?idlang=2&state=shown&idnumb=18> (accessed 13.09.2017). (In Russ.)

16. Yatsyk A.V., Makarova G.I. The Cultural Universiade 2013 as assessed by its visitors and participants. *Gumanitarnye nauki v XXI veke* = Humanities in the twenty-first century. 2014; 3:87-96. Available at: http://humanist21.kgasu.ru/files/N3-YUcykMakarova_KGASU-Kulturnaya-Universiada-2013.pdf. (accessed 02.09.2017). (In Russ.)

17. Soldatova A.S., Shirmanov E.V. National, ethnic and regional identities of inhabitants of Mordovia (based on applied research). *Ars administrandi*. 2015; 1:51-60. Available at: <http://ars-administrandi.com/abstracts.php?id=441> (accessed 02.09.2017). (In Russ.)

Submitted 05.03.2018; accepted for publication 13.04.2018; published online 29.06.2018.

About the author:

Guzel I. Makarova, Leading Research Officer of Department for Ethnological Research, Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturina St., Kazan 420111, Russia), Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3912-0961>, Researcher ID: A-8213-2018, makarova_guzel@mail.ru

For citation: Makarova G.I. The Image of Tatarstan and the Strategy of its Branding in the Views and Judgments of the People of the Region. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 27(2):338-357. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.338-357

The author has read and approved the final version of the manuscript.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ /
ECONOMIC SOCIOLOGY AND DEMOGRAPHY

УДК 314.3(470.1/.2)

http://regionsar.ru

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.358-383

ISSN 2413-1407 (Online)

Детерминанты рождаемости в северных
регионах России: результаты Всероссийских
переписей населения

М. А. Зырянова (Шишкина)

ФГБУН «Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми научного
центра Уральского отделения
Российской академии наук»
(г. Сыктывкар, Россия),
maria-shishkina18@mail.ru

Введение. Актуальность исследования вызвана низкой рождаемостью в большинстве регионов Севера, которая повышает необходимость поиска ее детерминант для выработки стратегий

демографического развития. Цель статьи – определение значимых факторов рождаемости населения северных регионов России по результатам Всероссийских переписей населения и обоснование актуальных направлений демографической политики на основе полученных результатов.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили итоги Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. и данные Федеральной службы государственной статистики. Роль факторов брачно-возрастной структуры и репродуктивного поведения оценивалась по методике В. А. Борисова. Для поиска связи между рождаемостью и статистическим показателем, отражающим состояние того или иного фактора, был применен корреляционный анализ.

Результаты исследования. Выявлено увеличение степени реализации гипотетического минимума естественной рождаемости в 2010 г. по сравнению с 2002 г., что свидетельствует о влиянии изменений в репродуктивном поведении населения на тенденции рождаемости. Подтверждено, что особенности репродуктивного поведения коренных национальностей остаются одной из главных детерминант более высокой рождаемости в ряде северных регионов. Доказано, что наличие высшего образования ввиду его массовизации перестает играть важную роль как фактор рождаемости, а состояние в браке оказывает повышающее воздействие на среднее число рожденных детей. Корреляционный анализ показал, что в регионах с более высоким уровнем женской экономической активности наблюдается более низкое среднее число рожденных детей.

Обсуждение и заключения. Результаты исследования могут быть использованы органами власти при разработке программ просемейной демографической политики; также они могут быть интересны ученым, занимающимся вопросами воспроизводства населения. В перспективе планируется поиск связи рождаемости с социально-эконо-

© Зырянова (Шишкина) М. А., 2018

мическими показателями в северных регионах России с применением корреляционно-регрессионного анализа.

Ключевые слова: рождаемость, факторы рождаемости, демографическая структура, репродуктивное поведение, национальность, брачный статус, образование, занятость, северные регионы России

Благодарности. Работа подготовлена в рамках выполнения НИР «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России» (№ ГР АААА-А16-116021210329-2, 2016–2018 гг.).

Determinants of Birth Rate in the Northern Regions
of Russia: Results of the All-Russian Population
Censuses

M. A. Zyryanova (Shishkina)

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North,
Komi Science Centre, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia),
maria-shishkina18@mail.ru

Introduction. The study is of relevance as the birth rate remains low in most Northern regions, which makes it necessary to find its determinants in order to devise strategies of demographic development. This article aims at identification of the most important factors in the birth rate of the population in the Northern regions of Russia according to the results of the All-Russian Population Censuses and at justification of the topical directions of the demographic policy on the basis of the obtained results.

Materials and Methods. The results of the 2002 and 2010 All-Russian Population Censuses and the data provided by the Federal State Statistics Service were used as materials for the study. The role of the factors of the marital and age structure, reproductive behavior was estimated using the V. A. Borisov technique. Correlation analysis was performed to find the relationship between the birth rate and a statistical indicator reflecting the state of a certain factor.

Results. An increase in the degree of implementation of the hypothetical minimum of the natural birth rate in 2010 compared with 2002 has been detected, which indicates the impact of changes in the reproductive behavior of the population on the birth rate trends. It has been proved that the peculiarities of reproductive behavior of indigenous ethnic groups remain one of the main determinants of a higher birth rate in a number of the Northern regions. It has been proved that becoming more and more widespread, completed higher education ceases to play an important role as a birth rate factor, and the state of being married has an increasing impact on the average number of children born. Correlation analysis has shown that in regions with higher levels of female economic activity, the average number of children born is lower.

Discussion and Conclusions. The results of the study may be used by the authorities when developing programs for family demographic policies; they may also be of inter-

est to scientists studying the issues of reproduction of the population. In the future, it is planned to find a connection between the birth rate and socio-economic indicators in the Northern regions of Russia using correlation and regression analysis.

Keywords: birth rate, birth rate factors, demographic structure, reproductive behavior, ethnic origin, marital status, education, employment, Northern regions of Russia

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the research "Demographic and labor factors of sustainable development in the Northern regions of Russia" (No. GR AAAA-A16-116021210329-2, 2016-2018).

Введение. В статье рассмотрены проблемы рождаемости в северных регионах России, территории которых полностью относятся к Крайнему Северу либо местностям, приравненным к нему (Архангельская, Мурманская, Магаданская, Сахалинская области, республики Карелия, Коми, Тыва, Саха (Якутия), Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа, Камчатский край). В большинстве северных регионов России произошел переход к малодетности, исключения составили Республика Тыва, Ненецкий автономный округ и, в некоторые годы исследуемого периода, Республика Саха (Якутия) и Ямало-Ненецкий автономный округ. С целью установления детерминант современной модели рождаемости и определения важных направлений демографической политики необходимо задействовать широкий спектр информационно-аналитических ресурсов и способов анализа располагаемых данных.

Большую информационную базу об уровне рождаемости женщин различных социально-экономических групп дают Всероссийские переписи населения, проводящиеся для статистического учета населения страны и для расширения информационной базы исследования социально-экономических процессов. Переписи позволяют оценить изменение вклада структурных и поведенческих факторов в формирование итоговой рождаемости, а также значение таких факторов репродуктивного поведения, как национальность, брачный статус, уровень образования и занятость. Поэтому цель настоящего исследования – провести анализ факторов рождаемости на материалах Всероссийских переписей населения.

Обзор литературы. Измерение гипотетического минимума естественной рождаемости (ГМЕРа) и степени его реализации для оценки изменения роли структурных и поведенческих факторов в формировании рождаемости отражено в трудах А. А. Шабунной и О. Н. Калачиковой (для России в целом и Вологодской области в частности) [1] и Я. А. Скрыбиной (на примере России

и Республики Башкортостан)¹. Достоинствами применения данного метода является учет обеих компонент рождаемости – структурной и поведенческой, возможность оценки изменений в репродуктивном поведении в результате воздействия внешних факторов, в том числе мер демографической политики.

Последние тенденции указывают на существенное сокращение межэтнических различий в рождаемости. Однако этнический фактор в ряде регионов России все еще способен оказывать влияние на рождаемость и ее территориальную дифференциацию, поскольку во многих регионах, в которых проживают коренные этносы, переход к малодетности еще не до конца завершился. Ввиду признания этого факта при оценке детерминант рождаемости этнический фактор принято включать в методический инструментарий исследования, особенно в региональном разрезе² [2].

Несмотря на претерпеваемые изменения, функция воспроизводства новых поколений (репродуктивная функция) по-прежнему является важной и основной функцией института семьи³ [3–5]. Поэтому брачность и степень удовлетворенности супружескими отношениями становятся предметом научных исследований. Так, с применением статистического инструментария логистической регрессии и ROC-анализа А. П. Багировой и О. М. Шубат удалось выяснить, что «семейное положение женщины является объективной детерминантой вторых рождений. Если женщина состоит в зарегистрированном браке, то вероятность рождения ею второго ребенка увеличивается в среднем в 6,7 раза» [6, с. 134]. А. Н. Архангельский в ходе оценки различных факторов рождаемости населения России приходит к выводу, что «стабильный брак, благополучная супружеская жизнь сопряжены с более высокими репродуктивными ориентациями, показателями рождаемости»⁴.

¹ Скрыбина Я. А. Особенности репродуктивного поведения населения в условиях трансформации российской экономики. Уфа : БАГСУ, 2012. 284 с.

² Барашкова А. С. Северная семья: демографический и социально-экономический аспекты. Новосибирск : Наука, 2009. 159 с.; Денисенко М. Б., Калмыкова Н. М., Недолужко Л. Н. Этническая дифференциация рождаемости и репродуктивного поведения [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2012. № 493-494. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0493/tema06.php> (дата обращения: 25.02.2018); Сукнёва С. А., Мостахова Т. С. Демографическое развитие региона: оценка, прогноз, политика. Новосибирск : Наука, 2002. 192 с.; Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение / Фаузер В. В. [и др.]. М. : Экон-Информ, 2012. 311 с.

³ Осипова Л. Б., Устинова О. В. Репродуктивная функция семьи как фактор воспроизводства населения. Тюмень : ТюмГАСУ, 2014. 110 с.

⁴ Архангельский В. Н. Факторы рождаемости. М. : ТЕИС, 2006. С. 186.

Данные переписей 1989, 2002 и 2010 гг. свидетельствуют о поступательном росте уровня образования населения страны. Это отражает устойчивая динамика увеличения лиц, получающих высшее образование. Оценке влияния образовательного уровня на репродуктивное и брачное поведение, исследованию различий потребности в детях у женщин с разным образовательным уровнем посвящены труды Е. А. Кваши, Т. Л. Харьковской⁵, Я. М. Рошиной и А. Г. Черкасовой⁶, К. Бегалл [7], Дж. Калдзелла [8], Ч. Л. Комолли [9] и других ученых.

В России один из самых высоких уровней экономической активности женщин. Массовый выход женщин на производство в середине XX в. оказал свое воздействие на формирование современной модели репродуктивного поведения. Значимость профессиональной реализации в современном мире для женщины продолжает возрастать. Признавая актуальность вопросов совмещения профессиональных и родительских ролей, ученые проводят комплексные исследования, главной линией которых является признание деятельности по рождению и воспитанию детей, наравне с профессиональной деятельностью, в качестве трудового процесса – репродуктивного труда⁷ [10; 11]. Влияние занятости и безработицы на репродуктивную активность женщин, их репродуктивные установки исследуется в трудах Т. А. Гурко⁸, Т. В. Долбик-Воробей⁹, Е. А. Мосаковой [12], М. Мерон, И. Уидмер [13], Э. Шлёткер [14] и др.

Материалы и методы. Объект исследования – факторы рождаемости населения в 13 субъектах РФ, территория которых полностью относится к Крайнему Северу либо местностям, приравненным к нему.

Рабочими гипотезами исследования являются предположения о том, что:

– в 2010 г. по сравнению с 2002 г. произошло увеличение вклада поведенческой компоненты в формирование ее итогового уровня, на

⁵ Кваша Е. А., Харьковская Т. Л. Международное обследование рождаемости и семьи. Часть вторая [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2003. № 99–100. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2003/099/tema02.php> (дата обращения: 25.02.2018).

⁶ Рошина Я. М., Черкасова А. Г. Дифференциация факторов рождаемости для различных социально-экономических категорий российских женщин // SPERO. 2009. Весна – лето. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0401/analit02.php> (дата обращения: 19.05.2018).

⁷ Мотивация родительского труда и регулирование установок на родительство населения Уральского региона : моногр. / А. П. Багирова [и др.]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. 271 с.

⁸ Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М. : Ин-т социологии РАН. 2008. С. 17–18.

⁹ Долбик-Воробей Т. В. Оценка динамики структуры занятых в экономике женщин репродуктивного возраста в межпереписной период 2002–2010 гг. // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика : материалы Всеросс. науч.-практ. конф., 19–20 июня 2013 г. Вып. 3. М. : Экон-Информ, 2013. С. 131–133.

что благоприятным образом повлияла реализация современных мер демографической политики;

– особенности репродуктивного поведения коренных национальностей остаются одной из главных детерминант более высокой рождаемости в ряде северных регионов;

– наличие высшего образования ввиду его массовизации перестает играть важную роль как фактор рождаемости;

– состояние в браке оказывает повышающее воздействие на среднее число рожденных детей (СЧРД);

– в регионах с более высоким уровнем женской экономической активности более низкое среднее число рожденных детей.

Для расчета гипотетического минимума естественной рождаемости, позволяющего оценить роль структурных и поведенческих факторов в формировании итоговой рождаемости, а также для оценки влияния факторов брачности, образования, занятости, этнического фактора на дифференциацию рождаемости в северных регионах России и ее внутрирегиональные различия используются результаты Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

Расчет ГМЕР производился по методике В. А. Борисова¹⁰, созданной с опорой на концепцию естественной рождаемости Л. Анри. Методика В. А. Борисова «позволяет определить, какой могла бы быть рождаемость в определенный период времени при отсутствии практики внутрисемейного ограничения числа детей в семье. Рассчитываемый показатель ГМЕР не является величиной, которую можно и нужно достичь. Динамика коэффициента ГМЕР отражает изменения в рождаемости, происходящие за счет трансформации брачно-возрастной структуры. Соотношение фактического общего коэффициента рождаемости с гипотетическим минимумом естественной рождаемости отражает степень реализации ГМЕР (в %)»¹¹. Его динамика указывает на изменения в рождаемости за счет внутрисемейного контроля, т. е. фактора репродуктивного поведения. Оценивая уровень степени реализации ГМЕР, можно также получить информацию об имеющемся у населения потенциале к повышению рождаемости, в том числе при помощи мер демографической политики.

Оценка факторов брачности и занятости производится путем сопоставления СЧРД с учетом данных факторов со СЧРД в среднем по региону. Роль этнического фактора выявлена на основе анализа СЧРД у основных национальностей, проживающих в северных регионах России.

¹⁰ Борисов В. А. Демография. М. : NotaBeneMediaTradeCo, 2003. 344 с.

¹¹ Там же. С. 177.

Таблица 1. Суммарный коэффициент рождаемости в северных регионах России, 2006–2016 гг.
Table 1. Total birth rate in the Northern regions of Russia, 2006–2016

Субъект / Constituent entity	Годы / Year											
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Российская Федерация / Russian Federation	1,31	1,42	1,5	1,54	1,57	1,58	1,69	1,71	1,75	1,78	1,76	
Республика Карелия / Republic of Karelia	1,32	1,41	1,5	1,56	1,58	1,6	1,71	1,65	1,74	1,77	1,76	
Республика Коми / Komi Republic	1,38	1,5	1,56	1,62	1,64	1,71	1,88	1,97	2,02	2,0	1,97	
Архангельская область / Arkhangelsk Region	1,37	1,5	1,53	1,59	1,63	1,63	1,76	1,8	1,84	1,85	1,83	
Ненецкий АО / Nenets Autonomous Area	1,71	1,88	2,02	2,05	2,11	2,01	2,35	2,31	2,42	2,58	2,77	
Мурманская область / Murmansk Region	1,26	1,32	1,39	1,41	1,49	1,49	1,57	1,62	1,65	1,71	1,65	

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Ханты-Мансийский АО / Khanty-Mansi Autonomous Area	1,52	1,61	1,68	1,72	1,81	1,84	2,02	2,05	2,09	2,07	2,02
Ямало-Ненецкий АО / Yamal-Nenets Autonomous Area	1,5	1,61	1,65	1,74	1,79	1,84	2,05	2,09	2,19	2,19	2,08
Республика Тыва / Republic of Tuva	2,12	2,69	2,8	2,96	3,03	3,25	3,35	3,42	3,49	3,39	3,35
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	1,72	1,91	1,9	1,97	2,0	2,06	2,17	2,17	2,25	2,19	2,09
Камчатский край / Kamchatka Territory	1,42	1,47	1,52	1,56	1,51	1,61	1,73	1,77	1,85	1,89	1,89
Магаданская область / Magadan Region	1,32	1,35	1,35	1,52	1,44	1,48	1,65	1,69	1,66	1,66	1,6
Сахалинская область / Sakhalin Region	1,4	1,48	1,57	1,56	1,56	1,57	1,71	1,81	1,96	2,02	2,16
Чукотский АО / Chukotka Autonomous Area	1,78	1,83	1,75	1,67	1,89	1,81	1,97	1,91	2,04	2,1	2,11

Также в работе осуществляется сравнение СЧРД у женщин с разным уровнем образования и определяется, у женщин с каким образованием наблюдается максимальное и минимальное СЧРД. Также был применен корреляционный анализ для установления наличия (отсутствия) и характера связи между СЧРД у женщин, занятых в экономике (на 1 000 женщин) и показателем экономической активности женщин, по данным переписи населения 2010 г. Для всех четырех факторов, которые оцениваются через среднее число рожденных детей, данный показатель берется для женщин в возрасте 45–49 лет, у которых практически полностью реализовано итоговое число рождений.

Результаты исследования. Рождаемость в северных регионах России значительно различается. Несмотря на повышение уровня в период действия новых мер демографической политики, рождаемость почти во всех северных регионах соответствует суженному режиму воспроизводства населения. Исключением являются Республика Тыва, где наблюдается расширенный режим воспроизводства, и Ненецкий автономный округ, где в период современной государственной демографической политики удалось совершить переход к простому, а далее – к расширенному воспроизводству. Временный переход к простому воспроизводству удалось осуществить в Ямало-Ненецком автономном округе (на 2014–2015 гг.) и в Республике Саха (Якутия) (на 2012–2015 гг.) (табл. 1).

Благоприятные тенденции рождаемости и смертности в России в 2012–2015 гг. обеспечили прекращение депопуляции. В 2012 г. наблюдался нулевой прирост, в 2013–2015 гг. – естественное увеличение населения страны, в 2016 г. – отрицательное значение показателя естественного прироста. В Камчатском крае естественный прирост населения прослеживается с 2007 г., в Республике Коми – с 2011 г. В Мурманской и Магаданской областях прирост зафиксирован в 2012–2015 и в 2013–2015 гг. соответственно, а в 2016 г. снова происходит естественная убыль. В Сахалинской области прирост начался с 2014 г. и продолжается по настоящее время. В Карелии и Архангельской области естественная убыль так и не была преодолена из-за низкой относительно других регионов рождаемости и более высокой смертности.

Расчет гипотетического минимума естественной рождаемости. Динамика индекса ГМЕР, отражающего состояние брачно-возрастной структуры населения, свидетельствует о том, что в 2010 г. (по сравнению с 2002 г.) она ухудшилась в Республике Коми, Мурманской, Магаданской областях, Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком авто-

номных округах, Камчатском крае; осталась на прежнем уровне – в целом по стране, в республиках Карелия, Саха (Якутия), Архангельской, Сахалинской областях, Ненецком и Чукотском автономных округах. Улучшился данный показатель только в Республике Тыва (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. **Общий коэффициент рождаемости, гипотетический минимум естественной рождаемости и степень реализации ГМЕР, 2002 и 2010 гг.**

T a b l e 2. **Crude birth rate, the hypothetical minimum of natural birth rate and degree of its implementation 2002 and 2010**

Показатель / Indicator	ОКР, ‰ / Crude birth rate, ‰		ГМЕР, ‰ / Hypothetical minimum of natural birth rate, ‰		ОКР/ГМЕР × 100, ‰ / Degree of implementation of the hypothetical minimum of natural birth rate, ‰	
	Годы / Year					
	2002	2010	2002	2010	2002	2010
1	2	3	4	5	6	7
Российская Федерация / Russian Federation	9,7	12,5	39,3	38,6	24,7	32,4
Республика Карелия / Republic of Karelia	10,1	12,1	39,4	39,6	25,6	30,6
Республика Коми / Komi Republic	10,9	12,9	42,5	40,7	25,6	31,7
Архангельская область / Arkhangelsk Region	10,4	12,6	39,3	39,7	26,5	31,7
Ненецкий АО / Nenets Autonomous Area	14,7	16,6	41,5	42,1	35,4	39,4
Мурманская область / Murmansk Region	9,8	11,7	43,2	39,9	22,7	29,3
Ханты-Мансийский АО / Khanty-Mansi Autonomous Area	13,4	16,4	52,2	47,7	25,7	34,4
Ямало-Ненецкий АО / Yamal-Nenets Autonomous Area	13,1	15,8	54,1	51,0	24,2	31,0

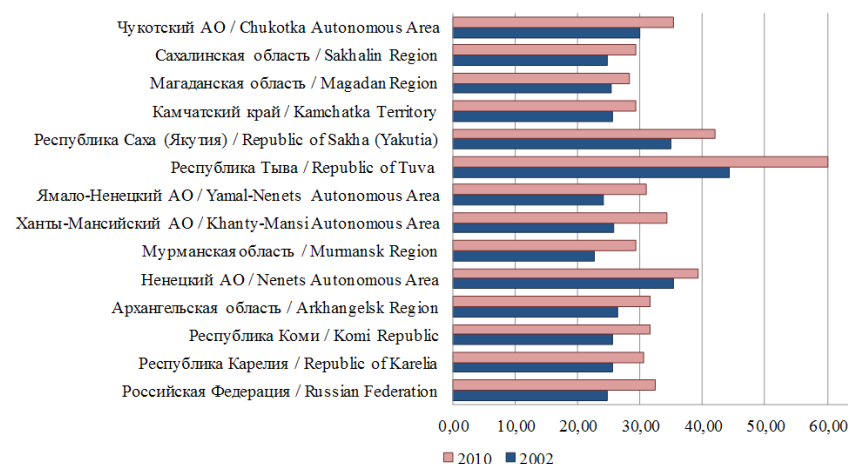

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7
Республика Тыва / Republic of Tuva	18,8	26,8	42,5	44,6	44,2	60,1
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	14,6	16,8	41,8	40,1	34,9	41,9
Камчатский край / Kamchatka Territory	10,8	12,0	42,2	40,8	25,6	29,4
Магаданская область / Magadan Region	10,8	11,5	42,6	40,6	25,4	28,3
Сахалинская область / Sakhalin Region	10,2	12,1	41,3	41,3	24,7	29,3
Чукотский АО / Chukotka Autonomous Area	12,0	14,7	40,0	41,6	30,0	35,3

В то же время степень реализации потенциала рождаемости (степень реализации ГМЕР) выросла за 2002–2010 гг. в целом по стране и во всех северных регионах России, что отражает повышение роли поведенческих факторов в формировании уровня рождаемости в этот период. В 2010 г. степень реализации потенциала рождаемости была самой высокой в Ненецком автономном округе, республиках Саха (Якутия) и Тыва. В остальных регионах она находится примерно на одном и том же уровне и является более низкой, особенно в Мурманской, Магаданской, Сахалинской областях и Камчатском крае. При этом, чем ниже показатель степени реализации ГМЕР, тем выше потенциал к повышению рождаемости в регионе за счет проведения продуманной демографической политики в области рождаемости. Так как в подавляющем большинстве регионов Севера рождаемость низкая, практически везде есть высокий потенциал к повышению рождаемости в результате изменений в репродуктивном поведении населения.

За межпереписной период вклад фактора репродуктивного поведения в формирование уровня рождаемости более всего возрос в Республике Тыва и Ханты-Мансийском автономном округе, в наименьшей – в Магаданской области и Ненецком автономном округе. Причем если Ненецкий автономный округ и в 2002 г. по степени реализации ГМЕР занимал лидирующее положение, то Магаданская область в это время находилась на последних позициях (рис. 1).

Р и с. 1. Степень реализации гипотетического минимума естественной рождаемости в России и северных регионах РФ, 2002 и 2010 гг., в %
F i g. 1. Degree of implementation of the hypothetical minimum of natural birth rate in Russia and the Northern regions of the Russian Federation 2002 and 2010, %

Национальность. При изучении особенностей воспроизводства населения в регионах России ученые пришли к выводу, что территории, имеющие «расширенный» тип замещения родительских и детских поколений, характеризуются ярко выраженным влиянием этнического фактора на репродуктивное поведение населения [15, с. 34]. Данный вывод можно распространить и на северные регионы России. Как показали итоги Всероссийских переписей населения, коренные народы Севера, входящие в состав ряда регионов России, имеют более высокие стандарты детности, что является фактором формирования более высокой рождаемости. К таким регионам относятся Ненецкий автономный округ (по переписи 2010 г. ненцы составляли 18,6 %, коми – 9,0 % населения), Республика Коми (коми – 23,7), Чукотский автономный округ (чукчи – 26,7, эскимосы, эвены (ламуты) и чуванцы – 8,0), Республика Саха (Якутия) (якуты – 49,9, эвенки и эвены (ламуты) – 3,9), Республика Тыва (тувинцы – 82,0 % населения) (табл. 3).

Установленный факт объясняется тем, что на уровне рождаемости региона сказывается степень завершенности перехода к малодетности у тех или иных этносов, представленных в соответствующих регионах. В традиционно русских северных регионах и на территориях без заметного процента представителей коренных народов Севера

Т а б л и ц а 3. Наиболее многочисленные национальности северных регионов России по среднему числу рож-
денных детей, 2002 и 2010 гг.

Т а б л и ц а 3. The most numerous ethnic groups of the Northern regions of Russia in terms of the average number of
children born, 2002 and 2010

Регион / Region	Наиболее многочисленные национальности / The most numerous ethnic groups	% от общего числа населения / % of the total population				СЧРД (на 1000 женщин) / Average number of children born (per 1,000 women)			
		2002	2010	2010	2010	2002	2010	2010	2010
1	2	3	4	5	6				
Республика Карелия / Republic of Karelia	Русские / Russians Карелы / Karelians	77,2	82,2	1 412	1 420				
Республика Коми / Komі Republic	Белорусы / Belorussians Русские / Russians Коми / Komis	9,2	7,4	1 800	1 838				
Архангельская область / Arkhangelsk Region	Украинцы / Ukrainians Русские / Russians	5,3	2,1	2 045	2 080				
Ненецкий АО / Nenets Autonomous Area	Русские / Russians Непцы / Nenets	59,9	65,1	1 391	1 405				
Мурманская область / Murmansk Region	Коми / Komis Русские / Russians Украинцы / Ukrainians	25,3	23,7	1 860	1 842				
Ханты-Мансийский АО / Khanty-Mansi Autonomous Area	Украинцы / Ukrainians Русские / Russians	6,1	4,2	1 597	1 732				
		94,3	95,6	1 578	1 554				
		2,1	1,4	1 764	1 869				
		63,4	66,1	1 736	1 644				
		19,0	18,6	2 334	2 146				
		11,0	9,0	2 385	2 255				
		86,3	89,0	1 331	1 347				
		6,4	4,7	1 469	1 558				
		66,7	68,1	1 437	1 406				
		7,6	7,6	1 511	1 454				
		8,7	6,4	1 509	1 574				

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6
Республика Тыва / Republic of Tuva	Непцы / Nenets Татары / Tatars	13,2	9,7	1 475	1 490
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	Тувинцы / Tuvals Русские / Russians Якуты / Yakuts	5,3	5,6	2 517	2 214
	Русские / Russians	5,6	5,6	1 534	1 440
	Русские / Russians	77,0	82,0	2 033	2 028
	Русские / Russians	20,1	16,3	1 635	1 668
	Русские / Russians	45,7	49,9	1 989	1 824
	Русские / Russians	41,3	37,8	1 553	1 540
	Эвенки / Evenks	1,9	2,3	н/д* / no data	1 889
	Эвены (ламуты) / Evens (Lamuts)	1,2	1,6	н/д / no data	1 904
Камчатский край / Kamchatka Territory	Русские / Russians	83,6	85,9	1 396	1 406
Магаданская область / Magadan Region	Украинцы / Ukrainians Русские / Russians	6,0	3,9	1 558	1 652
Сахалинская область / Sakhalin Region	Русские / Russians Украинцы / Ukrainians	80,5	84,1	1 406	1 358
Чукотский АО / Chukotka Autonomous Area	Украинцы / Ukrainians Русские / Russians Корейцы / Koreans	9,9	6,5	1 602	1 675
	Русские / Russians	84,8	86,5	1 469	1 466
	Русские / Russians	5,5	5,3	н/д / no data	1 518
	Русские / Russians	53,1	52,5	1 472	1 432
	Чукчи / Chukchis	24,0	26,7	2 181	1 969
	Украинцы / Ukrainians	9,4	6,0	1 574	1 587
	Эскимосы / Eskimos	2,9	3,2	1 993	1 848
	Эвены (ламуты) / Evens (Lamuts)	2,7	2,9	н/д / no data	2 137
	Чуванцы / Chuvans	1,8	1,9	н/д / no data	1 849

* Нет данных / No data

уровень рождаемости более низкий. В регионах, где коренные этносы, не завершившие переход к малодетности, составляют достаточно заметную часть населения, рождаемость все еще достигает высокого уровня. Однако было выявлено, что в 2010 г. по сравнению с 2002 г. СЧРД снизилось не только у представителей славянских этносов, но и у коренных народов Севера (табл. 4). Е. М. Андреев и С. В. Захаров в ходе своих исследований также делают вывод о происходящем заметном сокращении межэтнических различий в рождаемости¹².

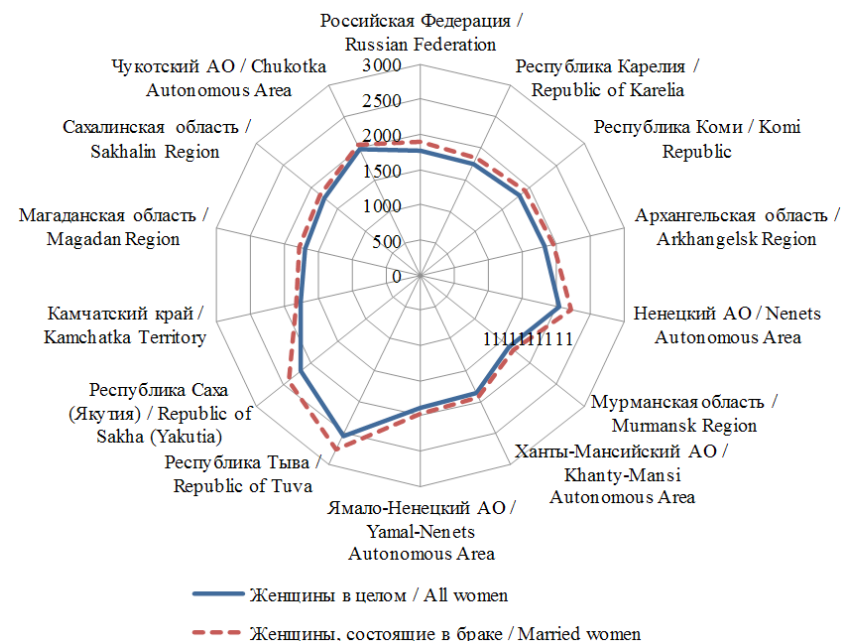
Фактор уровня образования. В целом для 2002–2015 гг. характерен рост доли лиц с высшим образованием в структуре занятого населения. По России средний показатель за рассматриваемый период составил 27,5 %. В ряде северных регионов эта доля выше среднероссийского значения – в Ханты-Мансийском (28,0 %) и Ямало-Ненецком автономном округах (29,6), Магаданской области (28,6), Камчатском крае (29,2 %), в остальных – ниже. Наименьшее значение среднего показателя доли лиц с высшим образованием среди занятых в экономике наблюдается в Ненецком автономном округе – 17,7 %. Увеличение данного показателя к 2015 г. по сравнению с 2002 г. было максимальным в Ямало-Ненецком автономном округе (15,7 процентных пунктов) и в Камчатском крае (20,4), минимальным – в Чукотском автономном округе (2,5) и Сахалинской области (6,4).

Для установления влияния фактора образования на уровень рождаемости женщин было проанализировано СЧРД у женщин 45–49 лет в зависимости от уровня образования по данным переписи населения 2010 г. Исследование показало, что наименьшее среднее число рожденных детей наблюдается у женщин с послевузовским и высшим образованием, наибольшее – у женщин с основным (общим) или средним полным (общим) образованием (табл. 4).

Поскольку в структуре занятых в виду массовизации высшего образования и повышения образовательного уровня российского общества в целом, население с основным (общим) и начальным (общим) образованием занимает малую долю по сравнению с теми, кто получил высшее образование (табл. 4), данный фактор уже не имеет значимого влияния на дифференциацию рождаемости.

Фактор брачности. Анализ данных Всероссийских переписей населения за 2002–2010 гг. показал, что среднее число рожденных детей выше у женщин, состоящих в браке, чем среднее число детей в целом среди всех женщин без учета брачного состояния (рис. 2).

¹² Андреев Е. М., Захаров С. В. Межэтнические различия рождаемости в России: долговременные тенденции [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2017. № 711–712. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema04.php> (дата обращения: 25.02.2018).

Р и с. 2. Среднее число рожденных детей у женщин 45–49 лет в России и северных регионах РФ, 2010 г.

F i g. 2. The average number of children born to women aged 45–49 in Russia and the Northern regions of Russia, 2010

Отсюда можно сделать вывод, что брак является одним из условий, повышающих вероятность вторых и последующих рождений. С учетом данного факта необходимо остановить внимание на проблеме распространенности ряда процессов и явлений в области матримониального и репродуктивного поведения, которые способны производить понижающий эффект на рождаемость.

Во-первых, необходимо отметить, что некоторые северные регионы по-прежнему характеризуются высоким уровнем внебрачной рождаемости. Ее распространение достигло максимальных значений как в целом по стране, так и в ее северных регионах в середине 2000-х гг., после чего снизилось. В 2016 г. показатели внебрачной рождаемости большинства северных регионов России превышают среднероссийское значение (21,1 %). По-прежнему регионом-«лидером» по данному критерию является Республика Тыва (64,2 %),

Таблица 4. Наибольшее и наименьшее среднее число рожденных детей в зависимости от уровня образования женщин в возрасте 45–49 лет, 2010 г.

Table 4. The largest and smallest average number of children born, depending on the level of education of women aged 45–49, 2010

Субъект / Constituent entity	Женщины по уровню образования с наибольшим СЧРД / Women by level of education with the highest average number of children born	СЧРД / Average number of children born	% в структуре занятого населения / % of the employed population	Женщины по уровню образования с наименьшим СЧРД / Women by level of education with the lowest average number of children born	СЧРД / Average number of children born	% в структуре занятого населения / % of the employed population
1	2	3	4	5	6	7
Российская Федерация / Russian Federation	основное (общее) / basic (general)	2 359	4,0	послевузовское и высшее / postgraduate and higher	1 509	28,9
Республика Карелия / Republic of Karelia	основное (общее) / basic (general)	2 179	4,8	послевузовское и высшее / postgraduate and higher	1 513	23,1
Республика Коми / Republic of the Republic of Komi	основное (общее) / basic (general)	2 314	5,4	послевузовское и высшее / postgraduate and higher	1 573	23,3
Архангельская область / Arkhangelsk Region	основное (общее) / basic (general)	2 415	5,3	послевузовское и высшее / postgraduate and higher	1 561	24,8
Ненецкий АО / Nenets Autonomous Area	основное (общее) / basic (general)	2 941	8,8	послевузовское и высшее / postgraduate and higher	1 661	16,4

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4	5	6	7
Мурманская область / Murmansk Region	основное (общее) / basic (general)	1 890	2,6	послевузовское и высшее / postgraduate and higher	1 466	27,2
Ханты-Мансийский АО / Khanty-Mansi Autonomous Area	начальное (общее) / primary (general)	2 739	нет свед. / no information	послевузовское и высшее / postgraduate and higher	1 670	29,7
Ямало-Ненецкий АО / Yamal-Nenets Autonomous Area	начальное (общее) / primary (general)	3 920	нет свед. / no information	послевузовское и высшее / postgraduate and higher	1 664	33,0
Республика Тыва / Republic of Tuva	среднее полное (общее) / secondary (general)	3 093	20,3	послевузовское и высшее / postgraduate and higher	2 120	28,7
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	основное (общее) / basic (general)	2 768	3,6	послевузовское и высшее / postgraduate and higher	1 854	26,9
Камчатский край / Kamchatka Territory	основное (общее) / basic (general)	2 145	3,5	послевузовское и высшее / postgraduate and higher	1 569	32,3
Магаданская область / Magadan Region	основное (общее) / basic (general)	2 167	2,5	послевузовское и высшее / postgraduate and higher	1 506	30,3
Сахалинская область / Sakhalin Region	основное (общее) / basic (general)	2 160	4,4	послевузовское и высшее / postgraduate and higher	1 562	21,3
Чукотский АО / Chukotka Autonomous Area	основное (общее) / basic (general)	3 231	5,1	послевузовское и высшее / postgraduate and higher	1 675	25,5

где на формирование ее высоких показателей оказывают влияние национальные особенности матримониального и репродуктивного поведения. Также уровень внебрачной рождаемости остается высоким в двух регионах со значительной долей в структуре населения представителей коренных этносов – Чукотском (39,0 %) и Ненецком (36,9 %) автономных округах.

В Ямало-Ненецком автономном округе (21,1 %) уровень внебрачной рождаемости аналогичен среднему по стране; ниже среднего значения ее уровень в Мурманской области (19,2 %) и Ханты-Мансийском автономном округе (17,9 %).

Во-вторых, к данным процессам необходимо отнести продолжающийся рост официально незарегистрированных браков. Как и по стране в целом, к 2010 г., по сравнению с 2002 г., уровень незарегистрированных браков увеличился во всех северных регионах России за исключением Республики Тыва. В Тыве произошло сокращение незарегистрированных браков с 25,3 до 20,8 %, но даже после этого их уровень является одним из самых высоких. За межпереписной период уровень незарегистрированных союзов вырос в северных регионах в большей степени, чем в среднем по стране (с 9,8 до 13,3 %). Максимальное увеличение отмечается в республиках Карелия (с 13,7 до 19,9 %), Коми (с 14,1 до 19,8), Ханты-Мансийском (с 10,6 до 16,3), Ненецком (с 13,6 до 19,1) и Чукотском автономных округах (с 15,4 до 20,6), Мурманской (с 10,3 до 15,8) и Архангельской областях (с 12,7 до 18,2 %).

Фактор занятости. В России один из самых высоких уровней женской занятости в мире. Средний показатель экономической активности женщин за период 2002–2015 гг. выше общероссийского уровня (62,1 %) во всех северных регионах России, за исключением Республики Тыва (56,9 %). Максимальных значений он достигает в Чукотском (78,69 %), Ямало-Ненецком автономных округах (72,3) и Магаданской области (71,9 %).

Уровень безработицы, по данным выборочных обследований по проблемам занятости, за период 1999–2015 гг. имеет динамику к снижению как в целом по России, так и в северных регионах. Однако в этот период ситуация с безработицей в большинстве северных регионов была более напряженной, превышая среднероссийское значение. Самого высокого уровня она достигает в Республике Тыва – 20,15 %. Лучше общероссийской ситуация обстояла опять же только в Чукотском (4,74 %), Ямало-Ненецком автономных округах (5,14) и Магаданской области (7,35 %).

Т а б л и ц а 5. Корреляционная связь между средним числом рожденных детей и показателем экономической активности женщин, 2010 г.

T a b l e 5. Correlation between the average number of children born and the indicator of women's economic activity, 2010

Субъект / Constituent entity	СЧРД у женщин 45–49 лет, занятых в экономике / Average number of children born to women aged 45–49, employed in the economy	Уровень экономической активности женщин, % / Indicator of economic activity of women, %
Российская Федерация / Russian Federation	1 696	62,3
Республика Карелия / Republic of Karelia	1 722	63,4
Республика Коми / Komi Republic	1 788	67,9
Архангельская область / Arkhangelsk Region	1 790	62,8
Ненецкий АО / Nenets Autonomous Area	1 991	68,5
Мурманская область / Murmansk Region	1 618	71,5
Ханты-Мансийский АО / Khanty-Mansi Autonomous Area	1 829	69,8
Ямало-Ненецкий АО / Yamal-Nenets Autonomous Area	1 839	69,9
Республика Тыва / Republic of Tuva	2 451	56,3
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	2 135	64,3
Камчатский край / Kamchatka Territory	1 726	68,1
Магаданская область / Magadan Region	1 653	73,2
Сахалинская область / Sakhalin Region	1 726	66,8
Чукотский АО / Chukotka Autonomous Area	1 923	78,9
Корреляционная связь / Correlation		-0,54

В северных регионах России среднее число рожденных детей у женщин, занятых в экономике, в возрасте 15 лет и старше и отдельно в пятилетних возрастных группах женщин активных репродуктивных возрастов ниже, чем СЧРД в стране и северных регионах без учета какого-либо социально-экономического фактора.

Удалось также вычислить отрицательную корреляционную связь ($r = -0,54$) между уровнем экономической активности женщин и СЧРД (у женщин в возрасте 45–49 лет). Во многом это объясняется наличием в двух регионах – Мурманской и Магаданской областях – одних из самых высоких показателей экономической активности женщин (относительно других северных регионов) и низкого СЧРД, в то время как в республиках Тыва и Саха (Якутия) наблюдаются более низкие показатели экономической активности женщин и высокое СЧРД (табл. 5).

Ученые приходят к выводу, что активная политика государства по созданию условий для совмещения материнских и профессиональных ролей (гибкий график занятости, система пособий и отпусков по уходу за ребенком и пр.) благоприятно влияет на рождаемость. Реализация комплекса мер по содействию занятости женщин, имеющих малолетних детей, в целях обеспечения совмещения родительских и семейных ролей с профессиональной деятельностью стала одним из направлений решения задачи повышения уровня рождаемости, прописанной в «Концепции демографической политики РФ до 2025 года». За провозглашением приоритетности данного направления последовала реализация ряда мер: увеличение размера и изменение способа начисления пособий по уходу за ребенком до 1,5 лет; повышение оплаты отпусков в связи с рождением и воспитанием детей; установление права женщинам в период отпуска до трех лет, желающим возобновить трудовую деятельность, пройти профессиональную подготовку, переподготовку или курсы повышения квалификации.

Обсуждение и заключения. Проведенное исследование факторов, влияющих на рождаемость в северных регионах России, по материалам Всероссийских переписей позволило получить следующие результаты:

– с помощью применения методики расчета ГМЕР установлено увеличение вклада поведенческой компоненты в рождаемость при формировании ее уровня в 2010 г. по сравнению с 2002 г. Поскольку практически все северные регионы характеризуются суженным режимом воспроизводства (исключение составили Ненецкий автономный округ и Республика Тыва), в них с помощью данной методики был выявлен большой потенциал к повышению рождаемости с помощью

мер демографической политики. Следовательно, подтверждается необходимость продолжения реализации и расширения спектра ее мер;

– этнический фактор имеет повышающее влияние на рождаемость в северных регионах с наличием в составе населения существенной доли коренных этносов. Несмотря на наметившееся снижение, среднее число рожденных детей у коренных этносов Севера продолжает превышать среднее число рожденных детей у национальностей славянской группы. К таким регионам относятся Ненецкий и Чукотский автономные округа, Республика Коми; наиболее значительное влияние на рождаемость этнического фактора наблюдается в республиках Тыва и Саха (Якутия), где коренные народы Севера составляют более 80 и 50 % населения соответственно;

– фактор образования не играет значимой роли в формировании меж- и внутрирегиональных различий в уровне рождаемости, поскольку, как и по стране в целом, в северных регионах России преобладает население с высоким и средним профессиональным образованием, а доля тех, у кого среднее число рожденных детей является максимальным (женщины с основным общим образованием), находится на низком уровне;

– брачный статус влияет на рождаемость: среднее число рожденных детей у женщин, состоящих в браке, выше, чем среднее число рожденных детей без учета брачного состояния по России в целом и во всех северных регионах страны. Поэтому требуется реализация ценностно-ориентационных мероприятий федеральной и региональной демографической политики по трансляции семейных ценностей, формированию установок на создание официально зарегистрированного брака. Из-за того, что подавляющее большинство северных регионов имеет более высокие, чем в среднем по стране, уровни внебрачной рождаемости и незарегистрированных браков, развитие и реализация данного направления демографической политики актуальны для всех регионов Севера без исключения;

– в ряде северных регионов, где экономическая активность женщин более высокая, среднее число рожденных детей к возрасту 45–49 лет находится на более низком уровне. Ввиду установленной обратной корреляционной связи между уровнем женской экономической активности в регионе и средним числом рожденных детей представляется актуальной реализация в рамках демографической политики различных мероприятий, направленных на содействие женщинам, имеющим малолетних детей, в сочетании родительских обязанностей и профессиональной деятельности. Развитие данного направления наиболее актуально в регионах, где одни из самых вы-

соких уровней женской экономической активности и самые низкие показатели среднего числа рожденных детей женщинами 45–49 лет – для Мурманской и Магаданской областей.

Практическая значимость статьи состоит в возможности использования результатов исследования органами власти при разработке мероприятий демографической политики. Дальнейшие перспективы исследования заключены в поиске связи уровня и динамики рождаемости населения северных регионов России с внутренними социально-экономическими факторами методом построения регрессионных моделей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Калачикова О. Н., Шабунова А. А. Возможности и резервы повышения рождаемости в России // Проблемы развития территории. 2013. № 6 (68). С. 66–72. URL: <http://pdt.vssc.ac.ru/article/1112> (дата обращения: 25.02.2018).
2. Попова Л. А. Демографическая политика в северных регионах России: особенности и приоритеты // Регион: экономика и социология. 2010. № 3. С. 136–153. URL: <http://recis.ru/region/magazine/39/1755> (дата обращения: 25.02.2018).
3. Гурко Т. А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. № 4. С. 26–44. URL: <http://tsennosti.instet.ru/directions-2.html> (дата обращения: 25.02.2018).
4. Качалкин В. М. Субъект и объект демографической политики в условиях демократического государства // Среднерусский Вестник общественных наук. 2014. № 4 (34). С. 49–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekt-i-obekt-demograficheskoy-politiki-v-usloviyah-demokraticheskogo-gosudarstva> (дата обращения: 25.02.2018).
5. Пьянов А. И. Изменение содержательного потенциала функционирования современной российской семьи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 89. С. 64–73. URL: <https://lib.herzen.spb.ru/m/rgpu-periodic/1/99> (дата обращения: 25.02.2018).
6. Багирова А. П., Шубат О. М. Прогнозирование вторых рождений у российских женщин: социолого-статистический подход // Проблемы прогнозирования. 2014. № 3 (144). С. 131–140. URL: <https://ecfor.ru/publication/prognozirovanie-vtoryh-rozhdenij-u-rossijskih-zhenshhin> (дата обращения: 25.02.2018).
7. Begall K. How do educational and occupational recourses relate to the timing of the family formation? A couple analysis of the Netherlands // Demographic Research. 2013. Vol. 29, article 34. Pp. 907–936. URL: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol29/9> (дата обращения: 25.02.2018).
8. Caldwell J. C. Mass education as a determinant of the timing of fertility decline // Population and Development Review. 1980. Vol. 6, no 2. Pp. 225–255. DOI: 10.2307/1972729

9. Comolli Ch. L. The fertility response to the Great Recession in Europe and the United States: structural economic conditions and perceived economic uncertainty // Demographic Research. 2017. Vol. 36, article 51. Pp. 1549–1600. DOI: 10.4054/DemRes.2017.36.51

10. Багирова А. П., Шутова Н. В. Родительский труд в социально-структурном пространстве российского общества // Теория и практика общественного развития. 2016. № 12. С. 16–20. URL: <http://teoria-practica.ru/vipusk-12-2016> (дата обращения: 25.02.2018).

11. Илышев А. М., Багирова А. П. Оценка положения сферы репродуктивного труда в период кризиса и перспективы его изменения // Экономический анализ: теория и практика. 2009. № 16 (145). С. 2–11. URL: <http://www.fin-izdat.ru/journal/analiz/detail.php?ID=15334> (дата обращения: 25.02.2018).

12. Мосакова Е. А. Занятость женщин и рождаемость в современной России // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2008. № 5. С. 75–85.

13. Meron M., Widmer I. Unemployment leads women to postpone the birth of their first child // Population. English Edition. 2002. Vol. 57, no 2. Pp. 301–330. URL: https://www.persee.fr/doc/pop_1634-2941_2002_num_57_2_18394 (дата обращения: 25.02.2018).

14. Schleutker E. Women's career strategy choices and fertility in Finland // Finnish Yearbook of Population Research. 2014. Vol. 48. Pp. 103–126. DOI: 10.11588/heidok.00016767

15. Кузьмин А. И., Примак Т. В., Кузьмина А. А. Воспроизводство населения в регионах России // Экономика региона. 2011. № 1. С. 32–41. URL: http://www.uiec.ru/arhiv_nomegov/2020/1_2012 (дата обращения: 25.02.2018).

Поступила 06.03.2018; принята к публикации 10.04.2018; опубликована онлайн 29.06.2018.

Об авторе:

Зырянова (Шишкина) Мария Александровна, младший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук» (167982, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3567-3470>, Researcher ID: C-6046-2018, maria-shishkina18@mail.ru

Для цитирования: Зырянова (Шишкина) М. А. Детерминанты рождаемости в северных регионах России: результаты Всероссийских переписей населения // Регионология. 2018. Т. 26, № 2. С. 358–383. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.358-383

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Kalachikova O.N., Shabunova A.A. Opportunities for and potential of the birth rate increase in Russia. *Problemy razvitiya territorii* = Problems of Territory's Development. 2013; 6(68):66-72. Available at: <http://pdt.vscs.ac.ru/article/1112> (accessed 25.02.2018). (In Russ.)
2. Popova L.A. Demographic policy in Northern Russia: Regularities and priorities. *Region: ekonomika i sociologiya* = Region: Economics and Sociology. 2010; 3:136-153. Available at: <http://recis.ru/region/magazine/39/1755> (accessed 25.02.2018). (In Russ.)
3. Gurko T.A. [Institution of family in postindustrial societies]. *Cennosti i smysly* = Values and Meanings. 2011; 4:26-44. Available at: <http://tsennosti.instet.ru/directions-2.html> (accessed 25.02.2018). (In Russ.)
4. Kachalkin V.M. [The Subject and the Object of Demographic Policy in the Conditions of Democratic State]. *Srednerusskij Vestnik obshchestvennykh nauk* = Central Russian Bulletin of Social Science. 2014; 4:49-55. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekt-i-obekt-demograficheskoy-politiki-v-usloviyah-demokraticeskogo-gosudarstva> (accessed 25.02.2018).
5. Pyanov A.I. Changes in the substantial potential of a modern Russian family's functioning. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science. 2009; 89:64-73. Available at: <https://lib.herzen.spb.ru/m/rgpu-periodic/1/99> (accessed 25.02.2018). (In Russ.)
6. Bagirova A.P., Shubat O.M. [Forecasting second births among Russian women: sociological and statistical approach]. *Problemy prognozirovaniya* = Issues of Forecasting. 2014; 3(144):131-140. Available at: <https://ecfor.ru/publication/prognozirovanie-vtoryh-rozhdenij-u-rossijskih-zhenshhin> (accessed 25.02.2018). (In Russ.)
7. Begall K. How do educational and occupational recourses relate to the timing of the family formation? A couple analysis of the Netherlands. *Demographic Research*. 2013; 29:907-936. Available at: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol29/34/29-34.pdf> (accessed 25.02.2018).
8. Caldwell J.C. Mass education as a determinant of the timing of fertility decline. *Population and Development Review*. 1980; 6:225-255. DOI: 10.2307/1972729
9. Comolli Ch.L. The fertility response to the Great Recession in Europe and the United States: structural economic conditions and perceived economic uncertainty. *Demographic Research*. 2017; 36:1549-1600. DOI: 10.4054/Dem-Res.2017.36.51
10. Bagirova A.P., Shutova N.V. Parenting in the socio-structural space of the Russian society. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* = Theory and Practice of Social Development. 2016; 12:16-20. Available at: <http://teoriapractica.ru/vipusk-12-2016> (accessed 25.02.2018). (In Russ.)

11. Ilyshev A.M., Bagirova A.P. [Assessment of the status of the sphere of reproductive labor in the period of a crisis and prospects of its change]. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika* = Economic analysis: theory and practice. 2009; 16(145):2-11. Available at: <http://www.fin-izdat.ru/journal/analiz/detail.php?ID=15334> (accessed 25.02.2018). (In Russ.)
12. Mosakova E.A. [Employment of women and birth rate in modern Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Moscow University Economics Bulletin. Series 6: Economy. 2008; 5:75-85. (In Russ.)
13. Meron M., Widmer I. Unemployment leads women to postpone the birth of their first child. *Population. English Edition*. 2002; 57:301-330. Available at: https://www.persee.fr/doc/pop_1634-2941_2002_num_57_2_18394 (accessed 25.02.2018).
14. Schleutker E. Women's career strategy choices and fertility in Finland. *Finnish Yearbook of Population Research*. 2014; 48:103-126. DOI: 10.11588/heidok.00016767
15. Kuzmin A.I., Primak T.V., Kuzmina A.A. [Population reproduction in Russia's regions]. *Ekonomika regiona* = Economy of Region. 2011; 1:32-41. Available at: http://www.uiec.ru/arhiv_nomerov/2020/1_2012 (accessed 25.02.2018). (In Russ.)

Submitted 06.03.2018; accepted for publication 10.04.2018; published online 29.06.2018.

About the author:

Maria A. Zyryanova (Shishkina), Junior Researcher of Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26 Kommunisticheskaya St., GSP-2, Syktyvkar 167982, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3567-3470>, Researcher ID: C-6046-2018, maria-shishkina18@mail.ru

For citation: Zyryanova (Shishkina) M.A. Determinants of Birth Rate in the Northern Regions of Russia: Results of the All-Russian Population Censuses. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 27(2):358-383. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.358-383

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Отношение к полиции представителей разных социально-демографических групп населения (по материалам Нижегородского региона)

А. А. Глухова¹А. А. Иудин²Д. А. Шпилев^{1*}

¹ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Нижний Новгород, Россия), *shpilev72@mail.ru

²ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (г. Нижний Новгород, Россия)

Введение. Большинство исследований о деятельности полиции в Нижегородском регионе носят заказной характер, поэтому актуально выявление действительно существующих проблем взаимоотношения населения и полиции. Цель статьи – определить реальные характеристики и особенности взаимодействия граждан и полиции на территории Нижнего Новгорода и Нижегородской области.

Материалы и методы. Основу исследования составляют материалы социологических исследований, проводимых в 2016–2017 гг. Используются общенаучные (анализ, системно-структурный подход к анализу объекта исследования) и частнонаучный методы (анкетирование жителей Нижегородской обл.), а также аспекты результатов исследований, связанные с социально-демографическими и поселенческими характеристиками отношения населения к полиции.

Результаты исследования. В процессе анализа определены факторы, оказывающие наибольшее влияние на отношение населения региона к правоохранительным органам, на готовность граждан взаимодействовать с полицией, сообщать в правоохранительные органы о преступлениях, свидетелями или жертвами которых стали жители Нижегородского региона. Проанализированы социально-демографические характеристики лояльных и нелояльных респондентов по отношению к полиции, выявлены корреляции пола, возраста, образования, местожительства респондента с отношением людей к полиции. Обнаружена необходимость в выработке практических рекомендаций

© Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А., 2018

и предложений по корректировке работы территориальных органов Министерства внутренних дел с целью повышения уровня доверия к ним со стороны населения. **Обсуждение и заключения.** Практическая значимость полученных результатов заключается в выработке практических рекомендаций и предложений по корректировке работы территориальных органов Министерства внутренних дел с целью повышения уровня доверия к ним со стороны населения и формирования положительного образа сотрудников правоохранительных органов. Статья будет полезна сотрудникам полиции, социологам, криминологам, работникам городских и районных администраций, исследователям и общественным деятелям, занимающимся подобными проблемами.

Ключевые слова: общественное мнение, полиция, жертва преступления, гендер, криминальное воздействие, преступность

Attitudes of Representatives of Different Socio-Demographic Population Groups towards the Police (Based on the Materials of the Survey Conducted in the Nizhny Novgorod Region)

A. A. Glukhova^a, A. A. Iudin^b, D. A. Shpilev^{a*}

^aNizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Nizhny Novgorod, Russia), *shpilev72@mail.ru

^bLobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

Introduction. Most studies on the work of the police in the Nizhny Novgorod Region are custom-made, so it is important to identify the really existing problems of the relationship between the population and the police. The purpose of the article is to identify the real characteristics and peculiarities of interaction between citizens and the police in the territory of Nizhny Novgorod and the Nizhny Novgorod Region.

Materials and Methods. The research was based on the materials of sociological research conducted in 2016–2017. The general scientific methods (analysis, systemic and structural approach to the analysis of the research object) and specific scientific ones (survey of residents of the Nizhny Novgorod region) were used, as well as aspects of research results related to the socio-demographic and settlement characteristics of the attitude of the population towards the police.

Results. The performed analysis allowed to identify the factors that have the most impact on the attitudes of the population of the region towards law enforcement agencies, on the willingness of citizens to interact with the police, to report to the law enforcement on the crimes which residents of the Nizhny Novgorod Region witnessed or were victims of. The socio-demographic characteristics of respondents loyal and disloyal to the police were analyzed. The study revealed the correlation between sex, age, education, the place of residence of the respondents and their attitudes towards the police. It was found necessary to develop practical recommendations and proposals for adjusting the work of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs in order to increase the level of public confidence in them.

Discussion and Conclusions. The results obtained are of practical significance as practical recommendations were developed and proposals were formulated for adjusting the work of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs with the aim of increasing the level of public confidence in them and forming a positive image of law enforcement officers. The article will be useful to police officers, sociologists, criminologists, employees of city and district administrations, researchers and public figures dealing with similar issues.

Keywords: public opinion, police, victim of crime, gender, criminal influence, criminality

Введение. Как известно, криминология связана со многими общественными науками и, прежде всего, с социологией. Социология как наука об обществе оказывает криминологии содействие, в том числе, в изучении причин, условий, мер предупреждения преступности, личности преступника. Кроме того, социология дает методологическую базу для криминологических исследований, позволяя коллегам-криминологам активно использовать такие социологические методы, как опрос, наблюдение, метод экспертных оценок, документальный анализ, социальный эксперимент. Анализ криминальной ситуации и обстановки на определенной территории обязательно должен учитывать локальную специфику таких факторов, как, например, история, традиции и обычаи, культура, социальная структура.

В зарубежных странах социологический инструментарий уже давно активно используется при анализе преступности. Первопроходцами в этом были США, где подобные исследования массово начались в середине 60-х гг. XX в.¹ В течение последующих десяти лет применение социологического инструментария при анализе преступности во всем мире приобретает регулярный характер.

В отечественной исследовательской практике социологические методы для анализа преступности задействовались недостаточно активно. Как правило, анализ традиционно осуществлялся на основе статистических данных². Однако в последние годы в ходе реформы МВД РФ ситуация начала постепенно меняться, и специалисты-криминологи все чаще обращаются к эмпирическим методам исследования. Кроме того, в соответствии с законом о полиции³ в качестве важнейшего критерия оценки работы полиции было выбрано общественное мнение. Еще до принятия закона исследования

¹ Звеквич У., Дель Фрате А. А. Обзоры виктимизации: международная перспектива // Латентная преступность: познание, политика, 105 стратегия : сб. материалов междунар. семинара. М. : ВНИИ МВД России, 1993. С. 39.

² Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : моногр. / под ред. С. М. Иншакова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 839 с.

³ О полиции : Федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 14.02.2011. № 7, ст. 900.

об отношении населения к органам внутренних дел проводились на регулярной основе⁴, но опросы не затрагивали региональные особенности мнения населения о полиции и в равной степени относились ко всей системе внутренних дел. Данная публикация призвана в определенной степени компенсировать этот недостаток, выявив реальные характеристики и особенности взаимодействия граждан и полиции в Нижегородском регионе, в котором исследования общественного мнения о деятельности полиции уже несколько лет проводятся на заказной и инициативной основе.

Предмет исследования – определение направления оптимизации образа сотрудников ОВД с помощью коррекции общественного мнения. Цель исследования – раскрытие сущностных характеристик общественного мнения как инструмента формирования образа сотрудников правоохранительных органов и оптимизации их деятельности.

Обзор литературы. В российских научных публикациях последних лет идет интенсивная дискуссия по вопросам, связанным со способами и методами получения сведений об общественной оценке деятельности полиции. В первую очередь, речь идет о соответствии оценочных критериев, традиционно используемых при изучении общественного мнения, требованиям ведомственных приказов [3]. Однако существующие теоретические положения и подходы невозможно совершенствовать без анализа актуальных эмпирических данных. Постепенно эти данные, собранные гражданскими исследователями, начинают появляться в открытом доступе, например, исследования об оценке гражданами уровня безопасности публичных мест [4], об оценке населением работы участковых уполномоченных полиции [5], о роли СМИ в оценке деятельности полиции [6]. Задействованы в этой работе и крупные аналитические центры⁵. Представители МВД РФ также активно занялись сбором и анализом эмпирического материала. В качестве примера можно назвать работу министерства по обеспечению безопасности перед проведением чемпионата мира по футболу FIFA 2018⁶. Кроме того, в настоящее время на официаль-

⁴ Уровень доверия милиции [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». Опрос населения от 10.07.2008 г. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d082723> (дата обращения: 10.03.2018); Полиция: вчера и сегодня [Электронный ресурс]. Пресс-выпуск № 2969 ВЦИОМ от 09.11.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115453> (дата обращения: 10.03.2018).

⁵ Ризер Ю. Почему в России полюбили полицию [Электронный ресурс]. URL: <https://openrussia.org/post/view/778/> (дата обращения: 01.03.2018).

⁶ Результаты изучения общественного мнения по теме «Обеспечение безопасности в периоды подготовки и проведения чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года и Кубка конфедераций FIFA 2017 года» (май – июнь 2017) [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/blanks/issledovanie> (дата обращения: 02.03.2018).

ном сайте МВД России опубликована многопараметрическая оценка деятельности полиции Российской Федерации в 2017 году⁷. На наш взгляд, весьма интересным является аналитический материал о совершенствовании системы социологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, опубликованный в популярно-правовом альманахе МВД России «Профессионал»⁸. Анализ полезного международного опыта взаимодействия полиции с институтами гражданского общества изложен в статье В. И. Майорова⁹. Однако наибольший интерес представляют региональные замеры общественного мнения о деятельности полиции¹⁰. С каждым годом таких работ становится все больше. Тем не менее количество подобных замеров до сих пор недостаточно, оно не носит системного характера, инструментарий, используемый исследователями, не всегда отвечает критериям серьезного социологического и криминологического исследования.

Отношение населения к полиции является достаточно популярной темой и в зарубежной научной литературе. Так, например, в Германии регулярно проводятся исследования об общественном контроле за работой полиции [7], о восприятии школьниками и школьницами мужчин- и женщин-полицейских [8], в Америке – о функциях полиции в современном обществе, о монополии полиции на насилие [9], о гендерных различиях между сотрудниками полиции и восприятии этих различий населением [10].

Материалы и методы. Несомненный интерес для специалистов и научной общественности представляет изучение взаимоотношения и взаимодействия населения с сотрудниками органов внутренних

⁷ Оценка деятельности полиции Российской Федерации в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения: 04.03.2018).

⁸ Развитие системы исследования общественного мнения о деятельности полиции. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ormvd.ru/pubs/102/the-development-of-public-opinion-research-on-police-activities> (дата обращения: 09.03.2018).

⁹ Майоров В. И. Деятельность полиции с ориентацией на общественность [Электронный ресурс] // Отрасли права : аналит. портал. URL: <http://отрасли-права.рф/article/16467> (дата обращения: 09.03.2018).

¹⁰ На Урале изучат общественное мнение о работе полиции [Электронный ресурс] // АиФ-Урал. 13.02.2018. URL: http://www.ural.aif.ru/society/na_ural_e_izuchat_obshchestvennoe_mnenie_o_rabote_policii (дата обращения: 09.03.2018); Полиция о себе и об общественном контроле. Мониторинг общественного мнения [Электронный ресурс] // Российские новости. 17.01.2018. URL: <http://antipytki.ru/2018/01/17/politsiya-o-sebe-i-ob-obshhestvennom-kontrol-e-monitoring-obshhestvennogo-mneniya/> (дата обращения: 09.03.2018); Отчет по результатам социологического исследования «Общественная оценка работы полиции» [Электронный ресурс] // Pandia. URL: <http://pandia.ru/text/78/455/26714.php> (дата обращения: 09.03.2018); Жителей Сосновского района спросят, что они думают о полиции [Электронный ресурс] // Сосновская нива. 20.03.2017. URL: <http://sn74.ru/articles/zakon-i-poryadok/01633> (дата обращения: 09.03.2018).

дел, а также выявление факторов, формирующих и влияющих на данные взаимоотношения. Именно поэтому объектом исследования было выбрано общественное мнение в отношении образа сотрудников органов внутренних дел.

Исходя из поставленной цели, в 2015–2017 гг. кафедрой криминологии Нижегородской академии МВД России были проведены два исследования: «Уровень латентной преступности и ее влияние на состояние оперативной обстановки в регионе» и «Влияние информации криминального характера в средствах массовой коммуникации на субъективную оценку гражданами уровня своей защищенности от преступных посягательств и степень доверия органам внутренних дел». Их результаты отражены нами в ранее опубликованных материалах¹¹ [1; 2]. В ходе исследований применялись частнонаучные опросные методы – анкетирование ($n = 1\ 309$; $n = 772$) и интервьюирование ($n = 24$ {1}; $n = 31$ {2}). В обоих анкетных опросах использовалась квотная двухступенчатая выборка. Было осуществлено пропорциональное распределение числа респондентов по районам области и города. На втором этапе городские районы были объединены в группы, а областные районы – в кусты. Связано это с тем, что более мелкое деление требует значительно большего объема выборки и не позволяет проследить все необходимые характеристики. В общем и целом адекватно генеральной совокупности и половозрастное распределение респондентов при незначительном снижении доли лиц пенсионного возраста.

В процессе работы также были использованы общенаучные (анализ, системно-структурный подход к анализу объекта исследования) и логические методы.

Проведенные исследования соединяют в себе различные подходы к анализируемым процессам и позволяют сделать шаг в сторону создания системы комплексного социологического мониторинга изменения общественного мнения о деятельности полиции.

Результаты исследования. По результатам проведенных авторами исследований были выявлены и систематизированы оценки нижегородцами работы полиции, уровень латентной преступности в регионе, уровень опасений криминалитета, виктимности населения, гендерные и поселенческие особенности оценок респондентами в городе и области их жизненных обстоятельств, а также целый

¹¹ Уровень преступности и безопасность человека: опыт социологического анализа / научн. ред. А. А. Иудин. Н. Новгород : НИСОЦ, 2017. 111 с.; Противостояние криминалу: право и правосознание. Социологический анализ / под ред. проф. А. А. Иудина. Н. Новгород : НИСОЦ, 2017. 131 с.

ряд других параметров. Однако в данной публикации мы хотели бы подробнее остановиться на анализе социально-демографических характеристик групп респондентов, лояльных и нелояльных по отношению к полиции. В обобщенном виде данные характеристики представлены в таблице 1.

Таблица 1. Социально-демографические характеристики групп лояльности¹², %
Table 1. Socio-demographic characteristics of loyalty groups, %

Характеристики / Characteristics		Нелояльные / Disloyal	Лояльные / Loyal
Пол / Sex	Мужской / Male	45	57
	Женский / Female	52	38
	Нет ответа / No answer	2	5
Возраст / Age	до 25 лет / under 25 years of age	8	14
	26–30 лет / 26–30 years old	15	18
	31–34 года / 31–34 years old	13	17
	35–37 лет / 35–37 years old	12	12
	38–40 лет / 38–40 years old	16	12
	41–45 лет / 41–45 years old	12	9
	46 лет и более / 46 years of age and over	18	10
	Нет ответа / No answer	5	8
Образование / Education	Среднее / Secondary	36	26
	Среднее специальное / Special secondary	20	17
	Высшее / Higher	33	38
	Неоконченное высшее / Incomplete higher	6	7
	Иное / Other	0	4

Среди лояльных респондентов преобладают мужчины моложе 35 лет, имеющие высшее образование и постоянный заработок. Среди нелояльных больше женщин в возрасте около 40 лет и старше, лиц со средним образованием, а также иждивенцев (учащихся, пенсионеров, безработных, людей, находящихся в декретном отпуске).

¹² Здесь и далее в статье таблицы составлены авторами.

Следует также отметить, что изменение структуры лояльности происходит в возрастной группе 35–37 лет, в которой доля лояльных и нелояльных одинакова. У респондентов моложе 35 лет лояльность повышена, а у людей старше 37 лет наблюдается рост нелояльности. Очевидно, что нелояльность коррелирует с социальной незащищенностью, которая повышена у женщин и лиц старших возрастов. Еще одним параметром, влияющим на уровень лояльности, является место жительства. Высокий уровень нелояльности демонстрируют жители индустриальных территорий в городе и области, а также сельскохозяйственных территорий.

Зависимость оценок работы полиции от возраста респондентов. Рассмотрим несколько ключевых параметров, связанных с возрастом респондентов и оказывающих значительное влияние на формирование лояльного отношения к полиции. Первым параметром является оценка респондентами их жизненных обстоятельств, в частности, изменение качества жизни за последние 2–3 года. При выделении трех возрастных групп респондентов – молодые (17–30 лет), зрелые (31–55 лет) и пожилые (56–87 лет) – явно просматриваются две группы: оптимистов и пессимистов. Полученные данные показали, что жизнь молодых людей в целом несколько улучшилась, у пожилых респондентов она стала несколько хуже; опрошенные средней возрастной группы чувствуют себя достаточно стабильно, их жизнь за последнее время изменилась незначительно (табл. 2).

Таблица 2. Изменение жизни респондентов за последние 2–3 года, %
Table 2. Changes in respondents' lives over the last 2–3 years, %

Ответ / Answer	Выборка / Sampling	Молодежь / Young people	Люди зрелого возраста / Mature people	Пожилые люди / Elderly people
Стала гораздо лучше / Has become much better	8	11	7	5
В целом несколько улучшилась / In general, has slightly improved	28	39	24	22
Не изменилась / Has not changed	39	35	41	40
Стала несколько хуже / Has become slightly worse	19	11	21	25
Значительно ухудшилась / Has significantly deteriorated	5	4	5	8
Нет ответа / No answer	1	0	1	0

Аналогичная тенденция просматривается и при оценке респондентами своего будущего: молодежь смотрит в будущее с надеждой и оптимизмом, в оценках пожилых людей преобладают тревога и неуверенность. О высоком уровне оптимизма молодежи можно судить по тому, что они чаще смотрят в будущее с надеждой и реже – с тревогой. Респонденты среднего возраста (зрелые) проявляют спокойствие, основанное на рациональности восприятия мира и жизненном опыте (табл. 3). Таким образом, лояльное отношение к полиции у молодых респондентов в значительной степени связано с общим позитивным восприятием ими своей жизни и своего будущего.

Таблица 3. Оценка респондентами своего будущего, %

Table 3. Respondents' assessment of their future, %

Смотрят в будущее / Look to the future	Выборка / Sampling	Молодежь / Young people	Люди зрелого возраста / Mature people	Пожилые люди / Elderly people
С надеждой и оптимизмом / With hope and optimism	36	48	30	28
Спокойно, но без особых надежд и иллюзий / Calmly, but without much hope and illusion	44	36	50	46
С тревогой и неуверенностью / With anxiety and uncertainty	16	12	14	22
Со страхом и отчаянием / With fear and despair	3	3	3	4
Нет ответа / No answer	2	1	3	1

Наибольший разброс мнений у представителей трех возрастных групп вызвала оценка различных сторон работы полиции. В данном блоке вопросов использовалась шкала: «плохо – удовлетворительно – хорошо». Молодые респонденты оценивают работу полиции преимущественно положительно (табл. 4). Данное обстоятельство может быть связано с отсутствием у большинства представителей молодежи реального опыта общения с полицией. Жизненный опыт зрелых и пожилых респондентов богаче, они дают более взвешенные оценки, поэтому склонны выбирать вариант ответа «скорее положительно, чем отрицательно». Разница в оценках между молодыми и пожилыми респондентами особенно ярко видна при выставлении хороших оценок за различные аспекты работы полиции.

Таблица 4. Оценка респондентами различных сторон работы полиции (оценка «хорошо»), %

Table 4. Respondents' assessment of different aspects of police work (assessment being 'good'), %

Стороны работы полиции / Aspects of police work	Выборка / Sampling	Молодежь / Young people	Люди зрелого возраста / Mature people	Пожилые люди / Elderly people
Обеспечение соблюдения законов / Enforcement of laws	38	48	38	23
Быстрота реакции на вызовы / Rapid response to calls	31	36	30	25
Доступность, вежливость, готовность оказать помощь / Availability, politeness, willingness to help	41	47	44	29
Справедливость отношения к людям / Fair treatment of people	35	43	37	22
Обеспечение безопасности граждан / Ensuring safety of the citizens	33	40	33	22
Честное, добросовестное отношение к своей работе / Honest, conscientious attitude to their work	35	43	33	26
Информирование общественности о своей работе / Informing the public about their work	41	47	41	29

Интересно, что большого разброса мнений у трех возрастных групп по оценке «плохо» за те же стороны работы полиции не отмечается (за исключением параметра «быстрота реакции на вызовы»; он максимально негативно оценен зрелыми и пожилыми респондентами – 17 % в обоих случаях), а вот оценка «удовлетворительно» ставилась в основном пожилыми людьми (по параметру «удовлетворительно» существенных отличий между молодыми и зрелыми респондентами не выявлено). Таким образом, пожилые респонденты в целом удовлетворены работой полиции, хотя при этом не испытывают в отношении правоохранительных органов никаких позитивных иллюзий.

Сделанные выводы подтверждаются и анализом средних оценок (среднеарифметических показателей оценок сторон работы полиции по шкале: «хорошо» – 4; «удовлетворительно» – 3; «плохо» – 2 по каждому из параметров, приведенных в таблице 4). Зрелые респонденты дают больше всех сравнительно низких оценок, по-

нижено оценивают содержание работы полиции с населением, особенно быстроту реакции на вызовы. Пожилые тоже дают немало низких оценок и понижают формы контактов полиции с населением, особенно обеспечение соблюдения законов. Пожилые и зрелые респонденты дают оценки чуть выше «удовлетворительно», а молодые – между «удовлетворительно» и «хорошо». У молодых людей оценки выше средневыворочных, а у зрелых и пожилых – ниже средних.

Наибольший разброс мнений у респондентов разных возрастных групп проявляется также и в оценке путей улучшения работы полиции. В данном блоке использовалась шкала: «категорически не согласны – скорее не согласны – затрудняюсь ответить – скорее согласны – совершенно согласны». Все мероприятия по улучшению работы полиции получили высокий уровень согласия с необходимостью их применения, однако здесь также просматриваются различия, связанные с возрастом респондентов. Молодежь привыкла к общению через гаджеты, больше надеется на системы видеонаблюдения, поэтому молодые люди чаще затрудняются с ответом на вопрос о том, нужно ли полицейским чаще общаться с жителями, проводить беседы, лекции (табл. 5). Группового общения с полицейскими больше хотят пожилые респонденты. Они уверены, что полиция плохо информирует общественность о своей работе. В свою очередь, молодые и зрелые респонденты более требовательны к уровню образования полицейских и их умению вежливо общаться с гражданами. Представители самого старшего поколения чувствуют себя более спокойно, если видят на улице полицейские патрули, обеспечивающих их безопасность, а не камеры видеонаблюдения.

Таблица 5. Мнение респондентов о путях улучшения работы полиции («совершенно согласны»), %

Table 5. Respondents' views on the ways to improve the police work (the answer being 'absolutely agree'), %

Пути улучшения работы полиции / Ways to improve police work	Выборка / Sampling	Молодежь / Young people	Люди зрелого возраста / Mature people	Пожилые люди / Elderly people
1	2	3	4	5
Полиции нужно больше общаться с жителями, проводить беседы, лекции / Police need to communicate more with people, have conversations, hold lectures	26	21	24	34

Окончание табл. 5 / End of table 5

1	2	3	4	5
Устранить следующие недостатки: недоброжелательность, высокомерное обращение к людям / To eliminate the following shortcomings: ill-will, arrogant treatment of people	25	24	22	29
Брать в полицию только тех, кто служил в армии, в подразделениях специального назначения / The police should hire only those who served in the army, in special forces units	25	26	18	33
Повысить техническую оснащенность полиции / To increase the technical equipment of the police	57	56	55	60
Больше заниматься профилактикой правонарушений / To do more to prevent offenses	41	34	39	49
Работать с подростками / To work with teenagers	51	45	49	61
Не проводить сокращения, а расширять штат сотрудников полиции / Not to reduce, but to increase the number of police officers	47	49	46	44
Чтобы полицейские были более образованными и относились к гражданам вежливо и доброжелательно / Policemen should be more educated and should treat people politely and kindly	51	50	46	58
Отсутствие коррупции в полиции / The police should be free of corruption	67	62	67	73
Устранить бюрократическую работу дежурных полиции во время приема заявлений граждан / To eliminate the bureaucratic work of the police on duty when registering filed police reports	46	45	40	52
Необходимо пресекать пьянство на улице, нужен вытрезвитель / It is necessary to stop street drinking, a detoxification center is needed	48	47	46	50
Более активно следить за порядком на улице, усилить патрули / More actively to keep order on the streets, to strengthen patrols	54	48	53	61

Оценки работы полиции в гендерном аспекте. Женщины немного чаще мужчин (на 6 %) говорят о том, что смотрят в будущее с надеждой и оптимизмом или по крайней мере спокойно. Несмотря на свой оптимизм, женщины выше мужчин оценивают опасность стать

жертвой преступления. При этом они выделяют некоторые специфические факторы, способные создать у них ощущение безопасности в местах их проживания.

Для женщин крайне важна хорошая освещенность территории в темное время суток, а также отсутствие уединенных мест, где может скрываться преступник, наличие кнопки экстренного вызова полиции (табл. 6). Тем самым женщины демонстрируют запрос на создание условий, которые могут предотвратить преступление. Мужчины в большей мере надеются на систему постоянного видеонаблюдения и установку индивидуальной охранной системы, хотят, чтобы территория вокруг была ухожена.

Таблица 6. Факторы, способные обеспечить мужчинам и женщинам ощущение личной безопасности в месте проживания, %

Table 6. Factors that can provide men and women with a sense of personal security in their place of residence, %

Ответ / Answer	Выборка / Sampling	Мужчины / Men	Женщины / Women
Хорошая освещенность территории в темное время суток / Good illumination of the territory in the dark	69	62	76
Наличие системы постоянного видеонаблюдения / Presence of a standing surveillance system	48	51	46
Наличие кнопки экстренного вызова полиции / Presence of the emergency police call button	23	18	27
Отсутствие укромных мест, где может поджидать преступник / Absence of secluded places, where a criminal can lie in wait	19	13	25
Наличие поблизости стационарного поста полиции / The presence of a nearby police station	26	27	24
Общая ухоженность территории / Well-groomed territory	23	26	20
Патрулирование гражданами района своего проживания / Patrolling by people of their area of residence	19	19	20
Установка индивидуальной охранной системы / Installation of an individual security system	13	14	12
Нет ответа / No Answer	3	3	3

Таблица 7. Мнение мужчин и женщин о путях улучшения работы полиции (ответ «совершенно согласны»), %

Table 7. Views of men and women on the ways to improve the police work (the answer being 'absolutely agree'), %

Пути улучшения работы полиции / Ways to improve police work	Выборка / Sampling	Мужчины / Men	Женщины / Women
Полиции нужно больше общаться с жителями, проводить беседы, лекции / Police need to communicate more with people, have conversations, hold lectures	68	64	72
Устранить следующие недостатки: недоброжелательность, высокомерное обращение к людям / To eliminate the following shortcomings: ill-will, arrogant treatment of people	55	52	58
Брать в полицию только тех, кто служил в армии, в подразделениях специального назначения / The police should hire only those who served in the army, in special forces units	54	51	58
Повысить техническую оснащенность полиции / To increase the technical equipment of the police	84	81	86
Больше заниматься профилактикой правонарушений / To do more to prevent offenses	84	81	86
Работать с подростками / To work with teenagers	86	84	88
Не проводить сокращения, а расширять штат сотрудников полиции / Not to reduce, but to increase the number of police officers	71	68	74
Чтобы полицейские были более образованными и относились к гражданам вежливо и доброжелательно / Policemen should be more educated and should treat people politely and kindly	83	82	84
Отсутствие коррупции в полиции / The police should be free of corruption	85	83	88
Устранить бюрократическую работу дежурных полиции во время приема заявлений граждан / To eliminate the bureaucratic work of the police on duty when registering filed police reports	72	71	72
Необходимо пресекать пьянство на улице, нужен вытрезвитель / It is necessary to stop street drinking, a detoxification center is needed	81	78	83
Более активно следить за порядком на улице, усилить патрули / More actively to keep order on the streets, to strengthen patrols	85	82	88

У женской половины опрошенных больше требований к полиции. Они склонны считать, что полицейские несправедливо относятся к людям, недостаточно вежливы и доступны. Женщины хотят от полиции большей результативности по всем направлениям работы, склонны меньше доверять полицейским по сравнению с респондентами-мужчинами (табл. 7).

Наряду с нежеланием тратить время на бумажную волокиту неведение женщин в эффективность работы правоохранительных органов часто является одной из основных причин отказа от обращения в полицию. Мужчины не обращаются в полицию по причине малозначительности преступления, жертвой которого они стали. При этом женщины (как правило, сохраняя анонимность) чаще мужчин готовы сообщать полиции обо всех правонарушениях, свидетельницами которых им приходилось быть, считая это обязанностью каждого добропорядочного гражданина. В отличие от мужчин, женщины не хотят помогать полиции не только словом, но и делом, например, лично принимать участие в работе народной дружины.

Женщины обязательно обратились бы в полицию в случае нападения и причинения вреда здоровью, квартирной кражи или угроз. Готовность мужчин обращаться в правоохранительные органы выше, например, даже в случае оскорбления. Информацию о работе полиции мужчины чаще ищут в интернете, женщины – пытаются получить от друзей и знакомых.

Таким образом, женщины настроены по отношению к полиции менее лояльно, они более требовательны к ней, оценки качества работы подразделения носят жесткий характер. Женщины стараются лишней раз не взаимодействовать с представителями органов правопорядка на личном уровне.

Зависимость оценок работы полиции от уровня образования респондентов. Отношение к полиции во многом зависит и от уровня образования. Респонденты с высшим образованием уверены в завтрашнем дне и смотрят в будущее более спокойно по сравнению с респондентами со средним образованием. Этот факт подтверждается и при оценке респондентами опасности стать жертвой преступления: люди с высшим образованием считают, что такая опасность существует, но в разумных пределах; более выражены опасения у людей без высшего образования.

Образованные люди более требовательны к качеству жизни, к общей ухоженности территории, поэтому их больше раздражает разбросанный мусор в месте проживания, наличие там пьяных и агрессивных людей. Они также заинтересованы в безопасности

окружающего пространства, хотят, чтобы в месте их проживания была установлена система постоянного видеонаблюдения, а сама территория была хорошо освещена и оборудована кнопкой экстренного вызова полиции. Образованные люди в большей степени готовы инвестировать средства в установку индивидуальной охранной системы. Их требования к полиции выше, они меньше доверяют ей, более придирчиво оценивают ее работу. Это подтверждается при сопоставлении оценок различных сторон работы полиции, поставленных респондентами с разным уровнем образования (табл. 8).

Таблица 8. Оценка сторон работы полиции респондентами с разным уровнем образования (ответ «хорошо»), %

Table 8. Assessment of aspects of police work by respondents with different levels of education (the answer being 'good'), %

Стороны работы полиции / Aspects of police work	Высшее образование / Higher education	Среднее образование / Secondary education
Обеспечение соблюдения законов / Enforcement of laws	36	42
Быстрота реакции на вызовы / Rapid response to calls	28	38
Доступность, вежливость, готовность оказать помощь / Availability, politeness, willingness to help	39	47
Справедливость отношения к людям / Fair treatment of people	32	40
Обеспечение безопасности граждан / Ensuring safety of the citizens	30	39
Честное, добросовестное отношение к своей работе / Honest, conscientious attitude to their work	31	41
Информирование общественности о своей работе / Informing the public about their work	39	43

Данные группы респондентов по-разному оценивают и пути улучшения работы полиции. Люди с высшим образованием требуют устранить в полиции коррупцию, бюрократию при приеме заявлений от граждан, очистить улицы от пьяных. Респонденты с высшим образованием в меньшей степени разделяют мнение о том, что полиция помогает гражданам в решении их проблем и защищает интересы всего общества в целом. Они также не уверены, что полицейские готовы выполнять свой долг, несмотря на угрозу жизни и здоровью.

Респонденты с высшим образованием (или их близкие) чаще обращаются в полицию по сравнению с респондентами со средним

образованием. Удовлетворенность от работы полиции у образованных людей ниже.

Как показывает практика, потерпевшие отказываются от подачи заявления в правоохранительные органы по разным причинам. Среди основных причин респонденты с высшим образованием называют неверие в эффективность работы правоохранительных органов, негативный опыт взаимодействия с правоохранительными органами в прошлом, жизненный опыт, говорящий о том, что в этом нет никакого смысла (табл. 9). Отказ от обращения в полицию по причине малозначительности преступления занимает в обеих группах респондентов лидирующее место.

Таблица 9. Оценка результатов работы полиции после обращения респондентами разного уровня образования, %

Table 9. Assessment of the results of police work after reporting by respondents with different levels of education, %

Реакция / Response	Высшее образование / Higher education	Среднее образование / Secondary education
Последовала быстрая реакция полиции / There was a quick response from the police	25	28
Вмешательство полиции решило проблемы / Police intervention solved the problem	23	30
Полицейские не приняли необходимых мер / The police did not take the necessary measures	11	8
Они поздно прибыли на вызов / They arrived late in response to the call	8	4
Не нашли или не арестовали нарушителя / They did not find or did not arrest the offender	16	9
Не вернули имущество / They did not return property	17	8
Не информировали пострадавших надлежащим образом / They did not inform the victims properly	2	1
Неправильно/невежливо обращались с потерпевшим / They treated the victim wrongly/impolitely	2	1
Отказались регистрировать правонарушение / They refused to register the offense	2	2

Респонденты со средним образованием в большей степени являются участниками или жертвами бытовых ссор и скандалов, семейных конфликтов. Именно поэтому они чаще, чем респонденты с высшим

образованием знакомы со своим участковым, чаще обращались к нему за помощью, готовы оценить его работу.

Территориальные и поселенческие особенности оценок работы полиции. Большинство нелояльно настроенных к полиции респондентов составляют горожане, среди лояльных преобладают жители райцентров (табл. 10). Однако это связано не с плохой работой полиции в городе. Город по природе своей анонимен в отличие от более мелких населенных пунктов, где жители, как правило, знают друг друга. Горожане больше опасаются и за свою жизнь и имущество, сильнее ощущают социальное беспокойство.

Таблица 10. Доля лояльных/нелояльных респондентов в разных поселениях Нижегородской области, %

Table 10. The share of loyal/disloyal respondents in different settlements of the Nizhny Novgorod Region, %

Тип населенного пункта / Type of settlement	Выборка / Sampling	Нелояльные / Disloyal	Лояльные / Loyal
Н. Новгород / Nizhny Novgorod	43	75	27
Райцентр / District center	30	11	39
Поселок / Township	11	5	14
Село, деревня / Village	7	1	10
Нет ответа / No Answer	9	8	10

Отношения к полиции жителей городских районов также различны и имеет свои особенности. Нижний Новгород включает в себя восемь районов, три из которых расположены в нагорной (верхней) части города (Нижегородский, Советский и Приокский), а пять – в заречной (нижней, промышленной) части (Автозаводский, Ленинский, Канавинский, Сормовский и Московский). Наибольшее количество состоятельных и образованных респондентов проживают в Нижегородском и Советском районах. У них очень высок уровень требований к полиции, к качеству ее работы, поэтому высок и их уровень нелояльности (табл. 11). Кроме того, в Нижегородском районе сохраняются достаточно высокие показатели экономической преступности. В заречной части города криминальными районами традиционно являются Автозаводский и Канавинский, у населения которых причина нелояльности к полиции связана, скорее, со сложившимися традициями.

Таблица 11. Доля лояльных/нелояльных респондентов в разных районах Нижнего Новгорода, %

Table 11. The share of loyal/disloyal respondents in different districts of Nizhny Novgorod, %

Район Нижнего Новгорода / District of Nizhny Novgorod	Выборка / Sampling	Нелояльные / Disloyal	Лояльные / Loyal
Нижегородский / Nizhegorodsky District	6	14	4
Советский / Sovetsky District	6	15	3
Приокский / Prioksky District	6	7	4
Автозаводский / Avtozavodsky District	6	12	5
Ленинский / Leninsky District	6	9	5
Канавинский / Kanavinsky District	7	14	4
Московский / Moskovsky District	1	1	1
Сормовский / Sormovsky District	6	3	4

Как отмечалось выше, районы Нижегородской области были поделены на кусты. Жители области, как правило, неплохо знают не только друг друга, но и работающих в их местности сотрудников полиции, поэтому не испытывают такого повышенного уровня тревожности, как горожане. Следовательно, уровень лояльности в области выше, чем в городе (табл. 12).

Таблица 12. Доля лояльных/нелояльных респондентов в разных территориях области, %

Table 12. Share of loyal/disloyal respondents in different territories of the Nizhny Novgorod Region, %

Районы Нижегородской области, объединенные в кусты (группы) / Grouped territories of the Nizhny Novgorod Region	Выборка / Sampling	Нелояльные / Disloyal	Лояльные / Loyal
Южный куст / Southern group	9	5	11
Юго-восточный куст / South-Eastern group	6	3	8
Заволжский куст / Trans-Volga group	10	4	11
Северный куст / Northern group	8	4	11
Волжско-окский куст / Volga-Oka group	13	1	17

Обсуждение и заключения. В заключение следует отметить, что жизненные трудности, переживаемые частью респондентов (значительное ухудшение уровня жизни за последние 2–3 года, неуверенность в завтрашнем дне, повышенная тревожность и т. д.), оказывают влияние и на их отношение к полиции. У них фиксируется высокий уровень нелояльности к полиции, опасения стать жертвой преступников или полицейского произвола. Такие респонденты склонны отрицательно оценивать качество работы полиции, личные качества сотрудников. Именно в этой ситуации особую важность приобретает наличие практических рекомендаций и предложений по корректировке работы территориальных органов МВД, в том числе с целью повышения уровня доверия к ним со стороны населения. Выработанные рекомендации должны носить не общий, а практический характер, максимально учитывать социально-демографические характеристики различных групп населения, позволять сотрудникам, ежедневно лично общающимся с гражданами, принимать во внимание менталитет различных групп населения, их надежды, чаяния, ценностные ориентации, в том числе и социально обусловленную специфику восприятия полиции и ее работы. Только в этом случае методические рекомендации могут эффективно использоваться для формирования положительного образа сотрудников органов внутренних дел.

Положительный образ полицейского способствует формированию доверительных отношений между полицией и населением. В конечном итоге это значительно способствует повышению уровня раскрываемости отдельных видов преступлений, общему смягчению криминогенной ситуации. Отметим, что представленный нами материал может быть полезен не только действующим сотрудникам полиции и руководителям территориальных органов МВД, но и социологам, криминологам, сотрудникам PR-служб, представителям СМИ и членам общественных советов при МВД, работникам городских и районных администраций.

При всех существующих сложностях отношение населения к полиции за последние годы постепенно приобретает устойчивую положительную динамику: начинают исчезать страх и недоверие, появляется интерес и гордость за нашу полицию. В этой ситуации перманентный социологический мониторинг отношения населения к полиции крайне необходим. Отдельные исследования (часто инициативные), проводимые как на ведомственном уровне, так и отдельными социологами и криминологами, должны смениться постоянными замерами на общенациональном и региональных уровнях с использованием унифицированного, но при этом эффективного про-

фессионального инструментария. Очевидно, что только такой подход будет максимально полезным и позволит оперативно реагировать на любые изменения, происходящие во взаимоотношениях населения и сотрудников органов внутренних дел.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Опыт измерения уровня виктимизации населения Нижегородского региона // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 3. С. 175–186. DOI: 10.21202/1993-047X.10.2016.3.175-186
2. Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Оценка гражданами уровня доверия полиции и защищенности от преступных посягательств // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, № 3. С. 56–80. DOI: 10.21202/1993-047X.11.2017.3.56-80
3. Зиновьев С. В. Проблемы выбора направлений исследования общественного мнения в рамках формирования официальной оценки деятельности полиции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 4 (28). С. 72–83. URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on8413 (дата обращения: 09.03.2018).
4. Гаврилин С. А. Социальные представления о безопасности пребывания граждан в общественных местах // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 4. С. 32–37. DOI: 10.12737/11950
5. Дадаева Т. М., Костромкина К. А. Факторы формирования общественного мнения о работе участковых полиции (на примере г.о. Саранск) // Регионоведение. 2016. № 2 (95). С. 137–146. URL: <https://regionsar.ru/node/1465> (дата обращения: 09.03.2018).
6. Зуева О. В., Демидов Н. Н. Влияние СМИ на оценку эффективности деятельности полиции (по результатам социологических исследований) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 3 (33). С. 79–84. DOI: 10.15688/jvolsu7.2016.3.10
7. Heinrich A. Mehr Transparenz und Kontrolle bei der Polizei. Berlin und Brandenburg führen Polizeikennzeichnung ein, andere Bundesländer folgen // Grundrechte-Report 2012. Zur Lage der Bürger- und Menschenrechte in Deutschland. Frankfurt am Main : S. Fischer Taschenbuch Verlag, 2012. S. 168–172. URL: http://www.humanistische-union.de/nc/publikationen/grundrechte_report/online/artikel/grr_artikel_detail/back/artikel-20/article/mehr-transparenz-und-kontrolle-bei-der-polizei-berlin-und-brandenburg-fuehren-polizeikennzeichnung/ (дата обращения: 09.03.2018).
8. Schäfer E. Die Polizistin aus der Sicht von Schülern der Sekundarstufe I in Baden-Württemberg // Innen- und Außensicht(en) der Polizei. Empirische Polizeiforschung VI. Frankfurt am Main : Verl. für Polizeiwiss. 2005. S. 179–186.

URL: <https://www.amazon.de/Innen-Au%C3%9Fenansicht-Polizei-Empirische-Polizeiforschung/dp/3935979495> (дата обращения: 09.03.2018).

9. Bittner E. The Functions of the Police in Modern Society. Washington, 1970. URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/Digitization/147822NCJRS.pdf> (дата обращения: 09.03.2018).

10. Burke R. J., Mikkelsen A. Gender differences in policing: Signs of progress? // Employee Relations. 2005. Vol. 27, issue 4. Pp. 425–436. DOI: 10.1108/01425450510605732

Поступила 11.03.2018; принята к публикации 20.04.2018; опубликована онлайн 29.06.2018.

Об авторах:

Глухова Анна Анатольевна, начальник кафедры криминологии ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7462-8947>, Researcher ID: A-5228-2016, namvd_crime@mail.ru

Иудин Александр Анатольевич, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (603022, Россия, г. Н. Новгород, пр-т Гагарина, д. 23), доктор экономических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1925-007X>, Researcher ID: A-5266-2016, iudin@fsn.unn.ru

Шпилев Дмитрий Анатольевич, профессор кафедры криминологии ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3), профессор кафедры социологии и социальной работы, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (603022, Россия, г. Н. Новгород, пр-т Гагарина, д. 23), доктор социологических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9499-0580>, Researcher ID: A-5200-2016, shpilev72@mail.ru

Заявленный вклад соавторов:

Глухова Анна Анатольевна – администратор проекта; обеспечение ресурсами; сбор и курирование данных.

Иудин Александр Анатольевич – научное руководство; развитие методологии; критический анализ и доработка текста.

Шпилев Дмитрий Анатольевич – формализованный анализ данных; компьютерные работы; подготовка начального варианта текста; представление данных в тексте.

Для цитирования: Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Отношение к полиции представителей разных социально-демографических групп населения (по материалам Нижегородского региона) // Регионоведение. 2018. Т. 26, № 2. С. 384–407. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.384-407

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Glukhova A.A., Iudin A.A., Shpilev D.A. Experience of measuring the level of victimization of the population of the Nizhny Novgorod region. *Aktualnye problemy ehkonomiki i prava* = Actual Problems of Economics and Law. 2016; 10(3):175-186. DOI: 10.21202/1993-047X.10.2016.3.175-186
2. Glukhova A.A., Iudin A.A., Shpilev D.A. Assessment by citizens of the level of confidence of police and protection from criminal entry. *Aktualnye problemy ehkonomiki i prava* = Actual Problems of Economics and Law. 2017; 11(3):56-80. DOI: 10.21202/1993-047X.11.2017.3.56-80
3. Zinoviev S.V. Problems of choosing directions of research of public opinion in the framework of formation of official estimation of police activity. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki* = University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. 2013; 4(28):72-83. Available at: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on8413 (accessed 09.03.2018). (In Russ.)
4. Gavrilin S.A. Social representations of safe citizens staying in public places. *Srednerusskij vestnik obshhestvennykh nauk* = Central Russian Journal of Social Sciences. 2015; 10(4):32-37. DOI: 10.12737/11950
5. Dadaeva T.M., Kostromkina K.A. Factors forming the public opinion on the work of district police officers (a case study of Saransk). *Regionologiya* = Regionology. 2016; 2(95):137-146. Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/1465> (accessed 09.03.2018). (In Russ.)
6. Zueva O.V., Demidov N.N. The influence of mass media on the evaluation of effectiveness of police activity (based on the results of sociological research). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnye tekhnologii* = The Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies. 2016; 3(33):79-84. DOI: 10.15688/jvolsu7.2016.3.10
7. Heinrich A. Mehr Transparenz und Kontrolle bei der Polizei. Berlin und Brandenburg führen Polizeikennzeichnung ein, andere Bundesländer folgen. In: *Grundrechte-Report 2012. Zur Lage der Bürger- und Menschenrechte in Deutschland*. Frankfurt am Main: S. Fischer Taschenbuch Verlag; 2012. p. 168-172. Available at: http://www.humanistische-union.de/nc/publikationen/grundrechte_report/online/artikel/grr_artikel_detail/back/artikel-20/article/mehr-transparenz-und-kontrolle-bei-der-polizei-berlin-und-brandenburg-fuehren-polizeikennzeichnung/ (accessed 09.03.2018). (In Germ.)
8. Schaefer E. Die Polizistin aus der Sicht von Schülern der Sekundarstufe I in Baden-Württemberg. In: *Innen- und Außensicht(en) der Polizei. Empirische Polizeiforschung VI*. Frankfurt am Main: Verl. für Polizeiwiss; 2005. p. 179-186. Available at: <https://www.amazon.de/Innen-Au%C3%9Fenansicht-Polizei-Empirische-Polizeiforschung/dp/3935979495> (accessed 09.03.2018). (In Germ.)
9. Bittner E. The Functions of the Police in Modern Society, Washington 1970. Available at: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/Digitization/147822NCJRS.pdf> (accessed 09.03.2018).

10. Burke R.J., Mikkelsen A. Gender differences in policing: signs of progress? *Employee Relations*. 2005; 27(4):425-436. DOI: 10.1108/01425450510605732

Submitted 11.03.2018; accepted for publication 20.04.2018; published online 29.06.2018.

About the authors:

Anna A. Glukhova, Head of Department of Criminology, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (3 Ankundinovskoye Shosse, Nizhny Novgorod 603950, Russia), Ph. D. (Law), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7462-8947>, Researcher ID: A-5228-2016, namvd_crime@mail.ru

Alexander A. Iudin, Professor of Department of Sectoral and Applied Sociology, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603950, Russia), Dr. Sci. (Economics), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1925-007X>, Researcher ID: A-5266-2016, iudin@fsn.unn.ru

Dmitry A. Shpilev, Professor of Department of Criminology, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (3 Ankundinovskoye Shosse, Nizhny Novgorod 603950, Russia), Professor at the Department of Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603950, Russia), Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9499-0580>, Researcher ID: A-5200-2016, shpilev72@mail.ru

Contribution of the authors:

Anna A. Glukhova – project administrator; providing resources; collecting and managing data.

Alexander A. Iudin – scientific management; development of methodology; critical analysis and revision of the text.

Dmitry A. Shpilev – formalized data analysis; computer work; preparation of the initial version of the text; presentation of data in the text.

For citation: Glukhova A.A., Iudin A.A., Shpilev D.A. Attitudes of Representatives of Different Socio-Demographic Population Groups towards the Police (Based on the Materials of the Survey Conducted in the Nizhny Novgorod Region). *Regionologiya* = Regionology. 2018; 27(2):384-407. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.384-407

All authors have read and approved the final version of the manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

1. Редакция журнала «Регионология» принимает не опубликованные ранее научные статьи и дискуссионные материалы научного характера кандидатов и докторов наук, преподавателей, аспирантов. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и CrossCheck. Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях.

2. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

3. Необходимо указать **УДК**.

4. **Заголовок статьи** должен и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

5. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Состоит из следующих составных частей:

- 1) Введение (Introduction);
- 2) Материалы и методы (Materials and Methods);
- 3) Результаты исследования (Results);
- 4) Обсуждение и заключения (Discussion and Conclusions).

Приводится на русском и английском языках.

6. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

7. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

8. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему

для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.* Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключения. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

9. **Список использованных источников** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

10. **Информация об авторах.** Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

11. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

12. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *jpg или *tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей (срок действия рецензии – 1 год). Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц.

Подписной индекс в каталоге агентства «Роспечать» – 73335.

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

1. *Regionology* journal accepts previously unpublished scientific articles and discussion papers of scientific nature from academic degree (Ph. D. or Doctor of Sciences) holders as well as from lecturers and postgraduates. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *Antiplagiat* and *CrossCheck* systems. The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science.

2. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

3. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

4. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

5. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusions.

The abstract should be written in Russian and English.

6. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

7. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

8. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format

with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusions. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

9. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.5–2008* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

10. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

11. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

12. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *jpg or *tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

Regionology journal uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa (a review stays valid for 1 year). On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals.

The subscription index in the catalogue of the agency of *Rospechat* is 73335.

Sergey M. Vdovin – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

Редактор *Е. С. Суркова*.
Компьютерная верстка *А. С. Полутина*.
Перевод *А. В. Пузакова*.
Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова*.

Подписной индекс в каталоге АО Агентство «Роспечать» – 73335.
Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 09.06.2018. Дата выхода в свет 29.06.2018. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 12,7. Тираж 1 000 экз. 1 завод – 200 экз. Заказ № 895. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Адрес типографии: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»)

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Editor *E. S. Surkova*.
Desktop publishing *A. S. Polutin*.
Translation *A. V. Puzakov*.
Informational support of the journal site *A. A. Paramonov*.

Subscription index in catalogue of agency “Rospechat”– 73335.
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor); the Certificate of registration of a mass media unit: PI No. FS77-65932 of 6 June 2016.

Signed to print 09.06.2018. Date of publishing 29.06.2018. Sheet size 60 × 84 1/16. Conventional printed sheets 12,7. Number of copies 1 000. Printing plant 1: 200 copies. Order no. 895. Free price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia.

Tel/Fax: +7 (834 2) 48 14 24, +7 (834 2) 32 86 14
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 43000 5, Republic of Mordovia (Publishing House of National Research Mordovia State University)

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.